Государственное образовательное учреждение

высшего профессионального образования

«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

ПОВЫШЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ГРАММАТИКЕ ОТГЛАГОЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Н.И. Пушина

Ижевск – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……. 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 10

1.1. Философия частеречной теории ……. 10
1.2. Грамматическая категория отглагольного существительного……. 25
1.3. Номинативный аспект отглагольного существительного ……..... 50
1.4. Ономасиологический и когнитивный аспекты отглагольного существительного ……. 59
1.5. Проблемы межкатегориальных связей в грамматике…… 67
Выводы по 1-й главе …… 80
ГЛАВА 2. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ОТГЛАГОЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО……... 83
2.1. Словообразовательная лексико-семантическая типология отглагольного существительного…….. . 83
2.1.1. Агентивные отглагольные существительные…… 85
2.1.2. Неагентивные отглагольные существительные ……... 107
2.2. Типология конструкций с отглагольными существительными 134
2.2.1. Типы межкатегориальных связей в конструкциях с отглагольным существительным …… 138
Выводы по 2-й главе ……..... 162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ …… ……. 167
Список использованной литературы ……. 172
Список источников иллюстративного материала и принятых сокращений ……. 192
Список словарей ……. 197

Введение

Актуальность исследования. Проблемы языкового взаимодействия и межкатегориальных связей в грамматике отражены в целом ряде исследований [Адмони В.Г., Апресян Ю.Д., Бондарко А.В., Храковский В.С., Ярцева В.Н., Долинина И.Б., Козинцева Н.А., Якобсон Р., Дешериева Т.Д., Зернов Б.Е., Лайонз Дж., Маслов Ю.С., Пупынин Ю.А., Пушина Н.И., Дрожащих Н.В., Сюткина М.Ю. и др.]. Известный тезис об отсутствии чистых грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориальных взаимодействий, получает свое подтверждение в том, что функционирование языковых категорий во многих случаях определяется их взаимодействием с лексическим значением и другими грамматическими категориями данной знаменательной части речи, а также с лексическими значениями и грамматическими категориями частей речи, входящих в состав предложений. Исследования в области языкового взаимодействия и межкатегориальных связей пока не являются исчерпывающими, несмотря на пристальное внимание ученых. Так, практически не изученным в плане межкатегориальных связей в грамматике является отглагольное существительное.

Отглагольное имя существительное исследовалось в различных аспектах: с точки зрения происхождения и словообразования [Аракин В.Д., Берман И.М., Булатова Л.Н., Виноградов В.В., Винокур Т.Г., Гак В.Г., Жирмунский В.М., Иванова И.П., Перевощиков П.Н. и др.]. В рамках функциональной грамматики анализировались структурно-семантические особенности отглагольного имени существительного [Воронцова Г.Н. Кубрякова Е.С., Смирницкий А.И., Уфимцева А.А., Шапошникова Л.В. и др.]; семантико-синтаксические свойства [Апресян Ю.Д., Арутюнова Н.Д., Золотова Г.А., Мурясов Р.З. и др.]; словообразовательная и семантико-синтаксическая природа [Теньер Л., Хомский Н., Балли Ш., Арутюнова Н.Д., Гинзбург Е.Л., Курилович Е., Кубрякова Е.С., Шутов А.Ф. и др.]. Изучение

межкатегориальных связей в грамматике отглагольного имени существительного позволит углубить исследования межкатегориальных связей в грамматике в целом и в грамматике неличных форм глагола, содержащих омонимичные отглагольному существительному формы, в частности; дополнить описание системного устройства языка и его основ, связей и отношений в языке; решить определенные проблемы категориального статуса отглагольного существительного, в том числе относительно совокупности неличных форм.

Объектом исследования является категория отглагольного имени существительного, совмещающая глагольные и именные категориальные значения.

Предметом настоящего исследования являются межкатегориальные связи в грамматике отглагольного имени существительного на примере английского, русского, удмуртского, французского и некоторых других языков.

Научную новизну диссертации составляет прежде всего сам предмет исследования – межкатегориальные связи в грамматике отглагольного имени существительного. Впервые отглагольное существительное рассматривается в указанном ракурсе на морфологическом (словообразовательном) и синтаксическом уровнях языковой системы с учетом типологии словообразовательных моделей и типологии конструкций с отглагольным существительным.

Теоретической и методологической основой настоящей работы послужили труды в области межкатегориальных связей в грамматике Р. Якобсона, В.Н. Ярцевой, А.В. Бондарко, В.С. Храковского, Б.Е. Зернова, Л.А. Козловой, О.И. Бродович, Ю.А. Левицкого, Н.И. Пушиной, Н.В. Дрожащих, М.Ю. Сюткиной и других; работы, касающиеся лексико-семантического поля, Ю.Д. Апресяна, Л.М. Васильева, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева, Ю.Н. Караулова, Л.А. Новикова и других; исследования по словообразованию Е.А. Земской, Г.О. Винокура, Ш. Балли, Л.Теньера,

И.О. Улуханова, В.В. Виноградова, М. Докулила, П.В. Царева, Р.З. Мурясова; исследования по ономасиологии и когнитивной лингвистике Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, Г.А. Золотовой, Н.А. Слюсаревой, И.А. Мельчука, Р. Лангакера, Дж. Лайонза, У. Крофта.

Тема и подход к изучению материала определили **цель исследования:** – установить многообразие межкатегориальных связей в грамматике отглагольного существительного и обусловливающие их факторы с учетом данных английского, русского, удмуртского, французского и некоторых других языков.

Для достижения поставленной цели решаются следующие конкретные **задачи**:

– раскрывается онтологическое понимание категории отглагольного существительного;

– определяется грамматический статус отглагольного существительного;

– рассматриваются номинативный и когнитивный аспекты категории отглагольного существительного;

– анализируется и систематизируется лексико-семантическая типология отглагольного существительного;

– устанавливается парадигма наиболее употребляемых синтаксических конструкций с отглагольным существительным.

Материал исследования. Исследование выполнено на материале 4 тысяч примеров, полученных в результате сплошной и частичной выборки из художественных произведений английских, русских, удмуртских французских авторов, грамматик, журнальных статей, преимущественно специализированных статей по экономической и нефтяной тематике, справочников по грамматике, словарей современного английского, русского, удмуртского, французского и некоторых других языков. Привлечение разнообразного в стилевом отношении фактического материала обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты, обеспечить

достаточно полный охват исследуемого явления с включением всех релевантных для него признаков.

Методы и методика определяются как предметом исследования, так и поставленными задачами. Работа выполнена с позиций философского, исторического и лингвистического принципов, в рамках семасиологического, ономасиологического и когнитивного подходов, обеспечивающих рассмотрение языковых явлений в направлении от формы к значению и от значений к формам (установление того, как значение или функции выражаются в форме) и описание их концептуальных характеристик. Когнитивный подход позволяет углубить понимание когнитивных оснований анализируемых единиц, причин их постоянного появления и особенностей их функционирования, отличающих отглагольные существительные от прототипических существительных.

Кроссреференциальный подход в описании межкатегориальных связей базируется на установлении связи между языковыми единицами с целью выявления их различий и сходств.

В работе используются общепринятые лингвистические методики: методика семного анализа, которая позволяет адекватно описать лексическое значение в совокупности всех его компонентов; компонентного анализа, целью которого является разложение значения на минимальные семантические составляющие; анализа словарных дефиниций; перевод отглагольных существительных и предложений с одного языка на другой; прием трансформаций.

Теоретическая значимость исследования заключается

– в обосновании и разработке типологии межкатегориальных связей отглагольного существительного;

– в уточнении применительно к отглагольному существительному понятий «синкретизм», «межуровневые отношения», различаемых в пределах словоформы и категории как отдельных типов межкатегориальных связей;

– в разработке когнитивного основания категории отглагольного существительного, в уточнении ее категориального статуса, в том числе относительно совокупности неличных форм.

Практическое применение. Основные выводы работы могут использоваться в преподавании лингвистических дисциплин: общего языкознания, теоретической и практической грамматики английского, русского, удмуртского, французского и некоторых других языков, переводоведения. Представляется возможным и важным включить полученные данные в спецкурсы и семинарские занятия по проблемам грамматической семантики, дериватологии, сравнительной семантико-синтаксической типологии разноструктурных языков. Результаты исследования могут найти отражение в лингводидактических разработках, касающихся формирования у учащихся семантико-синтаксической компетенции разграничения омонимичных форм в области родного и иностранного языков.

Результаты проведенного исследования позволяют **вынести на защиту** следующие **теоретические положения**:

– отглагольное существительное обладает собственным значением и собственными категориальными признаками – грамматическими категориями. Тип грамматической категории и особенности ее реализации обнаруживают прямую зависимость от двойственного характера отглагольного существительного – совмещения и соотношения именных и глагольных свойств;

– связь именных и глагольных категориальных значений отглагольного существительного проявляется как на внутри-, так и на внешнекатегориальном уровнях;

– категориальные связи внутриуровнего характера могут проявляться в пределах одной словоформы;

– категориальные связи внешнеуровнего характера – в пределах синтаксической парадигмы как межуровневые связи;

– тип межкатегориальных связей определяется лексико-семантическими и словообразующими особенностями отглагольного существительного; лексико-семантическими особенностями личного глагола (предиката) или предикатного выражения, образующих тип конструкций с отглагольным существительным. В формировании типа межкатегориальных отношений существенная роль принадлежит актантной рамке и ее таксономической репрезентации.

Апробация исследования. Материалы и основные положения работы докладывались и обсуждались на научных и научно-практических конференциях различного уровня: VI-ой Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 2003); международной практической конференции «Научное наследие Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание» (Петрозаводск, сентябрь 2004); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты» (Самара, ноябрь 2004); международной научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, декабрь 2004); международной практической конференции «Английский язык в поликультурном регионе («English in a Multi-Cultural Community» (Ижевск, май-июнь 2005); республиканской научно-практическая конференции «Средовый подход к обучению иностранным языкам по новым технологиям» (Ижевск, декабрь-январь 2005-2006).

Основные положения работы отражены в 7 публикациях.

Цель, задачи работы, специфика исследуемого материала определили **структуру диссертации.** Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников иллюстративного материала, принятых сокращений и словарей.

Во введении обосновывается актуальность темы, излагаются цели, задачи и методы исследования, раскрывается научная новизна, определяется

теоретическая и практическая значимость работы, дается характеристика материала исследования.

Глава I «Теоретические основания исследования» посвящена анализу категории отглагольного существительного в философско-лингвистическом аспекте, в ходе которого определяется место категории отглагольного имени существительного в онтологическом, гносеологическом и лингвистическом пространствах. Рассматривается генетика, грамматика и семантика отглагольного существительного. Дается описание отглагольного имени существительного в ономасиологическом, номинативном и когнитивном аспектах. Обсуждаются проблемы межкатегориальных связей в грамматике.

Глава II «Межкатегориальные связи отглагольного существительного» посвящена выявлению и описанию межкатегориальных связей в грамматике отглагольного существительного. Отглагольное существительное рассматривается на морфологическом (словообразовательном) и синтаксическом уровнях. Выделяется словообразовательная лексико-семантическая типология отглагольного существительного и его словообразовательные модели. Выявляется парадигма синтаксических конструкций с отглагольным существительным, анализируются типы межкатегориальных связей отглагольного существительного, различаемые в пределах словоформы и категории. Определяются зоны пересечения значений, обусловливающие характер их взаимосвязей.

В **заключении** подводятся итоги проведенной работы, делаются общие выводы и определяются перспективы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Философия частеречной теории

Проблема классификации языковых единиц на протяжении всей истории лингвистических учений продолжает оставаться актуальной. Эта проблема относится к самой древней в языкознании и остается не разрешимой до сих пор. Принципы классификации словаря любого языка по частям речи, равно как и критерии их идентификации, были выработаны в языкознании не сразу. Данному событию предшествовал длительный по времени период накопления эмпирических сведений и обобщения уже известных фактов. Исторические корни основных проблем частеречной теории, ее вечной «неразрешимости», лежат гораздо глубже, чем это кажется. Исследованиями в этой области занимались Платон, Аристотель, Яска, Панини, в русской лингвистике этим вопросом занимались М.В. Ломоносов, Ф.Ф. Фортунатов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Шахматов и др. Части речи являются наиболее общими и необходимыми категориями в грамматике каждого языка. С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка. Говоря о частях речи, имеют в виду грамматическую группировку лексических единиц языка, т.е. выделение в лексике языка определенных групп или разрядов, характеризуемых теми или иными признаками [Маслов Ю.С., 1957:155]. Попытки разрешения проблемы частеречной теории – это отражение самого человеческого «я», познающего действительность при помощи своего языка и познающего язык благодаря явлениям и понятиям окружающей действительности. Нет сомнения в том, что истоки частеречной проблематики и корни многих ее кажущихся непреодолимыми противоречий следует искать в античности. И.М. Тронский называет четыре этапа становления и развития античного учения о частях речи: 1) период дограмматический, когда языковые единицы, вошедшие впоследствии в состав частей речи, были выделены исследователями в неграмматическом контексте; 2) создание

грамматической системы элементов предложения на базе логического учения стоиков; 3) введение морфологических критериев и борьба направлений вокруг системы частей речи; 4) канонизация восьмичленной «александрийской» классификации [Тронский И.М., 1941:23].

Древнеиндийские грамматисты выделяли 4 части речи: глагол, имя, предлог, частицу. Языковеды Китая считали, что существуют значимые части речи (полные): имена существительные, имена прилагательные, глаголы; а также незначимые (пустые) и вспомогательные. Стоики (Хрисипп, Кратес, Милосский) выделяли 5 частей речи: имя, нарицание, глагол, союз, член. Также была проведена грань между словом и предложением, т.е. части речи перестали ассоциировать с членами предложения.

В Александрийскую эпоху части речи освободили от синтаксического толкования и стали анализировать с точки зрения морфологии. В это время выделяли уже 8 частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, наречие, союз, предлог и артикль. Александрийцы точно отличали флективные формы (имя, глагол, причастие, артикль, местоимение) и нефлективные формы (предлог, наречие, союз). За основу их классификации принимались семантические и морфологические признаки. Несмотря на ряд недостатков данной системы, ученые и сейчас используют её с некоторыми изменениями.

Древние римляне лишь незначительно изменили древнегреческую классификацию словарного состава языка по частям речи, выделив артикль (его просто не было в латинском языке) и добавив междометие. Римские лингвисты уделяли большое внимание синтаксическому критерию при выделении частей речи.

Древние арабские языковеды различали лишь три части речи: имена, глаголы и служебные слова.

В средние века к традиционной классификации добавились имя прилагательное и числительное [Левицкий А.Э., 1998:19-20, см. также Левицкий Ю.А., Боронникова Н.В., 2005].

В XIX – XX вв. традиционная система частей речи перестает удовлетворять ученых. Появляются указания на непоследовательность и противоречия в существующей классификации, на отсутствие в ней единого принципа деления. В XIX веке в связи с интенсивным развитием языкознания, в частности морфологии, с изучением множества новых языков возникает вопрос, на основе каких критериев следует выделять части речи и различны ли они в разных языках?

Теория частей речи и грамматика в современном смысле этого слова своим появлением в немалой степени обязаны древнегреческой философии – прежде всего философии Платона и Аристотеля.

Разнородность терминов, относящихся к классификации частей речи в современных теориях, может быть объяснена самыми непохожими задачами, которые ставили перед собой философы различных античных, прежде всего, древнегреческих школ, в объяснении феноменов своего родного языка, а также нечеткостью их терминологии. Платон сосредоточивал внимание на структуре предложений как движущих сил логических аргументов, Аристотель ставил перед собой задачу классификации и определения основных терминов описательных наук вообще. То, что мы сейчас называем частями речи, Платон рассматривал как части логического суждения: «Потребности логического учения о субъекте и предикате заставили Платона обратить внимание на противопоставление имени и глагола» [Тронский И.М., 1957:308]. Платон отождествлял данные части речи не только и не столько с логическими категориями человеческого сознания как субъект и предикат, но и с явлениями внеязыковой действительности – с действиями и их носителями.

Части речи, как части речевой субстанции не могли не отвечать требованиям первой аксиомы – быть идентичными самим себе. Вторая аксиома имеет в большей степени терминологическое значение: в частеречной терминологии один и тот же денотат называется нередко разными терминами, что свидетельствует о различных подходах к данному

феномену со стороны разных исследователей. Данное положение может быть проиллюстрировано даже употреблением самого термина «части речи»: сам Аристотель не употреблял ни термина «элементы речи», ни «части речи»: в 20-й главе «Поэтики» он перечисляет «части словесного изложения» на равных правах называет «элемент» (т. е. отдельный звук), слог, союз, член, имя, глагол, «падеж» (т. е. форму имени или глагола, отличную от сходной). В этом перечислении уже выделены некоторые основные категории, на которых в дальнейшем будет построено учение о частях речи, но они еще не осознаны как лексико–грамматические единицы, как классы слов. Аристотелевская логика, грамматика и онтология были всегда неразрывно связаны между собой, так что структуры мира, языка и знания рассматривались как некое единство. Аристотель был первым ученым в истории философии, который глубоко и методически обоснованно задумался о структуре бытия и знания как такового, и эта его заслуга намного значительней заслуги деления речи на части. Категории сущности (субстанции), качества, количества, отношения, места, времени, положения, обладания, действия, страдания (претерпевания) образуют бинарную оппозицию, где категория сущности (субстанции) противопоставлена всем остальным (акциденциям) [Тронский И.М., 1973:212-213]. Таким образом, Аристотель пытался свести не только мир, но и язык, и знание к их «элементарным» основным формам.

В соответствии с принятой греческой традицией Аристотель трактовал грамматику как «учение о звуках речи». В области, лежащей между «учением о звуках речи» и логикой, он описывает язык как форму изображения мышления. Три части речи –λογος, όυομα и ρήμα - Аристотель исходит из структуры логического суждения, высказывания на его родном древнегреческом языке, причем не любого высказывания, ср.: «Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо» [Аристотель, 1978:51-90].

Десять категорий или десять когнитивных образцов были созданы и для того, чтобы типологически классифицировать множество наших понятийных образований. Эти десять категорий в течение более двух тысячелетий вплоть до Э. Канта были однозначно признаны, передавались из поколения в поколение. Слияние и взаимное определение логических, онтологических и языковых категорий было в творчестве Аристотеля научным фактом, последствия которого до сих пор значимы и в философии, и в филологии.

Теория частей речи стала складываться на основе языка с ярко выраженными флективными характеристиками и на фоне определенных философских предпосылок. Сам факт относительно того, что, сколько и какие части речи выделял Аристотель, уже не так важен по сравнению с ролью, которую сыграл ученый: он способствовал появлению на свет теории частей речи.

Дальнейшее развитие частеречной проблематики разворачивалось на фоне философской дискуссии аномалистов и аналогистов. Стоики отрицали язык как прямое отражение окружающей «природы». Учение стоической грамматики о частях речи восходит к Хрисиппу, который установил пять «элементов предложения»: имя, нарицание, глагол, союз и член [Тронский И.М., 1957:309]. Стоики предвосхитили появление александрийской грамматики, ставшей канонической «традиционной» грамматикой на многие последующие века.

Столкновение философии стоиков и филологии александрийцев оценивается как толчок, приведший к появлению, развитию и расцвету научной грамматики. Александрийцы были «аналогистами», их поиск закономерностей языка привел к установлению флективных «канонов». Сначала у Аристарха, затем у его ученика Д. Фракийского, мы и находим знакомые нам «священные» восемь частей речи, которые получили определение при помощи неравномерно распределенных семантических, синтаксических и морфологических признаков. С созданием александрийской

грамматики история развития теории частей речи, казалось, достигла того апогея, тех вершин, которые никогда впоследствии не повторялись: вся последующая история теории частей речи, так или иначе, была связана с восьмью частями речи древнегреческого языка, предложенными Дионисием; один язык с ярко выраженными признаками флективного типа оказался матрицей для описания многочисленных языков – языков иных типов и иных семей [Тронский И.М., 1957:42].

Дальнейшая история частеречной проблематики, по сути, не предложила ничего существенно нового. Римские грамматисты ревностно продолжали эллинистическую грамматическую традицию: древнегреческий язык был для римлян образцовым языком, грамматика Д. Фракийского была образцовой грамматикой. При рассмотрении частей речи римские ученые упоминали о различиях с греческими частями речи только тогда, когда эти различия были слишком заметны. Однако черты сходства в типологической характеристике обоих флективных языков способствовали появлению мнения, будто установленные греками грамматические категории – и, прежде всего, части речи – являются необходимыми и универсальными языковыми категориями.

Эра Э. Доната и Присциана стала классической эрой латинской грамматики. То, что греческие философы и ученые привели человечество к тому, что называется частями речи – очевидная истина. Наблюдательные греки предложили для последующих поколений подход к описанию своего родного языка, переняли восемь частей речи Дионисия, причем имена прилагательные, по-прежнему остаются в составе общего именного разряда [83:218-219].

«Важное значение имела также известная семантическая близость существительных и прилагательных**,** – ведь, с одной стороны, предмет, обозначаемый существительным, включает какую–то совокупность признаков, а с другой – признак, обозначаемый прилагательным, представлен не абстрактно, не сам по себе, а как признак, данный в каком–то предмете; эта

семантическая близость ярко проявляется в том, что прилагательные легко субстантивируются, а существительные часто используются для характеристики предмета (существительные в функции предиката, приложения, определения)» [83:220].

Взгляд на части речи как логико-грамматические категории господствовал вплоть до конца XVIII – середины XIX вв. Так, великий ученый М.В. Ломоносов по традиции выделял восемь частей речи (в его время все еще бытовал термин «части слова», который в XIX веке был заменен термином, привычным для нас). «…слово человеческое, – писал М.В. Ломоносов, – имеет осмь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именований; 3) глагол для названия деяний; 4) причастие для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог для показания принадлежности обстоятельств к вещам и деяниям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междуметие для краткого изъявления движений духа». Единый именной класс, элементы которого, по словам М.В. Ломоносова, служат, заметим, «для названия вещей», традиционно включал в себя и имена существительные, и имена прилагательные [Ломоносов М.В., 1950:512-514]. Что касается причастий, то автор относил причастия к так называемым отглагольным (или просто глагольным) именам**.** По словам русского грамматиста, «сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, … соединением имени и глагола в одно речение, …заключая в себе имени и глагола силу» [Ломоносов М.В., 1950:512-514].

В российском языкознании выделение частей речи начинают основывать на морфологическом критерии, т.е. на общности грамматических форм, присущих тем или иным разрядам слов. Примером выделения частей речи с формально-грамматической точки зрения может служить определение частей речи у Ф.Ф. Фортунатова. Части речи, называемые им «формальными классами», Ф.Ф. Фортунатов выделял по наличию у соответствующих слов тех или иных форм словоизменения: слова склоняемые, слова спрягаемые

слова несклоняемые и неспрягаемые. Исходя из этого, существительное – такой формальный класс (согласно Ф.Ф. Фортунатову), который имеет форму падежа, а прилагательное – такой формальный класс, у которого развиты форма рода, числа и падежа [Фортунатов Ф.Ф., 1956:89].

Например, для русского языка А.А. Шахматов устанавливал четырнадцать частей речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие, местоимение, числительное, местоименное наречие, предлог, союз, префикс, частица, междометие. В своих ранних работах при классификации частей речи А. А. Шахматов опирался, прежде всего, на семасиологические критерии, считая, что каждой части речи присуща некоторая система грамматических форм. Позже исследователь отнес определение частей речи к синтаксису, рассматривая вместе с тем в морфологии не только словоизменение и связанные с ним категории, получающие семантическое наполнение, но и структуру основы. А.А. Шахматов отмечает, что слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи [Шахматов А.А., 1952:29]. А.А. Шахматов также утверждал, что в некоторых языках, в частности, и в русском, части речи могут различаться морфологически. Грамматические категории, познаются в синтаксисе, поэтому при определении частей речи «должно принять во внимание ту связь, которая имеется между отдельными частями речи и грамматическими категориями» [Шахматов А.А., 1952:29]. В соответствии с теми «представлениями», которые выражаются словами, А.А. Шахматов делит их на три группы: знаменательные слова, выражающие обязательно основные представления с или без отношения к сопутствующим грамматическим категориям (существительное, глагол, прилагательное, наречие); незнаменательные слова, служащие для выражения той или иной самостоятельной грамматической категории (местоимение, числительное, местоименное наречие); служебные части речи, служащие для выражения той или иной несамостоятельной грамматической категории

(предлог, союз, префикс, частица); особо стоит междометие как эквивалент слова [Шахматов А.А., 1952:30].

При делении слов на части речи А.М. Пешковский вводит понятие «синтаксической» формы, т.е. зависящей от других слов в речи, и «несинтаксической» (словообразовательной) формы, что дало возможность слова с несинтаксическими формами: наречия, деепричастия и инфинитивы не только не считать «бесформенными», но и различать между собой [Пешковский А.М., 1956:37].

Л.В. Щерба полагал, что исследователь при классификации частей речи должен использовать ту схему, которая навязывается самой языковой системой, т.е. установить общую категорию, под которую подводится то или иное лексическое значение слова в каждом отдельном случае или, иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе. Таким образом, Л.В. Щерба признавал возможности экспериментального установления состава частей речи. Автор отмечает, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий, причем такими выразителями могут быть «изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т.д. Л.В. Щерба считал, что нет никакого основания приписывать особую роль в выделении частей речи формальным морфемам. Важно и положение Л.В. Щербы о пучке формальных признаков как характеристике части речи [Щерба Л.В., 1957:65].

Части речи, согласно И.И. Мещанинову, представляют собой лексическую группу, характеризуемую соответствующими синтаксическими свойствами. Таковые приобретаются ими в предложении, где определенная группа слов приурочивается к преимущественному выступлению в значении того или иного члена предложения или входит в его состав. В то же время, как член предложения, так и часть речи, обладают своими особенностями, которыми они выделяются: член

предложения в предложении, часть речи в лексическом составе языка [Мещанинов И.И., 1978:17].

В.В. Виноградов отстаивал синтетический подход к частям речи на базе углубленного анализа понятия слова, его формы и структуры в языке. Выделение частей речи должно предшествовать определению основных структурно-семантических типов слов [Виноградов В. В., 1978:29]. Классификация не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова, хотя лексические и грамматические критерии, по его мнению, должны играть решающую роль, причем морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в «органическое единство», так как нет ничего в морфо-логии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. Анализ смысловой структуры слова привел В.В. Виноградова к выделению четырех основных грамматико-семантических категорий слов. Аналогично некоторым античным исследователям, академик В.В. Виноградов подводит существительные и прилагательные под одну категорию имени, так как в современных языках они часто меняются ролями [Виноградов В.В., 1978:9-45].

Для А.А. Потебни чрезвычайно важным было установление связи между языком и мышлением в их функционировании и развитии. Подчеркнутое внимание к психологии, к самому процессу речетворчества привело А.А. Потебню к утверждению о примате предложения; отдельно взятое слово казалось ему научной фикцией. А поскольку слово – это лишь элемент предложения, то разобраться в частях речи как считает А.А. Потебня можно на базе предложения. Части речи для А.А. Потебни – грамматические категории, существующие только в предложении. Автор понимал язык как деятельность, предлагая рассматривать грамматические категории (глагол, существительное, прилагательное, наречие) как нечто неизменное, раз и навсегда выведенное из постоянных свойств человеческой мысли [Потебня А.А., 1958:82].

Ф.И. Буслаев подразделяет все части речи на знаменательные и служебные. Наиболее важным в отношении определения частей речи (которые Ф.И. Буслаев рассматривает в синтаксисе) представляется выделение по двум критериям: 1) отношение к словарю (слово в отдельности) 2) отношение к грамматике – принадлежность слова к части речи в отдельности [Буслаев Ф.И., 1959:289]. Эта констатация является, в сущности, ключевой для определения понятия частей речи в современной лингвистике.

Интересна точка зрения А.А. Реформатского на теорию частей речи, относительно имени существительного. Автор отмечает, что существительные не только «названия вещей» или «предметов»; наоборот, преодолевая всё разнообразие «вещей, существ, явлений», существительные представляют в грамматике любое явление, действие, качество, чувство, желание и многое другое как «предметность». А.А. Реформатский не согласен с точкой зрения на существительное как обозначение предмета как чего-то ощутимого. Существительным может быть и обозначение опредмеченного качества, и обозначение опредмеченного действия и т.д. (ср.: терпимость, беготня, украшательство и т.п.) [Реформатский А.А. 1967:323].

В индоевропеистике существует известная неопределенность в отношении определения имени существительного и глагола. Так, В.В. Колесов отмечает, что уже в праславянском вполне четко прослеживается катего-риальное противопоставление имени глаголу, ясно осознается синкретизм категории [Колесов В.В., 2005:213]. Относительно данной точки зрения, отечественные исследователи часто вспоминают К.С. Аксакова, который утверждал, что все существующее в пространстве – предмет, все существующее во времени – действие [см. подробнее Аксаков К.С., 1860].

Академик Ю.С. Степанов полагает, что имя – это слово, реже сочетание слов, называющее именующую вещь или человека [ЛЭС,1990:175]. Имя автор интерпретирует как вещи, их атрибуты, их модусы и их отношения или действия, а также их модусы и их отношения.

Е. Курилович, придерживается в основном традиционной классификации, включая в части речи — «в более широком смысле» — «формы минимальным образом свободные» (т. е. знаменательные слова) и «формы связанные» (т. е. служебные слова) [Курилович Е., 1962:53].

В научных изданиях Великобритании и США в ряде случаев имеет место терминологическая взаимозаменяемость word classes (классы слов) и parts of speech (части речи). Высказывается мнение, что термин «части речи» устарел и не отражает своей сущности, т.е. объединения отдельных слов в классы с учетом общности морфологии, семантики и роли данных классов в структуре предложения. Данная точка зрения основывается на взглядах Л. Блумфилда о более широком понимании классов слов, включающих в себя традиционные части речи, а также различные структурные конструкции (сложные формы, такие как инфинитив, причастие, герундий) [Левицкий А.Э., 1998:41]. Основой классификации словарного состава в европейских языках долгое время служил аристотелевский подход, утверждавший существование четырех частей речи — имени, глагола, местоимения и союза. Подгоняя под древнегреческую классификацию материал английского языка, английские грамматики уже в XVII веке выделяли также имя прилагательное, причастие, числительное, наречие и артикль. Г. Суит считал, что нужно выделять части речи согласно 3 критериям — форме, функции и значению. Первый критерий применительно к английскому языку он рассматривает в качестве ведущего и выделяет изменяемые (declinable) части речи: имена существительные, имена прилагательные, глаголы; и неизменяемые (indeclinable) части речи: наречия, предлоги, союзы, междометия. Междометия автор называет частицами. В частеречной классификации Г. Суит различает слова по синтаксическому признаку:

1. Именные слова (noun-words): имена существительные, именные местоимения (noun-pronouns) (I, they), именные числительные (noun-numerals) (three of us), инфинитив и герундий;

2. Адъективные слова (adjective-words): имена прилагательные, адъективные местоимения (adjective-pronouns) (my book, that book), адъективные числительные (adjective-numerals) (three men), причастия;

3. Группа глагола: личные и неличные (инфинитив, герундий, причастие) формы глагола [Sweet H., 1940].

О. Есперсен рассматривает части речи с двух позиций: в традиционном плане и с точки зрения разработанной им теории «трех рангов». Автор считает, что необходимо учитывать все: и форму, и функцию, и значение, подразделяя слова на такие части речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол, частица. Выделение первых четырех частей речи опирается на вышеназванные критерии. Частицы классифицируются только по признаку неизменяемости, к ним относятся предлоги, союзы и междометия. Числительные являются подвидом местоимений, а артикли – местоимениями [Есперсен О., 1958:90-92].

М.Я. Блох разделяет лексический состав языка в соответствии со следующими критериями: семантическим, формальным и функциональным, выделив 2 класса слов: изменяемые (notional) и неизменяемые (functional) [Блох М.Я., 1986:172].

Б.А. Ильиш делит лексический состав согласно 3 критериям: значению, форме и функции, причем их важность соответствует тому, как они перечислены: самый главный критерий — значение, затем форма и функция. Б.А. Ильиш отмечает, что многие ученые рассматривают теорию частей речи, как часть, относящуюся к морфологии, и предлагает также учитывать синтаксические характеристики слов. Автор выделяет 12 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, слово состояния, глагол, причастие, предлог, союз, частица, модальное слово, междометие [Ильиш Б.А., 1971:23-29].

А.И. Смирницкий считает, что части речи – классы слов с общим абстрактным значением, выраженным грамматическим оформлением. Учитывая три классических критерия, автор делит слова на 2 больших

класса, даже по его словам, «сверхкласса»: класс имени и класс глагола [Смирницкий А.И., 1959:29].

И.Б. Хлебникова считает, что части речи — это смешанное лексическое и грамматическое явление, потому что: 1) слова характеризуются определенным лексическим значением (a girl, to run); 2) каждый обобщенный класс имеет свое абстрактное значение (thingness, process, action, state). И.Б. Хлебникова делит части речи на группы в зависимости от того, какое количество слов принадлежит к этому классу. К глаголам и именам существительным принадлежит наибольшее количество слов, и И.Б. Хлебникова выделяет их в отдельный класс. Также исследователь делит части речи на открытые и закрытые классы, выделяя 8 частей речи: имя существительное, местоимение, имя прилагательное, глагол, наречие, предлог, союз, междометие. В качестве главного критерия автор выделяет значение, но также признает важность морфологического фактора [Хлебникова И.Б., 2001:37].

Давая характеристику словам того или иного языка, Л.С. Бархударов прежде всего отмечает, что они могут быть распределены по определенным классам, каждый из которых отличается целым рядом грамматических признаков, общих для всех входящих в этот класс слов. Л.С. Бархударов считает, что слова английского языка могут быть распределены по определенным группам или классам в зависимости от той позиции, которую они могут занимать в предложении, т.е. в зависимости от возможности их сочетания с другими словами в строе предложения. С другой стороны, слова классифицируются по частям речи в зависимости от грамматических категорий, которые в данных классах слов могут быть выражены. Но данный признак берется за основу классификации языковых единиц лишь в том случае, если им свойственны формы словоизменения. Таким образом, по мнению Л.С. Бархударова, все слова языка могут быть отнесены к определенным классам на основе присущих им общих грамматических – синтаксических и морфологических – признаков. Одно слово (лексема)

входит только в одну часть речи. В тех случаях, когда это правило внешне нарушается, мы имеем дело не с одним и тем же словом, а со словами, принадлежащими к разным частям речи:

She wore a yellow dress.

Do not use this soap — it will yellow your linen.

The yellow of an egg is called the yolk [Бархударов Л.С., 1975: 49-52].

Автор не учитывает критерия значения, считая, что он несущественен при выделении частей речи.

Ранее упоминалось, что именно в XIX веке появляется вновь оживший интерес к проблеме частеречной теории в языкознании и это связано, прежде всего, с изучением ряда языков, которые ранее не рассматривались. Так, например, это в полной мере относится к удмуртскому языку, к языку финно-угорской группы. По своей морфологической структуре он является агглютинативным, т.е. таким языком, в котором аффиксы словообразования или словоизменения присоединяются к корню (слова) в определенной последовательности. Несмотря на то, что структура данного языка отличается от английского и русского языков, тем не менее, в основу частеречной классификации языковых единиц положена классификация древнегреческого языка. Слова современного удмуртского языка по их значениям и функциям в предложении делятся на две большие группы: 1) знаменательные (самостоятельные) слова и 2) служебные слова [Перевощиков П.Н., 1962:67]. Одним из принципов выделения частей речи в удмуртском языке может быть назван словообразовательный (который признан важнейшим для типологически близких тюркских языков еще в 50-е годы [см., например Севортян Э.В., 1955:199]. Кроме того, в удмуртском языке несравнимо больше омонимичных частей речи (*шуныт «теплый»* – прилагательное, *«тепло»* – существительное, *«тепло»* – наречие). Для определения принад-лежности слов к конкретной части речи важен уже синтаксический принцип. Все это позволяет утверждать, что имена существительные, прилагательные и наречия в удмуртском языке гораздо меньше отличаются друг от друга,

границы между ними гораздо более размытые и нечеткие [Каракулова М.К., Каракулов Б. И., 2001:93-93], чем в английском, русском и некоторых других языках.

Таким образом, насколько бы ни была исчерпывающей классификация частей речи, тем не менее, на сегодняшний день остаются вопросы для обсуждения данной проблемы. Это, прежде всего, связано с тем, что язык - явление динамическое, при изучении которого необходимо искать новые подходы к исследованию языкового материала. Исследование конкретных формальных признаков различных частей речи в языках с непохожими типологическими структурами, определение релевантности каждого из них для существования той или иной части речи, и наличие системы частей речи в каждом отдельно взятом языке приблизило теорию частей речи к установлению определенной системы отношений частей речи, что оставляет данную проблему для глубокого осмысления и понимания.

1.2. Грамматическая категория отглагольного существительного

Остается неоспоримым тот факт, что у каждого языка существует частеречная классификация, свойственная данному языку. Многие классификации построены с учетом ряда морфологических категорий. В грамматической традиции выделяются части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие (Ф.Ф. Фортунатов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Л. Блумфилд, А.И. Смирницкий, О. Есперсен и др.). Данные части речи отличаются способностью пополняться новыми словами. При этом словообразование является главным средством пополнения словарного состава новыми лексическими единицами. Новые единицы в языке возникают на базе слов основного словарного фонда, включающего в качестве ядра все корневые слова, а также, большинство производных слов. Во многих языках наблюдаются следующие способы образования новых слов: чередование, аффиксация, словосложение и конверсия. Поскольку,

определенные словообразовательные типы тесно связаны с определенными лексико-грамматическими разрядами, целесообразно рассматривать их применительно к данным разрядам, останавливаясь в основном на важнейших средствах образования знаменательных частей речи.

Одним из таких способов пополнения словарного состава любого языка является отглагольное существительное, и эта тенденция наблюдалась с самых ранних этапов формирования языка. Отглагольные существительные отмечаются в самых разных языках: англ. *movement, fingering, speaker*; рус. *столкновение, лечение, носильщик*; удм. *жадён, ÷óæîí , лёган;* франц. *expirant, declamation*; нем. *Aufregung, Kriecher* и т.д.

Категория отглагольного существительного является достаточно спорным вопросом в языкознании, поскольку не во всех языках отглагольное существительное выделяется в качестве отдельной грамматической категории [Смирницкий А.И., 1959, 1957; Воронцова Г.Н., 1960; Шаламов Ю.В., 1987]. Сама номинация данной категории содержит в себе ряд вопросов – отглагольное: означает – произошедшее от глагола и существительного, или с наличием субстантивных признаков.

Рассматривая процессы образования отглагольного существительного, необходимо учитывать различные толкования таких понятий, как транспозиция, трансляция, деривация, словообразование (Ш.Балли, Л.Теньер, Е. Курилович, В.В. Богданов, Е.С. Кубрякова и др.), Например, Ф.Ф. Фортунатов соотносил понятие словообразования с понятием словоизменения, с формой словоизменения [Фортунатов Ф.Ф., 1956]. Согласно классификации Ф.Ф. Фортунатова, английское отглагольное существительное на *-ing* является полным словом, имеющим форму словоизменения – суффикс *-ing*.

Словообразование нередко рассматривается в составе транспозиции, а иногда даже не выделяется в ней. Это имеет свои причины. Как известно, в зависимости от степени влияния значения аффикса на семантику производного существительного и частеречных изменений в рамках аффиксального словообразования выделяются транспозиция, мутация,

модификация. Они характеризуются неодинаковыми типами предикативных отношений. С позиции синтаксиса интерес представляют первые два типа, в особенности явление синтаксической деривации. В связи с этим далее остановимся на толковании данных понятий лингвистами. То обстоятельство, при котором слово, приобретая новую морфологическую (частеречную) характеристику, наделялось изначально не присущей ему синтаксической функцией, многократно привлекало внимание ученых. Явление транспозиции в широкой лингвистической перспективе впервые было описано Ш. Балли, предложившим термин «транспозиция». По мнению Ш. Балли, часто слово одной категории (части речи) может под влиянием функциональных потребностей перейти в другую категорию, причем семантика данного слова не претерпевает каких-либо изменений. Ш. Балли понимал под транспозицией функциональное изменение языкового знака – приобретение им функции той лексической категории, к которой он по своей природе не относится. Необходимо отметить, что отглагольное существительное не только в английском языке, но и в других языках есть результат транспозиции. Транспозиционные и словообразовательные процессы в языке тесно переплетены друг с другом.

Устанавливая различие между функциональной и семантической транспозицией, Ш. Балли отмечает, что функциональная относится «исключительно к грамматике», тогда как семантическая «касается также и лексики». Отнесенность транспозиции к грамматике означает, что транспозиция представляет собой явление либо морфологического, либо синтаксического характера. Ш. Балли утверждает, что функциональная транспозиция синтаксична по своей природе и что смешение ее со словообразованием лишено оснований [Балли Ш.,1955]. Другие исследователи Женевской школы, А. Сеше и А. Фрей, также объясняли такой вид деривации как простую смену синтаксических свойств слова – как функциональную транспозицию [Балли 1955; Phrei 1929; Secheye 1926].

Аналогичную мысль подчеркивал Л.Теньер, полагая, что для понимания природы трансляции важно не упускать из виду то, что трансляция – это синтаксическое явление и что, следовательно, она выходит за пределы морфологических данных. Л.Теньер указывает на отличие транспозиции от словообразования, хотя и подчеркивает их родство [Теньер Л.,1988]. Л.Теньер определял синтаксическую деривацию как синтаксическую трансляцию [Теньер Л., 1988]. В чисто синтаксических понятиях описал семантическое различие между примарным словом и его синтаксическим дериватом О. Есперсен [Есперсен О., 1958].

В.В. Виноградов, исследуя транспонированные формы, указывал на грамматическую омонимию - чисто внешнее совпадение никак по существу не соотносимых друг с другом языковых единиц. Работы таких лингвистов, как В.Н. Мигирин, В.М. Никитович, О.М. Ким, Р.М. Гайсина и др., объединяет синхронная динамика при анализе транспозиции.

Е.А. Земская использует термин «транспозиция», под которым понимается переход одной части речи в другую. Этот переход может либо не сопровождаться изменением лексического значения, либо вызывать такое изменение. Первый случай распространяется на синтаксическую деривацию. Вся синтаксическая деривация относится к транспозиционным типам. Что же касается лексической деривации, то здесь, по мнению Е.А. Земской, возможны два словообразовательных типа – транспозиционный и нетранспозиционный. Первый тип характеризует переход одной части речи в другую, сопровождающийся изменением лексического значения производного относительно производящего. Во втором случае производное остается в пределах той же части речи, что и производящее, но меняет лексическое значение [Богданов В.В., 1977].

Некоторые правила разграничения формообразования, словоизменения и словообразования приводит также Е.С. Кубрякова. Автор относит транспозицию к словообразованию, поскольку здесь меняется значение основы, обычно в виде изменения категориальной характеристики; в

остальных случаях словообразования меняется и лексическое значение основы [Кубрякова Е.С.,1981]. Поскольку транспозиция «работает» прежде всего на синтаксис, для которого важное значение имеют функции, предпочтительной, по-видимому, следует считать широкую интерпретацию транспозиции - такую, какая дана в работах Ш. Балли и Л. Теньера. В этом случае транспозиция будет включать: конверсию, т.е. транспозицию без фонетически выраженного транспозитора; транспозиционное формообразование, при котором в качестве транспозитора выступают служебные слова и флексии, и транспозиционное словообразование, использующее в качестве транспозиторов суффиксы. Важно при этом отметить, что не всякое формообразование является транспозиционным по своей природе.

А.И. Моисеев также понимает под термином собственно «транспозиция» переход слов из одной части речи в другую и называет это лексико-синтаксической транспозицией [Моисеев А.И., 1987:120]. В.Н. Немченко характеризует транспозицию как морфолого-синтаксическое словообразование, которое связано с изменением синтаксических функций слов и их морфологической структуры [Немченко В.Н., 1984:11].

В.В. Шигуров выделяет два типа транспозиции – функционально-семантическую и функциональную. «Функционально-семантическая транспозиция, будучи фактом грамматики и словаря, включает в себя изменение как грамматических характеристик, так и лексико-семантических особенностей словоформ, подвергающихся категориальной (частеречной) трансформации» [Шигуров В.В., 2001:59]. Функциональная транспозиция, не имея отношения к словообразованию, представляет собой чисто грамматический процесс, связанный с преобразованием частеречных (категориальных) признаков языковых единиц.

Имея своей целью изучение морфологического окружения у производной и производящей основ, Е.С. Кубрякова предлагает различать транспозицию морфологическую, результатом которой является полное изменение морфологического окружения исходной основы, и транспозицию

синтаксическую, проявлением которой оказывается изменение синтаксических функций исходной единицы без полного изменения ее морфологического окружения [Кубрякова Е.С., 1974: 75].

Е. Курилович считает, что синтаксический дериват – это форма, имеющая то же лексическое содержание, что и исходная форма, но выполняющая другую синтаксическую функцию, она обладает синтаксической морфемой [Курилович Е., 1962:61]. При синтаксической деривации лексическое значение остается неизменным [там же: 62-63], хотя Е. Курилович также добавляет, что возможное изменение лексических сем может быть обусловлено категориально-грамматической трансформацией и называет синтаксической деривацией выражение значений частей речи способом аффиксации [Курилович Е., 1962:85]. Вряд ли можно согласиться с первой частью его трактовки: при синтаксической деривации полностью сохраняется лексическое значение. Уже сам переход слова из одной части речи в другую влечет за собой определенного рода трансформацию лексического содержания, так как лексическое значение слов разных частей речи не может быть одинаковым.

Так, В.Я. Плоткин отмечает, что механизм транспозиции включен в подсистему словообразования. Механизм словообразовательной транспозиции – наиболее гибкий из всех транспозиционных механизмов. Различие между транспозиционными механизмами английского и русского языков состоит в том, что наряду с транспозицией словообразовательный английский механизм использует и два других способа транспозиции: транспозицию словоизменительную и транспозицию синтаксическую [Плоткин В.Я., 1989:93]. Словоизменительная транспозиция (которую можно объединить со словообразовательной как морфологические способы транспозиции) маркирует переход слова в другой грамматический разряд, соответствующим образом изменяя его грамматическую форму с помощью суффикса. Новое слово при этом не создается – одно и то же слово принадлежит нескольким частям речи. Транспозиция синтаксическая

обеспечивается чисто синтаксическим средством – постановкой слова в синтаксическую позицию, типичную для принимающей части речи [Плоткин В.Я., 1989:93]. Гибридная природа продуктов транспозиции не только относит их на периферию принимающей части речи, но также ведет к их неполному отрыву от исходной части речи. Поэтому периферийные участки частей речи служат естественными переходными зонами между ними. На периферии размещены отвлеченные существительные, испытывающие сильное воздействие со стороны глаголов. Но и периферийные имена действия могут находиться на разных расстояниях от ядра существительных: имена с суффиксом *-ing* обычно дальше от ядра, чем имена с прочими суффиксами или без суффиксов *(production, work*). Имена действия на *-ing* смыкаются с периферией глагола, где обычно с ними соседствует герундий. У имени действия и герундия общая лексическая семантика, общие синтаксические позиции, причем семантически они глагольны, а синтаксически – субстантивны. Провести четкую грань между ними практически невозможно: по сути дела это общий сегмент двух смежных полей, зона свободного перехода из поля в поле [Плоткин В.Я, 1975:16].

В рамках проблемы соотношения словообразования и синтаксиса нельзя не упомянуть о начатой несколько десятилетий назад Н. Хомским и именуемой в языкознании дискуссии «лексикалистов» и «трансформационалистов». Номинализации (абстрактные отглагольные имена) выводятся Р. Лизом из предложения путем синтаксических трансформаций. Н. Хомский делает вывод о нерегулярности образования конструкций с отглагольными именами и тем самым оспаривает вывод Р. Лиза о связи словообразования с синтаксисом. По мнению Н. Хомского, лексические единицы должны располагаться в базовом компоненте грамматики без категориальных маркеров, которые они могут приобрести только на поверхностном уровне. Приводя соответствующие доводы, Н. Хомский утверждает, что между

лексемами словаря не существуют системные, регулярные связи и что лексикон не связан с синтаксисом [Хомский Н., 1972:137-141].

Как отмечает Е.С. Кубрякова: «Правила большого синтаксиса (организации предложения) преломляются на уровне словообразования как правила субституции предложения (единицы с внешне выраженной предикативностью) другим наименованием-словом с латентной, внутренней предикативностью» [Кубрякова Е.С., 1986:108].

В трансформационной порождающей грамматике номинализация рассматривается как совокупность трансформаций, как перевод единицы синтагматического уровня в другую лексико-синтаксическую модель при условии сохранения лексико-семантической идентичности. Трансформационный метод, с помощью которого можно устанавливать отношения производности и соотнесенности синтаксических структур, является оптимальным методом для выявления внутреннего синтаксиса производного. Однако его нельзя считать универсальным методом в области словообразования, потому что, как писал Л.В. Щерба, сложение смыслов дает новый смысл, но не сумму смыслов [Щерба Л.В., 1957].

Как известно, в зависимости от степени влияния значения суффикса на семантику производных и частеречных изменений в рамках суффиксального словообразования, помимо транспозиции, трансляции и деривации, выделяют также мутационное словообразование. Мутационное словообразование характеризуется резким изменением значения: при мутации создается слово с явно новым значением, резко отличающимся от значения производящего слова: *учить — учитель, учить — училище; стол — столяр* и т.п. [Моисеев А.И., 1987:28].

Таким образом, в рамках изучения связей словообразования и синтаксиса при описании транспозиции, синтаксической деривации, мутации существенными являются такие их характерные признаки, как преобразование лексического значения исходного слова, которое может быть обусловлено изменением частеречной принадлежности, приобретение

производным существительным новой синтаксической функции. Для более полного понимания словообразовательных процессов и образования производных существительных необходимо раскрыть сущность таких словообразовательных способов, как конверсия, нулевая деривация.

Конверсия - «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов, разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» (ср. *to laugh → laugh, leben → das Leben* и т.п.) [БЭС 1998: 235].

Однако Г.Н. Воронцова считает, что оперирование понятием «нулевая аффиксация» усложняет задачу дериватолога, так как «предполагает существование суффикса как обязательного, регулярного факта» [Воронцова Г.Н., 1990:91]. При отсутствии аффиксов их функции выполняют сами основы, а не нулевые морфемы.

Е.С. Кубрякова предостерегает от неправильного толкования нулевого аффикса как средства словообразования, подчеркивая, что такая нулевая морфема является следствием уже произошедшего словообразовательного процесса, это – его рефлекс и отражение [Кубрякова Е.С., 1996]. Деривация в равной мере охватывает морфологический и синтаксический уровни, проникает непосредственно в лексикон и создает новые лексические единицы. При рассмотрении нулевой суффиксации или бессуффиксального типа словопроизводства, последнее обозначение данного типа является более предпочтительным. Это позволяет обойти спорные моменты в отношении нулевой морфемы или нулевого алломорфа и в отношении принципиального вопроса: можно ли вообще подставить морфему в случае формального «ничего»?

Особый интерес исследователей вызывает вопрос о грамматическом статусе достаточно большой группы слов, получивших название синкретичных, или гибридных. Так, наряду с отглагольным

существительным выделяются инфинитив, герундий, причастие I, а также отглагольное прилагательное. Неоднородность и гибридность английского отглагольного существительного обусловлены: историей его формирования, категориальным статусом в системе языка, взаимосвязанностью со всей системой неличных форм глагола, в особенности с герундием.

Отглагольное существительное на протяжении всего этапа развития английского языка претерпевало как фонетические, так и морфологические изменения. Как полагают Б.А. Ильиш, А.И. Смирницкий, Э. Прокош, В.Н. Ярцева, В.Д. Аракин, И.П. Иванова, Л.П. Чахоян, К. Бруннер, М.А. Гуткин, A.C Baugh и др., в качестве одной из основных причин возникновения английских отглагольных существительных в древнеанглийский период можно отметить увеличение словарного состава языка.

В древнеанглийский период существовали отглагольные существительные, которые образовывались от сильных и слабых глаголов с помощью суффиксов *-ing* или *-ung*. Суффиксы распределялись в количественном отношении неравномерно: с помощью суффикса *-ing* образовывались отглагольные существительные от слабых глаголов I класса, а с помощью суффикса *-ung* – от сильных глаголов и от слабых глаголов II класса:

сл.. II *jetimbrian* «построить» – *jetimbrung* «строительство»

сл. II *weorpian* «чтить» – *weorpung* «почитание»

слн. III *bugan* «сгибать» – *bugung* «сгибание»

сл. I *fedan* «кормить» – *feding* «кормление»

В.Д. Аракин отмечает, что при помощи суффикса *-ing, -ung* (*earning, learning*), образовывались абстрактные существительные и при помощи *-ere> -er* (*carter, hunter, waver*) осуществлялось образование существительного со значением деятеля. В.С. Шведова, Ю.В. Шаламов не выделяют абстрактное существительное и отглагольное существительное как две разные грамматические категории [Шаламов Ю.В., 1987:44-47]. Под отглагольным

существительным авторы подразумевают абстрактное существительное со значением опредмеченного действия или его результата, образованное путем конверсии или деривации, без учета словообразовательных характеристик именного элемента для выделения данной категории.

По утверждению Г.Н. Воронцовой, категория абстракции как категория морфологическая выражается аффиксально [Воронцова Г.Н., 1960:335]. Учитывая, что «суффикс изменяет общекатегориальное значение исходного слова (преобразуя глаголы в имена существительные)», иными словами, служит «средством придания исходному слову значения предметности» [Гуревич В.В., 1970:14]. Многие авторы при выделении абстрактных существительных указывают названный признак доминирующим [Апресян Ю.Д., 1962:56; Адамец П.О., 1973; Кубрякова Е.С., 1981; Зельберг Ю.Б., 2000].

Б.Е. Зернов утверждает, что аффиксация как способ словообразования играл в древнеанглийском языке весьма значительную роль, как и в немецком, французском и удмуртском языках. В круг взаимодействующих друг с другом частей речи попадают существительное, прилагательное, числительное, глагол и наречие [Зернов Б.Е., 1986:105-106].

О. Есперсен называет абстрактные существительные существительными-предикативами или нексусными существительными, которые образуются от глаголов, подобно таким существительным как, *admiration, satisfaction, agreement*. Сюда же ученый относит отыменные образования типа *scholarship, professorate, chaplaincy* [Jespersen O., 1933:115].

И.В. Арнольд признает морфологический критерий первым критерием выделения абстрактных существительных, при этом приводится достаточно полный набор аффиксов, характерных для абстрактных существительных в английском языке. Тем не менее, данный критерий не является эффективным для разграничения вариантов внутри слова [Арнольд И.В., 1973:63].

А.А. Уфимцева, анализируя морфологическую структуру абстрактных имен, хотя и отмечает, что подавляющее их число представлено различными номинализациями - отглагольными и отадъективными существительными, в то же время признает наличие первообразных имен, таких как *mind, reason, fear, grief* и т.п. [Уфимцева А.А., 1986:130].

Особенно широкое распространение в среднеанглийский период получил отглагольный суффикс *-ing*, вытеснивший второй вариант *-ung*, существовавший в древнеанглийском периоде. С помощью суффикса *-ing* было образовано много существительных со значением процесса или результата действия, а также состояния: СА *bigynnyng* – начало, от СА глагола – *bigynnen* – начинать; СА *hunting* – охота, от СА глагола – *hunten* – охотиться; СА *smylyng* – улыбка, от СА глагола – *smylen* – улыбаться; СА *wynnyng* – выигрыш, успех от СА глагола – *wynnen* – выигрывать. Необходимо отметить тот факт, что благодаря отглагольному существительному возникают такие омонимичные неличные формы глагола, как герундий и причастие I. Уже в среднеанглийский период артикль начинает использоваться в качестве показателя отглагольного существительного. Однако и в среднеанглийский, и в ранненовоанглийский период отглагольное имя на *-ing* и герундий еще недостаточно четко были разграничены. В эпоху Шекспира встречаются четыре возможных способа употребления формы на *-ing: losing of the day; the losing of the day; losing the day; the losing the day*. Словосочетания *losing of the day; the losing the day*; представляют собой смешанные случаи употребления, *the losing of the day; losing the day* – четко разграниченные случаи. Характерным для отглагольного имени является употребление артикля и сочетаемость с определением, выраженным предложной группой: *the losing of the day; in excusinge of me; in stoppinge of the noyse*. Характерным для герундия является отсутствие артикля и сочетаемость с беспредложным дополнением: *losing the day*. В ранненовоанглийский период герундий подвергается дальнейшей интенсивной вербализации, что проявляется в постоянной отнесенности к

деятелю, являющемуся его логическим субъектом, и в развитии видовременных и залоговых форм [Иванова И.П., Чахоян Л.П., 1976].

Особенно качественное образование отглагольных существительных происходит в новоанглийский период, из числа которых назовем: *farming* – земледелие (первоначальное значение этого существительного было «сдача в аренду»), от глагола *to farm*, имевшего в (VI веке значение «сдавать в аренду»); *firing* – стрельба, от глагола *to fire* – стрелять; *spelling* – правописание, от глагола *to spell* – писать по буквам; *stocking* – чулок, от глагола *to stock* – покрывать плотным материалом. Только к концу XVIII в. происходит окончательное разграничение герундия и отглагольного имени по сочетаемости.

К. Бруннер рассматривает *-ing* форму, как форму, конкурирующую с инфинитивом и вытесняющую его во многих функциях [Бруннер К., 1956:329]. В этой форме К. Бруннер объединяет причастие настоящего времени и отглагольное существительное на *-ing*, отмечая при этом, что такое объединение происходит со среднеанглийского периода. Подробно рассматривая окончания отглагольного существительного, его субстантивный характер, К. Бруннер отмечает тот факт, что постепенно отглагольное существительное вербализуется. Вследствие этого отглагольное существительное все больше совпадает по значению с инфинитивом или с латинским герундием [Бруннер К., 1956:330]. Таким образом, автор не выделяет вообще герундия в английском языке.

На возникновение герундия и его развитие из древнеанглийских отглагольных существительных на *-ing*, *-ung* указывает Б.А. Ильиш. При этом автор подчеркивает, что герундий входит в систему глагола, сохраняя элемент субстантивности и имеет гораздо более глагольный характер, чем отглаголь-ное существительное [Ильиш Б.А., 1958:247]. Зародившись в СА период, герундий продолжает развиваться в НА период, постепенно отделяясь от существительного на *-ing*. Со временем дифференциация между герундием как формы, входящей в систему глагола, и отглагольным

существительным на *-ing*, становится более строгой. Однако этот процесс, как считает Б.А. Ильиш, протекал медленно, и в более поздних текстах встречаются случаи, которые не дают однозначной интерпретации: *I hear of a fellow, too, committed just now for stealing of his horses* [Ильиш Б.А., 1958:342]. Когда границы между отглагольным существительным и герундием были расплывчаты, границы между словообразованием и словоизменением также были нечеткими [Ильиш Б.А., 1958:342]. Установление более отчетливого разграничения между существительным и герундием способствовало приобретению отличительных признаков, а именно: отглагольное существительное от непереходных глаголов сочетается с предложным дополнением (предлог of), определяется прилагательным и сопровождается артиклем, поэтому и граница между словообразованием и словоизменением становится более ясной. Однако остается тот факт, что один и тот же суффикс употребляется и как словоизменительный, и как словообразовательный. Это препятствует установлению совершенно четкой грани между словоизменением и словообразованием [Ильиш Б.А., 1958:342].

Т.А. Расторгуева и И.Ф. Жданова также придерживаются того мнения, что благодаря древнеанглийскому отглагольному существительному появляются омонимичные формы: герундий и причастие I. Авторы полагают, что инфинитив в ДА был отглагольным именем. В связи со своей историей развития синтаксические функции отглагольного имени существительного, инфинитива и причастия частично совпадали, так как они все могли занимать позицию за глаголом и употребляться как часть глагольной конструкции. Кроме того, отглагольное имя и причастие I в СА период совпали по форме. Совпадение форм привело к использованию прямого дополнения с отглаголь-ным именем. Данная глагольная черта, а также утрата артикля трансформи-ровали отглагольное имя в герундий [Расторгуев Т.А., Жданова И.Ф., 1972:117].

При образовании существительных от глагольных основ в английском языке широко используются суффиксы *-ere, -estre, -ing/-ung, -u, -a.*

Заслуживает упоминания тот факт, что суффикс *-ere,* имеющий латинское происхождение и образующий имена существительные мужского рода (*leornere* «ученик», «последователь», *writere* «писец», «переписчик»), вытеснил исконный суффикс *-nd* (исторически суффикс причастия I), использовавшийся ранее для производства имен деятеля мужского рода: *nergend* «спаситель», *scieppend* «творец», «создатель». Суффиксы *-ing/-ung, -u,* соединяясь с глагольной основой, дают отвлеченные существительные женского рода *huntung* «охота», «дичь», *liesung* «освобождение», «избавление», *lufu* «любовь», *stalu* «кража»), в то время как суффикс *-a* – соответстсвующие существительные мужского рода (*drinca* «питье», *(ge)leafe* «вера», «ожидание»). Образование отвлеченных существительных женского рода от глагольных основ происходит также при помощи суффикса *-nis: a-fundennis* «находка», «открытие», *a-hefednes* «приподнятость», «возвышенность», «гордость». Но иногда такие существительные, как, впрочем, и существительные мужского рода, возникают из глаголов безаффиксально – по аблауту: *rad* «поездка верхом», «военная экспедиция», *spreac* «речь», *stig* «путь», «тропа», *song* «песня». Чередование гласных в корне у соотносимых слов выступает в древнеанглийском языке важным средством идентификации статуса словесных единиц в плане их принадлежности к определенным частям речи, но оно не всегда является результатом только аблаута. Более того, чередование сравнительно редко предстает в чистом виде: оно чаще всего взаимодействует с аффиксацией. Многие суффиксы, довольно широко употреблявшиеся в древнеанглийском языке, в среднеанглийский период полностью утратили свою продуктивность и исчезли из языка либо по причине исчезновения соответствующих слов, которые оформлялись ими, либо вследствие морфологического опрощения, приведшего к невычленимости прежних суффиксов из структуры содержащих их слов. Между тем, в языке осталось значительное количество старых суффиксов: *-er, -ing, -ness*. Причем все они не только сохранили высокую продуктивность, но и приобрели в большинстве своем новые

значения, превратившись, таким образом, в суффиксы многозначные. Развитие полисемии зачастую обусловливается расширением комбинационных возможностей данных суффиксов за счет взаимодействия суффиксов с производящими основами, с которыми они прежде совсем не соприкасались [Зернов Б.Е., 1986:95-101].

С конца среднеанглийского периода большой удельный вес в общей массе словообразовательных элементов приобретают суффиксы французского и греко-латинского происхождения. Такие суффиксы начинают постепенно использоваться для образования новых слов как от исконно английских, так и от иноязычных основ. Некоторые из таких суффиксов не входят в широкий языковой обиход, однако сам факт их употребления в качестве словообразовательных средств, безусловно, является прямым результатом усвоения английским языком большого количества иностранных слов. Среди суффиксов, пришедших в английский язык непосредственно из французского, были, например, суффиксы существительного *(-age, -ance/-ence, -ard, -ee, -ess , -et, -(i)ty, -(a)tion, -ment)*. Греческий и латинский языки, в свою очередь, дали английскому суффиксы существительного *(-ism, -ist)*. Наибольшей продуктивностью среди названных суффиксов характеризуются суффиксы, *-ance/-ence, -age, -ess*. Значения, выражаемые данными суффиксами, равно как и выполняемые ими функции, не остаются неизменными на протяжении дальнейшей истории исследуемого языка, меняется также и продуктивность некоторых суффиксов [Зернов Б.Е., 1986:112-113].

Непреложным, между тем, остается тот факт, что указанные и многие другие суффиксы, возникнув в средне– и новоанглийский периоды, сохраняются в английском языке вплоть до настоящего времени и продолжают играть определенную, хотя и не одинаковую роль, в словообразовательном процессе. Таким образом, существуют следующие словообразовательные суффиксы, которые добавляются к глагольным осно-

вам в английском языке: *-ing, -er, -age, -ance/-ence, -ard, -ee, -ess, -(a)tion, -ment, -al.*

Аналогичные словообразовательные процессы наблюдаются во французском языке. Исследователи французского языка В.Г. Гак, Ю.С. Степанов выделяют следующие суффиксы, которые также путем прибавления суффикса к глагольной основе образуют отглагольные существительные:

1. *V + -age/-ment: accrocher → accrochage* «сцепление», «сцепка»
   raider → raidissement «натягивание», «придание жесткости»
2. *V + -eur/-euse: jour → joueur* «игрок»
   ouvreur → ouvreuse «билетерша в театре»
3. *V + -ance*: *partir → partance* «уход»
4. *V + -ation: activer → activation* «активность» [Гак В.Г., 1988; Степанов Ю.С., 1973].

А. Доза утверждает, что в дороманском периоде французский язык сохранил большую часть суффиксов, употреблявшихся в классической латыни: *-alis, -anus*, ставшие во французском языке *-el, -ain*; *-ator* (ст.-фр. *-eeur*, в именах деятеля), сочетающихся с глагольными основами. Несколько позднее германский язык дал французскому языку суффиксы: *-ing, -ung*, но из-за смешения омонимов они вскоре исчезли: *-ing*, в результате фонетического развития ставший *-an (*он соединяется с именной или глагольной основой в *paysan, tisserand, cormorant = corvus)*.

В старофранцузском и особенно в среднефранцузском языке распространились отглагольные существительные, простые основы, ставшие именами мужского (*accueil, maintien, regret, relief* и др.) или женского (*déroute, recompense, ruse* и др.) рода. Развился этот способ в то время, когда субстантивированный инфинитив (*le dormer*) начал выходить из употребления (XV – XVI вв.). Новые ряды абстрактных имен образуются со следующими суффиксами: *-aille (trouvaille*, XII в.); с *-ëure* (лат. *-atura*), соединяющимися с глагольными основами (*blecëure > blessure*); очень часто с *-ement (-amentum: garnement, parement, vestement* и др.) и с новым

суффиксом -*ier*, связанным с латинскими именами среднего рода на -*erium (desiderium, improperium)*, который был довольно продуктивным в Средние века *(desirier, encombrier, reprochier, reprovier* и др.); с -*age*, также весьма продуктивным суффиксом, образующим от глаголов абстрактные *(passage*), а от существительных – конкретные *(visage)* имена.

С конца средневековья к исконным суффиксам присоединилось известное число заимствованных суффиксов, большинство которых проникло литературным путем из итальянского языка. С помощью суффикса -*ade*, который впоследствии оказался весьма продуктивным суффиксом во французском языке образовались собирательные имена *(colonnade)*, в особенности производные от глаголов, обозначающих действие (*baignade, noyade, reculade*).

Ряд суффиксов был заимствован из греческого и латинского языков: -*ation* заменил -*aison* в образовании абстрактных слов, которые иногда приобретают конкретное значение (*bifurcation, canalisation: arrestation* от *arrêter*) [Доза А., 1956:171-173; Репина Т.А.,1996].

Такие исследователи, как В.М. Жирмунский (1948), О.И. Москальская (1959), Н.И. Филичева (1959), выделяют словообразовательные форманты немецкого языка: -*ung, -heit, -ling, -er, -e, -t,* которые образуют путем добавления к глагольным формам имена существительные, например:

jagen → Jäger «бездельник», «браковщик»,

ankommen → Ankömmling «пришелец»,

aufregen → Aufregung «волнение», «беспокойство»,

enttäuschen → Enttäuschung «разочарование».

Так, О.И. Москальская указывает на следующие основные словообразовательные модели, унаследованные древненемецким от общегерманского периода:

1) названия деятеля или лица вообще образуются от глагольных основ с помощью суффикса -*il wartēn → wart-il* «сторож»; *tragan → treg-il* «носильщик»;

2) названия инструментов, орудий действия *–il (slugg-il* «ключ»; *deck-il* «крышка». Образование названий инструментов при помощи суффикса *-er,* характерное для современного немецкого языка, в древневерхненемецкий период не засвидетельствовано;

3) названия действия или результата действия с помощью суффикса *-t*, *fluh-t* «побег»; *sā-t* «посев» *virlus-t* «потеря»;

4) в совершенно новой функции выступает и получает широчайшее распространение суффикс *-ung*, вариант старого суффикса *-ung*, *-ing*. Данный суффикс используется для создания абстрактных существительных от глагольных основ, двн. *wirkunga* «действие», *sceidunga* «разделение», *heilazunga* «приветствие», *heilunga* «исцеление», *lērunga* «учение» и др. Данный суффикс сохраняет и характеризуется высокой продуктивностью до настоящего времени [Москальская О.И., 1985:350-355].

Н.И. Филичева отмечает, что суффикс действующего лица *-ari* соответствовал лат. *-arius* и был заимствован из латыни вместе со словами, в состав которых он входил (ср., например, *molinarius* – мельник). Он служил первоначально, по-видимому, преимущественно для образования новых слов от основ имен существительных, что подтверждается материалами одного из древнейших германских языков – готского, ср. готск. (*bōkareis*) книжник.

Среди производных существительных могли быть названия действующих лиц (nomina agentis), которые были связаны с соответствующими глаголами: *suonari* «судья»; *lêrâri* «учитель» и др. Это обстоятельство способствовало образованию новых существительных непосредственно от глагольных основ, в связи с чем значение самого суффикса было переосмыслено. Суффикс начал выражать носителя действия, а не просто отношение к действию. Данный словообразовательный тип оказался крайне устойчивым и сохранил свою продуктивность и до настоящего времени, предпосылки к чему мы находим в объективной действительности. В современном немецком языке это почти исключительно производные от глагольных основ (редко от именных, например, *Künstler*, *Städter*).

Что касается общегерманского суффикса *-ung,* то он, послужив на протяжении целого ряда столетий для образования большого числа существительных, продолжает сохранять свою продуктивность. Как отмечают исследователи, наиболее питательной почвой для образований подобного рода являлась ученая проза в силу того, что словарный состав языка нуждался в толковании новых понятий и явлений, *beitunga* «*ожидание»*; *korunga* «испытание»; *scouwunga* «рассмотрение» и т.д. [см., Филичева Н.И., 1959:111-113].

В развитии русского литературного языка имена на *-ние* в ряду других образований играли важную роль. Наибольший интерес представляют суффиксы, которые связаны с развитием славяно-книжного направления. Это образования с суффиксами *-тель, -ость, -ьство, -ьствие, -ние* и др. [Николаев А.С., 1987:114]. В научной литературе существует несколько точек зрения относительно происхождения названных суффиксов. В работах С.К. Булич (1904), С.П. Обнорского (1960), А.А. Шахматова (1952), Е.А. Земской (1965) и других доказывается, что эти суффиксы старославянские и были заимствованы русским языком из церковнославянского.

В.В. Виноградов выделяет следующие суффиксы:

1) значение действий выражается продуктивным суффиксом *-нь(е), -ни(е), -ени(е)* при образовании от глагольных основ: *гулянье, кипенье, мышленье, распространение, просвещение, оборудование* и т.п.;

2) обозначения лиц по роду деятельности, по занятию, по действию производятся посредством суффикса *-льщик (-альщик, -ильщик, -ельщик)* от глагольной основы: *гранильщик, боронильщик, сеяльщик, строгальщик, шлифовальщик, чистильщик, носильщик, точильщик, копировальщик, тянульщик, паяльщик, купальщик, курильщик, болельщик, мелильщик* и т.п.; ср. *неплательщик* и *молельщик,* проникшие в литературный язык из областных севернорусских говоров. В современном языке этот тип образования профессиональных обозначений рабочих (на *-льщик)* по роду работы особенно продуктивен;

3) в ряду образований с суффиксом *-ец* в современном языке совершенно самостоятельное место занимает продуктивный класс слов с отглагольной основой, близкой к основе отглагольных существительных на *-ние* (ср.: *поражение — пораженец; непротивление — непротивленец.* Слова этого рода обычно образуются от отглагольных существительных на *-ение*: *просвещенец, обновленец, назначенец, перерожденец, выдвиженец, невозвращенец, примиренец, лишенец, отопленец* и т. п.;

4) обозначения лиц по роду деятельности (обычно выраженному глаголами на *-ировать, -изировать* и отглагольными словами на *-ация,-изация)* посредством продуктивного заимствованного суффикса *-атор* (лат. *-ator): украинизатор, рационализатор, ликвидатор, новатор, кинооператор* и т.п. Данный суффикс в современном языке сочетается не только с заимствованными, но и с русскими основами.

Тот же суффикс обозначает технические орудия и приспособления: *экскаватор, эскалатор, перфоратор* и т. п. [Виноградов В.В., 1986:91-105].

Известно, что в удмуртском языке отглагольные существительные образуются с помощью суффиксов *-он (-ён)* и *-н*, при этом, от любого глагола. В системе словопроизводства существительных этот суффикс является самым продуктивным. Общая семантика существительных на *-он (-ён)* и *-н* – это обозначение предметно-мыслимых действий, состояний, признаков, и процессов, реже субъекта, орудия действия или объекта действия. Конкретное значение существительных на *-он (-ён)* и *-н* связано с понятием, выраженным глагольной основой.

Существительные на *-он (-ён)* и *-н* могут обозначать:

1) процессы и явления, относящиеся к речи, мыслительной, психико-физиологической деятельности, а также процессы, происходящие в организме живых существ: *вераськон* «беседа, разговор» *(вераськыны* «разговаривать, беседовать, договариваться»), *ивортон* «оповещение, извещение, сообщение» *(ивортыны* «оповестить, известить, сообщить»), *тодон*

«знание, познание» *(тодыны* «знать, познать»), *малпан* «дума, мечта» *(малпаны* «думать, мечтать»);

2) явления и процессы, относящиеся к социально-экономической и культурной жизни общества: *узырмон* «обогащение» *(узырмыны* «стать богатым, разбогатеть»), *лэсьтӥськон* «строительство, стройка» *(лэсьтӥськыны* «строить, мастерить»), *вузкарон* «торговля» *(вузкарыны* «торговать»), *кивалтон* «руководство» *(кивалтыны* «руководить»), *вормон* «победа» *(вормыны* «победить»), *киултон* «присвоение» *(киултыны* «присвоить»), *дышетскон* «учеба, учение» *(дышетскыны* «учиться»);

3) явления и процессы, происходящие в природе: *пиштон* «сияние» *(пиштыны* «сиять, сверкать»), *сактон* «рассвет» *(сактыны* «рассветать»), *сӥян* «охлаждение» (*сӥяны* «охлаждаться»), *сисьмон* «гниение» *(сисьмыны* «гнить»), *сюрелан* «цветение, опыление» *(сюреланы* «цвести (о злаках), опыляться»), *ӝуан* «горение» *(ӝуаны* «гореть»), *шепан* «колошение» *(шепаны* «колоситься»), *удан* «всходы, прорастание», *(уданы,* «всходить, прорастать»), *тулкымъяськон* «.волнение (о волнах)» *(тулкымъяськыны* «волноваться»), *куасьмон* «высыхание» *(куасьмыны* «высыхать»);

4) конкретные физические действия, производимые человеком или животными: *пызьыртон* «выжимание» *(пызьыртыны* «выжимать»), *турнан* «косьба, кошение» *(турпаны* «косить»), *копан* «копка, копание, рытье» *(копаны* «копать, рыть»), *кошкон* «уход, отъезд» *(кошкыны* «уходить, уйти, отъехать, уехать»), *лобан* «летание, лёт» *(лобаны* «летать»), *лёган* «растаптывание, топтание» *(лёганы* «растоптать, топтать»);

5) многие существительные на *-он (-ён)* и *-н*, образованные от глаголов, являются двусемантичными, а именно: обозначают отвлеченное действие, процесс, признак и предмет, имеющий определенное назначение или выступающий как орудие: *пукон* «сидение (процесс, состояние)» и «стул» *(пукыны* «сидеть»); *портон* «сверление, кружение воды в водовороте» и «сверло, бурав» *(портыны* «сверлить»); *тачыртон* «трещание, треск» и «трещетка» *(тачыртыны* «трещать»);

6) некоторые существительные на *-он (-ён)* и *-н,* обозначавшие когда-то действие и процесс, в современном языке обозначают предмет или основным значением их является предметность, а значение действия находится в процессе элиминации: *синучкон* «зеркало» *(син* «глаз», *учкон* «взгляд, рассматривание», *учкыны* «смотреть»), *сиён-юон* «пища, еда», реже «процесс еды» *(сиыны* «есть, кушать», *юыны* «пить»), *погылян* «колесо» и реже «скатывание» *(погыляны* «скатываться»); *кӧкоран* «зубильный молоток для насечки жерновов» и реже «процесс насекания жернова» *(кӧ* «жернов», *кораны* «рубить») [Перевощиков П.Н., Тараканов И.В., 1962:11-115].

Существительные с суффиксом *-лык,* образованные от отглагольных имен на *-он (-ён), -н,* обозначают возможность действия, выраженного отглагольным именем на *-он (-ён)* и *-н*: *быгатонлык* «способность, возможность, умение» *(быгатон* «умение способность»), *валанлык* «смышленность, понятливость» (валам «понимание, осмысление»), *ваньмонлык* «наличие досуга, свободного времени» *(ваньмон* «досуг, свободное время»), *луонлык* «возможность». Этот суффикс является относительно продуктивным.

И конечно, такие суффиксы, как *-лык, -эт (-ет), – ос*, играют свою роль при образовании и формировании новых слов [Перевощиков П.Н., 1962:111-116]. Наряду с упомянутыми суффиксами В.И. Алатырев выделяет суффикс *-чи* в составе *иворчи* «вестник» стал употребляться сравнительно недавно. Данный суффикс по происхождению является тюркским [Алатырев В.И., 1959:57]. Имена существительные на *-чи* можно разделить на следующие семантические группы:

а) существительные, обозначающие лицо по роду его деятельности: *горшокчи* «гончар», *караулчи* «лесник, сторож», *кутычи* «пастух» – диалектальное;

б) существительные, обозначающие лицо, деятельность которого связана с верованием, религиозными воззрениями, старыми обычаями: *дэмчи* (ср. *дэмланы* «рекомендовать, выдвигать») – «сваха, сват»;

в) существительные, обозначающие лицо, которое является соучастником какой-нибудь деятельности, например: *сюанчи* «участник свадьбы», *вемечи* «участник помочи», *бӧрысьчи* «участник свадьбы со стороны невесты»;

г) существительные, обозначающие лицо, которому присуще те или иные качества, свойства, нравы: *алекчи* «сплетник, клеветник», *пӧечи* «обманщик, лгун, врун», *бустэмчи* «болтун, лгун» [Алатырев В.И. 1959:149-150]. Данный суффикс отличается наименьшей степенью продуктивности.

В удмуртском языке отглагольное существительное в большинстве случаев рассматривается в пределах неличных форм глагола. Глагол-сказуемое в сложных предложениях может трансформироваться в деепричастие, причастие и отглагольное имя существительное при помощи суффиксов *-м, -н* [Шутов А.Ф., 1999:22-25]. Данный факт доказывает гибридность таких грамматических форм.

Таким образом, при помощи суффиксов имени существительного и глагольной основы появляются новые понятия в рассмотренных нами языках. Очевидно, что в данных языках используется тот же самый метод пополнения словарного состава языков, несмотря на различия грамматического строя языков.

В современном английском языке отглагольное существительное на *-ing*, герундий и причастие I являются омонимичными, но в тоже время разными грамматическими категориями. В силу своего исторического развития данные омонимичные формы образовывались по-разному. В английском языке была развита система словопроизводства. В приведенных выше примерах указывается на то, что форма отглагольного существительного образуется благодаря двум частям речи – имени существительному и глаголу. Но наравне с английским отглагольным существительным сосуществовала форма причастия I, а затем на основе отглагольного существительного образуется герундий. Отглагольное

существительное представляет собой категорию, которая имеет двунаправленный характер.

Таким образом, английское отглагольное существительное – это производное слово, которое наследует содержание глагола – процесса, действия, а словообразовательный маркер существительного, позволяет выделить из структуры глагола участников этого действия. Наличие залоговых, модальных характеристик отглагольных существительных позволяет нам трактовать их как единицы смешанной категориальной семантики, где лексическое значение слова указывает на наименование субъекта или объекта, а категориальное значение – свойства этого имени. С семантической точки зрения все типы субстантивных производных образованы с ориентацией на глагол, образующий глагольный узел. В английском языке в отглагольных существительных, которые не являются существительными французского происхождения, при образовании отглагольного существительного при помощи суффикса -*tion(-sion*), в этой функции в английском языке часто употребляется суффикс -*ing*: *the cheering* «приветствие». В русском языке наиболее распространенные имена действия представляют собой отглагольные существительные, морфологически примыкающие к парадигме глагольного спряжения: *страдание, учение.* Если производное существительное соотносится не с глаголом действия, а с глаголом состояния, такие отглагольные существительные определяются как абстрактные отглагольные существительные с ярко выраженным абстрактным компонентом. Например, германский суффикс абстрактных существительных – нем. -*tum* (*Eigentum* собственность), англ. -*dom* (*Kingdom* королевство) был автономным словом в готском (*doms*) и староанглийском языке (*dom*).

Когда транспозиция глагола в существительное заходит очень далеко, и глагольные характеристики ядра полностью уступают место субстантивным, мы имеем дело с существительным, которое отличается от обычного существительного только сохраняющимися морфологическими связями

глагола и тем, что говорящие осознают его глагольное происхождение. Такое существительное называется отглагольным существительным. Отглагольное существительное не представляет особых трудностей при разграничении от имени действия: первое еще входит в глагольную парадигму, в то время как второе из нее уже вышло. Так, русское существительное *видение* образовано от основы инфинитива глагола *видеть*. Инфинитив, достигший высокой степени развития, превращается в отглагольное существительное, глагольные свойства постепенно ослабевают и оказываются на пути к полному исчезновению, как это произошло во французском языке в XIII в. Субстантивация инфинитива стала встречаться чаще. После XIII в. его глагольность одерживает верх. Начинает намечаться тяга к имени; появляется множество отглагольных существительных на *-ation, -ance, -age, -ment (négation, endurance, colportage, ressentiment и т. п.);* в английском языке этот процесс происходит намного раньше в древнеанглийский период. Это вынуждает нас обратиться к наиболее типичным случаям взаимодействия частей речи – главным образом в сфере морфологического и морфолого-синтаксического словообразования. При этом следует подчеркнуть то, что описание взаимодействия частей речи в словообразовательной сфере сопряжено со значительными объективными трудностями, что доказывает неоднородность отглагольного существительного. При изменении данной категории появляются новые словообразовательные значения, которые непосредственно связаны с морфологией и синтаксисом языка.

1.3. Номинативный аспект отглагольного существительного

Человек познает окружающий мир, в котором существуют различные предметы и явления. В процессе познания он дает им имена, формирует новые понятия и устанавливает связи между ними. Наука, которая изучает природу наименований и средства их обозначения, а также их типы, называется ономасиологией. Основной целью ономасиологии является

создание и развитие теории номинации, изучение средств и способов называния элементов внеязыковой действительности, «Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки предметов, ... номинация есть закрепление за языковым знаком понятия - сигнификата, отражающего определенные признаки» [Языковая номинация 1977:101].

В акте номинации познающий субъект отбирает в называемом предмете ряд признаков или один признак, которые, как правило, принимаются за основу наименования. Каждый предмет (денотат) имеет множество признаков. Эти признаки конкретны, осознаются носителями языка как сугубо индивидуальные, но в совокупности создают сложные представления о данном предмете или явлении в сознании человека. Отразить в сознании все эти признаки одновременно невозможно, поэтому в большинстве случаев в нем указывается на один, являющийся наиболее характерным. Этот основной признак, на базе которого предмет или явление получили название, А.А. Потебня называет «внутренней формой». В ряде слов эта внутренняя форма затухает и исчезает, слова выступают как немотивированные, непроизводные.

Мотивированность является одной из характерных черт номинации. Мотивированность ярче всего проявляется в словах производных. Процесс называния связан с выявлением мотивационных признаков, характеризующих простые производные и сложные слова. Поэтому основным аспектом изучения словообразования следует считать номинативный или ономасиологический.

Как полагает Е.С. Кубрякова, основная цель ономасиологии – установление тех принципов, которыми руководствуется говорящий при осуществлении им номинативной деятельности. Теория номинации определяется как лингвистическая теория, которой надлежит объяснить, как формируются в языке обозначения разных фрагментов окружающего нас мира в ходе его познания, какие для этого используются или создаются

языковые средства и формы. Важной составной частью ономасиологии является ономасиология деривационная, которая решает поставленные выше проблемы применительно к такому номинативному знаку, как производное слово [Кубрякова Е.С., 1981:21]. Автор интерпретирует словообразование как область создания и функционирования производных единиц как однословных наименований, вторичных по своей природе, мотивированных по содержанию и структурированных в соответствии с формальной операцией и характером преобразования исходных единиц, базы деривации [Кубрякова Е.С., 1974:51-52].

Так, например, по В. Матезиусу основная задача ономасиологии – изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности. Подобные средства и способы, неоднородны и разнообразны и, логично, не все они носят словообразовательный характер.

Акт номинации, по мнению Е.С. Кубряковой, с точки зрения ономасиологического подхода предполагает две различные операции: 1) необходимость идентификации референта, определение его места в когнитивной системе говорящего и отнесение его к определенной категории, 2) сравнение данного референта с другими, подобными ему, в данной категории (классе), в результате выделяются характеристики, отличающие данный референт от ему схожих. [Кубрякова Е.С., 1981:200]. В этом заключается роль когнитивных процессов при порождении слова.

Для акта номинации существенны следующие черты словообразования: новое название строится как однословное; производное слово – вторичная единица, т.е. создание новой единицы, с новой смысловой структурой происходит на базе уже существующих готовых единиц языка; в структуре нового наименования всегда повторяются знак или части знаков из имевшихся в структуре исходной единицы; новое наименование всегда представляет собой слово, формальные характеристики которого не повторяют полностью формальных характеристик исходной единицы; создание нового наименования всегда осуществляется в ходе определенной

формальной операции (прибавления аффикса, прибавления другой основы или основ, усечения каких-либо элементов, чередования, и т.п.). Акт номинации трактуется не просто как особый речемыслительный акт, но как акт познавательный и закрепляющий постигнутое в форме языкового знака [Кубрякова Е.С., 2000]. Номинации с семиотический точки зрения – это сложная цепочка отношений между телом знака и тем, что находится вне знака [Колшанский Г.В., 1975]. Главное свойство номинации заключается в том, что первоначальная деятельность человека по объективации картины мира складывается по определенным причинам в уме человека и в последствии становится достоянием говорящих на том же языке.

Наименование долгое время изучалось на уровне парадигматических отношений. В период признания ономасиологического и семасиологического аспектов рассмотрения наименования особое место занимает признание условной грани между понятиями «значения» и «обозначения» при отсутствии целостного системного описания слов. Объектом номинатив-ного аспекта знаковой теории языка являются все номинативные средства языка, образованные разнообразными способами; в свете теории номинации исследуются вопросы системности слов не только в их прямых, но и переносных значениях. Несмотря на высокую частотность употребления термина «номинация» в современной лингвистической литературе, его содержание до сих пор остается многозначным, что является достаточно дискуссионным вопросом. Во-первых, одно и то же название - *номинация* - обозначает как процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния [БЭС, 2000]. Во-вторых, у разных исследователей часто не совпадает содержание терминов «первичная» и «вторичная» номинация. Так, В.Г.Гак, А.А. Уфимцева под первичной номинацией понимают языковое означивание посредством слов и словосочетаний, а под вторичной - языковое означивание при помощи предложений. Э. Бенвенист также относит слова и словосочетания к

первичной, а предложения - к вторичной номинации и понимает под условиями означивания прежде всего наличие средств языкового выражения той или иной семиологической значимости и факт вхождения данного знака в ту или иную систему и определенного осмысления знака в этой системе.

Исключительность человеческого языка, заключающаяся в осуществлении им одновременно означивания и слов, и высказываний, откуда проистекает его метаязыковая способность интерпретировать не только другие знаковые системы, но и самого себя, дает возможность исследователям сделать вывод о том, что в языке существуют две различные, хотя и взаимосвязанные сферы означивания: 1) сфера первичного, собственно семиологического способа образования словесных знаков, называющих повторяющиеся представления объективной действительности и субъективного опыта носителей языка; 2) сфера вторичного означивания, создания высказываний как «полных знаков». По словам А.А.Уфимцевой, само название знаков первичного означивания – слов и словосочетаний как номинативных, а знаков вторичного означивания – сообщений и высказываний как предикативных, разграничивает их не только по сфере функционирования, но и по своему основному значению. Номинативные знаки обслуживают классификационно-номинативную сферу и, выполняя репрезентативную функцию, обозначают как единичные предметы и факты, так и дают имя классу предметов или серии фактов, ибо они выражают обобщенные представления и понятия о многообразном «мире вещей и идей». Предикативные знаки обслуживают сферу коммуникаций, поэтому ядром означаемого этих своеобразных знаков является коммуникативное задание, модальность высказывания, нечто новое, ради чего создается данная речевая единица [Уфимцева А.А., 1974].

Как уже отмечалось ранее, существует и другое наполнение терминов «первичная» и «вторичная» номинация. Так, в работах Г.В. Колшанского, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой под первичной номинацией понимается изначально языковое означивание, первообразное слово. Первичная номи-

нация в таком понимании – крайне редкое явление в современных языках, поскольку она относится к первообразным словам типа *море, пить, моргать, хлеб, белый*. Для обозначения способности современных языков пополнять свой номинативный инвентарь вводится понятие вторичной номинации, под которой понимается использование фонетического облика первообразной языковой единицы для нового обозначаемого, т.е. появление нового значения в данной языковой единице. При этом результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу и по смыслу. По типу средств разграничивают: словообразование как регулярный способ создания новых слов и значений; синтаксическую транспозицию, при которой морфологические средства указывают на смену синтаксической функции при сохранении лексического значения; семантическую транспозицию, которая не меняет материального облика переосмысляемой единицы и приводит к образованию многозначных слов, а также фразеологизмов различных типов.

Рассматривая ономасиологический аспект словообразовательных категорий русского языка, Л.А. Чижова отмечает, что целью отдельного акта номинации является создание семиотических объектов для описания денотатов – свойств, качеств, отношений предметов и процессов объективной действительности, а также сферы духовной жизни человека [Чижова Л.А., 2000:198]. В акте номинации автор усматривает: выделение денотатов в действительности; выделение новых денотатов в действительности, не имеющих имен; создание образа нового денотата; вычленение свойств и черт образа нового денотата как отдельных объектов мыслительной деятельности; выделение специфических и типичных черт непоименованных денотатов - введение нового денотата в класс денотатов; определение связей новых денотатов с теми денотатами, которые имеют имя; определение стратегии номинации (*имятворчество* или *имяупотребление*) для нового денотата [там же: 198-199].

Ономасиологический подход, который является основополагающим в функционально-семантическом описании, ориентирован на наиболее перспективный и прогрессивный (коммуникативный) подход к языку [Кубрякова Е.С., 1987]. Н.А. Слюсарева в качестве основного средства воплощения коммуникативной функции языка рассматривает функциональный синтаксис [Слюсарева Н.А., 1981]. Как указывает Г.А. Золотова, общая коммуникативная функция синтаксиса свидетельствует об изофункциональности, параллелизме функций между классами разных структур: предложений и первичных строевых элементов [Золотова Г.А., 1973]. Обладая лексическим значением и морфологической формой, свойственными имени существительному как части речи, все аффиксальные девербативы (в нашем случае – отглагольное существительное) в функциональном плане отвечают и синтаксическому критерию, как одному из основных принципов выделения классов слов [Тарамжина Л.В., 1997:16]. Неслучайно в рамках изучения связей словообразования и грамматики особое место занимает проблема соотношения словообразования и синтаксиса.

Следует отметить, что особенностью производной единицы как результата словообразовательного процесса является совмещение в ней номинативного и предикативного планов. Номинация в производном имени осуществляется через предикацию: предмет мыслится и именуется посредством установления связи с другим предметом. [Степанов Ю.С., 1973:341]. Предикация выступает фиксатором словообразовательного значения. Предикативная основа производного имени предопределяет словообразовательную семантику.

Тот факт, что производное онтологически представляет собой единство материального плана и плана содержания, уже указывает на возможную полифункциональность данной единицы. Формальная и внутренняя стороны производного знака обладают многочленными структурами, которые также тесно взаимодействуют друг с другом. В рамках такого прочного сплава

различных признаков девербативов выявляются многомерные связи, охватывающие практически все фундаментальные системы языка (фонология, морфология, синтаксис и др.). Производные существительные сообщают, например, о таком положении, при котором словообразование выступает в качестве фокусирующего центра семантико-синтаксических отношений. С этой точки зрения нам представляется оправданным рассмотрение внутреннего синтаксиса отглагольных существительных, а также других их особенностей.

Производные слова в семантическом плане обладают объемной, развернутой информацией о предметах и явлениях действительности. В актах словообразования эта информация конкретизируется, компрессируется, при этом реализуется принцип экономии языка. Для передачи одного и того же содержания может быть использована синтаксическая конструкция или производное слово. Отглагольное существительное (имя действия) по смыслу равно исходному глаголу — имеет одинаковое с ним означаемое. Однако отглагольное существительное отличается от глагола по своим синтаксическим и морфологическим возможностям, по своей «вспомогательной» информации, которая относится к «смысловой» стороне языковых знаков. И.А. Мельчук придерживается точки зрения, в соответствии с которой глагол является «базовым, первичным способом обозначения предикатов (в семантическом смысле), то есть действий, состояний, отношений, процессов; существительные же – имена действия - в этой роли вторичны: они представляют собой «сжатие» - номинализацию - целых предложений» [Мельчук И.А., 1995: 464-465].

Ранее при рассмотрении теории частей речи нами отмечалось, что номинация отражает определенный опыт познания мира. Семантической базой существительных являются обозначения предметов и тех понятий, которые характеризуются, прежде всего, тем, что они отображают материальные предметы и содержат общий категориальный признак предметность. Номинативная функция глагола отличается от номинативной

функции имени существительного в силу того, что глагол обозначает действие, состояние, процесс. В связи с этим рассмотрение отглагольного существительного может разрешить проблему первичной и вторичной номинации. Необходимо обратиться к такому номинативному знаку, как производное слово и к пониманию самых простых процессов создания новых наименований. В изучаемых современных языках большинство новых наименований создается в сфере словообразования. Как бы ни была велика доля заимствований, она не обеспечивает полностью потребности в новых словах, поэтому язык вновь обращается к своим внутренним ресурсам. Основной способ пополнения словарного состава языка – развитие новых значений у имеющихся единиц, а также образование новых слов по уже имеющимся словообразовательным моделям. Новые наименования рождаются для того, чтобы отразить в объективной действительности новые понятия и новые значения, которые формируются на уровне слова в виде производных единиц. Так, в следующих примерах: *advertising, swimming, smoking, meeting, worker, etc.* в данных производных единицах совмещается несколько грамматических значений, а именно: значение двух категорий. Значения грамматические устанавливают по существу особые связи между категориями предметности и признаковости и потому развиваются, не столько на основе деления и уточнения внутрикатегориального признака, сколько на основе межкатегориальных связей. Известно, что производное слово – это транспонирующая единица, перешедшая из одной части речи в другую (ср. в рус. яз. *плавать – плавание, кипятить – кипячение, водить – вождение;* в англ. яз. *swim – swimming, boil – boiling, drive – driving*). Двойная референция производного слова определяется, с одной стороны, тем, в какой класс знаков включается новое наименование, с другой, – тем, на какой класс знаков оно опирается. При переводе из одного класса единиц в другой здесь тоже совмещаются разные общекатегориальные характеристики, и смысловая структура вторичной единицы деривации

приобретает такую расчлененность, которая типична для производного слова.

Таким образом, для отглагольного существительного характерны те же грамматические и лексические свойства, которые присущи имени существительному и глаголу, т.е. отглагольные существительные являются продуктом акта номинативной деятельности, характеризующейся вторичной номинацией. Конструктивная обусловленность вторичной номинации, как показало наше исследование, вполне отвечает всем признакам, свойственным лексико-грамматическим категориям, претендующим на уровень универсальности.

1.4. Ономасиологический и когнитивный аспекты отглагольного существительного

Известно, что одной из основных функций языка является его познавательная, когнитивная функция. Язык с точки зрения когнитивной теории является средством познания, средством овладения знаниями и общественно историческим опытом, а также представляет собой способ выражения деятельности сознания. Когнитивная теория лингвистики опирается на теорию номинации, согласно которой процесс наименования устанавливает связь языковых элементов с фактами реальной действительности, включая понятийный класс наименований предметов в определенную систему языковых знаков. Номинативные единицы языка разнообразны как по семантическому содержанию, так и по структуре, благодаря этому можно создавать неограниченное количество номинативных единиц. Необходимо отметить, что на развитие языка в целом большое влияние оказывают экстралингвистические факторы: развитие общества, развитие новых технологий – все это знаменуется появлением новых понятий и реалий, а также установлением новых отношений. Словообразование обеспечивает преобладающую часть процесса лексической номинации, и, тем

самым, его результаты играют важную роль в познавательной деятельности человека. Задачей словообразования является изучение связи между строением слова и его семантикой. Каждый предмет (денотат) имеет множество признаков. Эти признаки конкретны, осознаются носителями языка как сугубо индивидуальные, но в совокупности создают сложные представления о данном предмете или явлении в сознании человека.

Наряду с общей лингвистикой, структурной лингвистикой, ономасиологией появляются новые направления, одним из которых является когнитивистика, связанная с когнитивными знаниями и коммуникативными явлениями действительности, и актуализацией в речи понятий, которые находятся в нашем сознании. Словам разных классов присущи разные степени номинативной значимости и свои номинативные функции. Ономасиологический и когнитивный аспекты теснейшим образом связаны друг с другом, поскольку ономасиология исследует процесс создания лексической единицы, а когнитивистика при этом изучает реализацию созданной единицы в объективной действительности.

У многих современных когнитологов вся когнитивная лингвистика определяется как учение о возникновении значений в их динамике и проявление в живой речи [Langacker, 1987:89-90]. И действительно, языковые значения рассматриваются как обусловленные всем когнитивным опытом человека и создаваемыми им структурами знания. Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало его пониманию как источника сведений о концептуальных или когнитивных структурах нашего сознания и интеллекта. Язык представляет собой лучшее свидетельство существования в нашей голове разнообразных структур знания о мире. Язык – это продукт нашего взаимодействия с окружающим миром. Это означает, что концепт «человек» можно рассматривать как суперконцепт всей концептосферы языка [Кравченко А.В., 2001:20].

В основе отглагольного существительного лежит такая единица ментальной информации как концепт, который рождаются в процессе

восприятия мира, он создается в актах познания, отражает и обобщает человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности с миром действительность, отраженной в человеческой психике [Кубрякова Е.С., 1997:37; см. также Сусов И.П., 1998; Арутюнова Н.Д. 1999; Кобрина Н.А., 2000; Попова З.Д., Стернин И.А., 2001; Lakoff G., 1980].

Концепт «рождается» как образ реальной действительности, или «мыслительная картинка», которая «снимается» в коллективном сознании носителей языка с присущих предмету характеристик [Бабушкин А.П., 1996:19]. Эта «мыслительная картинка» составляет основу, ядро будущего концепта. Формирование концепта определяется индивидуальностью мышления, особенностями психики, уровнем культуры и социальным статусом носителей языка. Таким образом, концепт – это продукт познавательной деятельности человека, «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [Попова З.Д., Стернин И.А., 2000:4; см., также Рахилина Е.В., 1998].

Б.А. Серебренников отмечает, что мышление, вне всякого сомнения имеет определенный субстрат – понимание человеком окружающей действительности, возникшее в результате ее отражения, но сами операции языка, выраженные в лингвотехнических приемах, менее сложны. Это преимущественно отбор признаков на основе определенных ассоциаций, сведение предметов в категории, установление общности функции, различных корреляций [Серебренников Б.А., 1955:155]. Все это предполагает знание связей и отношений между объектами окружающего мира, индивидуальный опыт практического владения способами и операциями, возможными в человеческом обществе при взаимодействии с теми или иными объектами или явлениями, и обобщение этого опыта в памяти.

Согласно концепции Р. Джекендоффа, современный человек членит мир, подвергая свои ощущения определенной когнитивной переработке, т.е. он структурирует действительность сообразно сложившейся генетически

концептуальной схеме [Jackendoff R., 2002:17]. Говоря о языке мысли, Р. Джекендофф пытался определить тот исходный список концептов, которые структурируют познаваемый чувственный мир. Это – вещь, событие, состояние, место, свойство, количество или объем.

С точки зрения прототипической семантики в лингвистической категоризации отражаются в первую очередь не особенности конкретного языка, а особенности когниции, познания. Элементы одной категории объединяются, поскольку они демонстрируют, причем иногда в большей, а иногда в меньшей степени, некоторые черты подобия или сходства с тем членом категории, который выбирается в качестве ее лучшего представителя и полнее всего репрезентирует эту категорию [Кубрякова Е.С., 1997:91-92].

В связи с этим обратимся к производному слову (номинативному знаку), и к пониманию самых простых процессов создания новых наименований. Отглагольное существительное как знаменательное слово, обладает грамматическими признаками (морфологическими и синтаксическими). К морфологическим признакам относятся формы словообразования и способы словоизменения. Именно грамматический признак показывает отнесение слова к определенной части речи. Таким образом, отглагольное существительное характеризуется кластерным набором конституирующих признаков имени существительного и глагола, что свидетельствует о неоднородности данной категории, связанной с происхождением, категориальным статусом и омонимичностью формы отглагольного существительного к некоторым неличным формам глагола (в английском языке – герундий и причастие I).

Изучение производных слов с точки зрения ономасиологии связано, прежде всего, с изучением способа трансформации знания о явлениях действительности, которое передается расчлененной структурой словесного знака (номинанта). Традиционно установившийся взгляд на словообразование обычно связывает его с пополнением словарного запаса новыми лексическими единицами, что, однако, представляет собой лишь

внешнюю сторону его роли в языке. На самом деле роль словообразования в языковой системе значительно сложнее. Как элемент языковой структуры словообразование – одна из сфер межуровневого соотношения языковых единиц (средств) и функций. Как подсистема языка оно связано с формированием и использованием особого рода номинативных единиц, участвующих в общей функции языка – функции отображения и описания действительности в процессе мышления и языкового общения, сохранения и развития внешнего и внутреннего опыта человека (языкового общества). В соответствии с тем, что новые знания обычно реализуются через приобретенный опыт и находятся в конкретных отношениях с уже накопленными знаниями, обозначаемый объект вполне сознательно бывает, ориентирован субъектом номинации к какому-нибудь классу или разряду известных уже объектов действительности; вместе с тем посредством введения специфического признака происходит такое уточнение, которое отграничивает этот объект от остальных членов данного класса (разряда) [Кубрякова Е.С., 2004:265] .

Согласно общеизвестному критерию Г.О. Винокура, значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов [Винокур Г.О., 1959:42]. Двусторонний процесс интеграции и дифференциации отражен в расчлененной структуре производных слов, но степень выражения того или другого из двух явлений не во всех случаях одинакова. Динамический процесс формирования производного слова имеет свои явные, внешние проявления (т.е. форманты, выступающие в процессе деривации) и скрытые проявления, характеризующие внутреннюю структуру языкового знака, возникающего путем деривации. Производные слова создаются обычно по моделям (типам), сложившимся в языке как устойчивые формулы трансформации осознаваемых связей между явлениями действительности и отношениями

между единицами языка. Слова-термины также создаются по мере необходимости. Как правило, сущность некоторых терминов отличается двуединостью. С одной стороны, в нем заключено прямое значение для определенной отрасли знаний, с другой - метафорическое, касающееся обыденной, бытовой жизни человека.

Семантика отглагольного существительного, формируется при слиянии двух или трех категориальных значений с разным уровнем их определенности. В отличие от простых знаков, непроизводных знаков, которые принадлежат к одной единственной категории, производное слово (отглагольное существительное), напротив, принадлежит одной категории, которая согласует в себе черты другой и потому гибридно.

Новые концепты формируются на перекрестке именных и глагольных категорий. В производных словах английского языка, модель которых *V* + *-ing* $\rightarrow N_v$ - *danc-ing, go-ing, smok-ing* – ономасиологический базис «действие» маркирован суффиксом *-ing*, но обозначение понятия «предмет – носитель признака» осуществляется лишь взаимодействием суффикса с основой глагола, указывающего на ономасиологический признак. Аналогичная универсальная модель наблюдается в русском, удмуртском, французском, немецком и других языках. В формировании семантики указанных слов можно отметить два общих для них момента, соответствующих двум этапам единого, целостного, деривационного акта: (I) означивание общекатегориальной (частеречной) характеристики «действие» и (II) означивание категориальной характеристики «носитель признака». На первом этапе трансформации ономасиологической структуры формант указывает на ономасиологический базис в силу своего сложившегося в системе языка функционального потенциала, выступает одновременно в нескольких ролях: структурного компонента номинации, дифференциатора (по отношению к другим частям речи) и идентификатора (по отношению к словам данной части речи). Очевидно, что вопрос о сущности и специфике словообразовательных категорий опирается не столько на частеречную

принадлежность мотивирующих основ (исходного слова), сколько на отношения, которые устанавливаются говорящим между объектами действительности.

Как отмечает Р.У. Лангакер, производное слово наследует концептуальное содержание глагола – процесса, действия, а словообразовательный маркер существительного позволяет выделить из концептуальной структуры глагола участников этого действия [Langacker R., 1987:75]. Как известно, процесс не может существовать автономно, независимо от его участников. Поэтому при использовании глагольной основы для образования существительных акцент с действия смещается на участников этого действия.

Производному слову присуще свойство поликатегориальности (глагольная единица обозначает связь с действием или процессом, субстантивная – отношение к предмету или объекту). Сам процесс номинации предметов был предназначен для передачи информации объективной действительности. Словообразовательные процессы, направленные на создание отглагольных имен, осуществляются с целью возникновения самостоятельных единиц, носителей признака и участников ситуации. Производное слово имеет референциальную соотнесенность с миром слов и с миром денотатов. Поэтому представляет интерес поиск в системе словообразования его семантических когнитивных моделей, получающих отражение в его семантике. С точки зрения когнитивной лингвистики для выявления элементов акта номинации исследователи, по сути дела, используют ономасиологическую характеристику. Она устанавливает отличительные черты анализируемого понятия по его вкладу в процесс номинации, а в словообразовании - в процесс создания новых слов со статусом однословного наименования, производного слова. Ономасиологическая характеристика связывает значение, подлежащее вербализации, с формой его выражения, и она всегда направлена на выяснение того, каким образом оформляются данные значения в данном

знаке [Кубрякова Е.С., 1981:21-22]. Когнитивная структура производного слова коррелирует с его словообразовательной моделью, которая является определенной рамкой, которая затем наполняется конкретным лексическим содержанием. Модели производных слов легче поддаются описанию, так как они образуют общую категорию – часть речи. Каждая модель имеет свой порядок организации семантических компонентов.

Словообразовательная модель – это стабильная структура, которая обладает обобщенным категориальным значением, она стоит в начале словообразовательного процесса и определяет, как при помощи словообразовательных элементов языка образуются производные слова.

Е.А. Земская утверждает, что специфика производных слов в семантическом отношении состоит в том, что в них наиболее ярко, более отчетливо, чем в словах непроизводных, обнаруживается системный характер лексики [Земская Е.А., 1977:111].

Имена существительные как класс слов имеют свою структуру и отличаются неоднородностью семантического пространства, что мы и наблюдаем в отглагольном существительном английского, русского, удмуртского, французского и некоторых других языков. Наличие в составе модели глагольной единицы означает, что ее семантика связана с действием или процессом, а наличие в ее составе существительного указывает на отношение к предмету или объекту. Класс английского отглагольного существительного отличается взаимодействием тех или других признаков частей речи, связанных с их семантикой или, скорее, с тем, что они именуют. Отглагольные существительные объединяют в своем значении, значение глагола и имени, образуя тем самым комплекс, который выделяется при номинации мира как отдельный предмет или отдельное действие. Единицы этого класса, помимо конкретных предметов, могут называть абстрактные понятия, качества, события, действия, образы действия и другое, подводя их под общекатегориальное значение предметности.

Отглагольное существительное – продукт взаимодействия категории имени существительного и категории глагола. Так, за существительными стоят знания о том, что воспринимается как ограниченная и отдельная часть пространства, тогда как за глаголом стоит знание о более сложных сущностях, связанных с взаимодействием объектов или же с их относительным расположением относительно друг друга. Когнитивный подход позволяет подробно и конструктивно установить и описать концептуальные характеристики существительных и глаголов, выявить некоторые универсальные противопоставления в системе частей речи, определить иерархию формирования разных частей речи.

1.5. Проблемы межкатегориальных связей в грамматике

Изучение межкатегориальных связей в грамматике имеет определенную историю и отражено в целом ряде работ [Бондарко А.В., Апресян Ю.Д., Храковский В.С., Долинина И.Б., Якобсон Р., Зернов Б.Е., Козинцева Н.А., Ярцева В.Н., Левицкий Ю.А., Пушина Н.И., Козлова Л.А., Дрожащих Н.В., Сюткина М.Ю.] и др.

Очевиден тот факт, что одной из наиболее изученных категорий языка является грамматическая категория. Тем не менее, нет единой интерпретации, относительно термина грамматическая категория среди отечественных и зарубежных лингвистов.

Как известно, словарный состав любого языка обладает большим количеством слов, которые разграничиваются на разные грамматические категории и понятийные категории. В работах по типологии языков и общей теории грамматики наряду с общеизвестным термином «понятийные категории» употребляется ряд других, противопоставленных ему или как-то иначе с ним соотносимых, но значительно менее ясных. Некоторые из них, возможно, синонимичны и взаимозаменяемы: ср., например, понятия

«семантическая (мыслительная, понятийная, когнитивная, ноэматическая) категория» [Бондарко А.В., 1996:5].

О. Есперсен, отмечал, что наряду с синтаксическими категориями, зависящими от структуры каждого языка, существует внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Такими категориями автор называет понятийные, которые являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственной деятельности или к логике [Есперсен О., 1958:57-58].

В отечественном языкознании о понятийных категориях писал И.И. Мещанинов. Автор различает понятийные категории, грамматические понятия и грамматические категории. Автор неоднократно подчеркивает, что понятийные категории являются языковыми категориями, что они получают выражение в языке. Понятийные категории могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, и лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями [Мещанинов И.И., 1945:198].

Так, в частности, А.И. Смирницкий определяет грамматическую категорию как определенную структуру, причем не как простое противопоставление, не как «связанность» и «различие» элементов, а на основе противопоставления несовместимых друг с другом форм [Смирницкий А.И., 1959:205].

Под грамматической категорией Г.Н. Воронцова понимает следующее: «Если разные грамматические значения одной лексемы однопорядковы, т.е. противостоят друг другу на основе одного более широкого, общего понятия, – эта общая основа разных частных грамматических значений представляет собой грамматическую категорию. Грамматические категории,

следовательно, выражаются, как правило, в ряде соотносящихся (коррелятивных) форм, хотя бы в двух» [Воронцова Г.Н., 1960:93].

Б. Уорф делит грамматические категории на открытые (overt) и скрытые (covert). Открытая (явная) категория – это категория, которая находит формальное выражение в каждом предложении, содержащем член этой категории. Скрытая категория выражается специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и отнюдь не во всех предложениях, в которых представлен член этой категории. Скрытые категории относятся к числу избирательных (т.е. представляют собой классы или подклассы слов). Однако такими категориями могут быть и некоторые словоизменительные категории (точнее граммемы) [Уорф Б., 1972:45,47].

И.П. Москалева характеризует такие «скрытые» категории как определенные средства выражения в синтагматике, которые возникают в процессе интеграции структурных и семантических функций на синтаксическом уровне, и при их описании следует учитывать не только совокупность форм и значений конституентов, но и их функциональные характеристики [Москалева И.П., 1986:5]. Скрытые категории представляют собой актуальную задачу грамматического описания, так как «явная или внешняя» грамматика строится на базе скрытой или внутренней грамматики и является неполным и во многих случаях морфологически усложненным ее отображением [Кацнельсон С.Д., 1972:93]. Скрытые категории функционируют в языковой системе в добавление к явным, так как явных категорий недостаточно для осуществления сложных задач человеческой коммуникации [Вежбицкая А., 1985:308].

В структуре производного слова (в нашем исследовании, отглагольного имени существительного) имеется информация о грамматических категориях, которые М.Н. Шнайдман называет «скрытыми» категориями [Шнайдман М.Н., 1982: 82-84].

В.А. Звегинцев рассматривает и понятийные, и скрытые категории как развитие понятия глубинной структуры [Звегинцев В.А., 1976:187].

А.А. Холодович понятие исчисления связывает с таксономическими (скрытыми) категориями. Автор классифицирует залоговые конструкции (и тем самым также формы залога - если в этих конструкциях представлены разные глагольные формы) по двум признакам: 1) сохраняется ли в конструкции активная диатеза (т. е. соответствие подлежащего субъекту действия и дополнения - объекту); 2) возможно ли в этой конструкции обозначение как субъекта, так и объекта [Холодович А.А., 1979: 280-286].

Позже Б.А. Серебренников отмечает, что понятийные категории даны в сознании и являются результатом опыта. Понятийные категории важнее грамматических, поскольку они всегда присутствуют в сознании, тогда как грамматические категории могут исчезать из языка [Серебренников Б.А., 1976:13].

В.Н. Ярцева выделяет грамматическую категорию как набор частных (дробных) значений, объединенных одним ведущим, центральным смысловым началом [Ярцева В.Н., 1976:97].

Ю.В. Шаламов, например, отмечает, что любая грамматическая категория коррелирует с понятийной категорией (но обратное - неверно). Кроме того, грамматическая категория – это явление языка в отличие от понятийной категории – категории экстралингвистической [Шаламов Ю.В., 1987:19-20].

Д.А. Штелинг полагает, что понятие «грамматическая категория» употребляется как синоним терминов «морфологическая категория» или «синтаксическая категория», категорией именуют и члены предложения: «категория определения» и даже классы слов – категория существительного, категория глагола [Штелинг Д.А., 1996:102].

Если ранее в традиционной лингвистике грамматическая категория служила одним из основных критериев для выделения той или иной части речи языка (морфологический критерий), и каждая часть речи обладала определенным, лишь ей присущим набором категорий, то в свете

современных лингвистических теорий и направлений отмечаются случаи функционирования той или иной категории в рамках нетрадиционной для нее части речи. Например, в традиционной грамматике утверждается, что категория залога свойственна только глаголам, а в современных исследованиях отмечается наличие данной категории у имен существительных (employer – employee), имен прилагательных (comprehensive – comprehensible) и местоимений (she – her) [Медведева Л.М., 1983]. Подобное расширение сферы влияния и употребления можно наблюдать и у семантических категорий. Например, наличие категории одушевленности отмечается не только у имен существительных, но она также может быть выделена и у некоторых глаголов (speak, snore, smile), местоимений, и прилагательных (kind, jealous). Эти примеры экспансии грамматических и семантических категорий в другие части речи подтверждают тот факт, что «между грамматическими категориями не наблюдается иерархических отношений, между ними существует некое взаимодействие, и все они принадлежат одной единой метакатегории, которая и обеспечивает генерализацию всех грамматических категорий» [Hudson R.A., 1990:93].

Каждый уровень и его единицы отличаются качественным своеобразием. При этом Л.А. Козлова утверждает, что любые единицы языка, уровни характеризуются отсутствием жестких границ и обладают способностью к взаимодействию, что является отражением внутреннего динамизма, присущего языку [Козлова Л.А., 1984:39].

Явление взаимодействия категорий естественного языка «есть составная часть и отражение на языковой почве универсального процесса взаимодействия явлений объективного мира, базирующегося на всеобщей связи и взаимозависимости элементов этого мира» [Зернов Б.Е., 1986:28].

Необходимо пояснить понятие «взаимодействие» и «взаимосвязь» что немаловажно, поскольку по-разному интерпретируются в языкознании.

Одними исследователями понятие «взаимодействие» имплицитно подводится под широкое понятие «взаимосвязь» [Гайсина Р.М., 1979].

Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, строго разграничивают понятия языкового взаимодействия и взаимосвязи. Например, Л.В. Бортэ считает, что языковое взаимодействие отличается наличием постоянных лексических и грамматических связей между лексико-грамматическими разрядами слов разных частей речи [Бортэ Л.В., 1979].

Взаимосвязь признается родовым термином, отражающим системную ипостась взаимоотношений элементов, а взаимодействие – видовым термином, предполагающим воздействие и взаимопереходы одной языковой категории в другую. Данная точка зрения предполагает трактовку взаимосвязи и взаимодействия как сопряженных, но не равнозначных понятий [Дрожащих Н.В., 2006:21]. Взаимодействие выступает как системный процесс причинно-следственного воздействия языковых единиц/категорий друг на друга [Пушина Н.И., 2001:13]. Процессы сильных взаимодействий, как правило, ведут к изменению лингвистического статуса единиц и категорий. Специфика слабых взаимодействий состоит в том, что при взаимодействии различных языковых сущностей происходит гибридизация в одной форме [Бондарко А.В., Пушина Н.И.].

Философский словарь определяет взаимосвязь как наиболее общую закономерность существования мира, представляющую собой результат и проявление универсального взаимодействия всех предметов и явлений» [ФС, 1991:59]; взаимодействие как процесс взаимного влияния тел друг на друга, наиболее общую, универсальную форму изменения их состояний», которая «сопровождается взаимным отражением телами свойств друг друга» [ФС, 1991:50-51].

Взаимодействие языковых категорий языка в целом и на разных ее участках предопределяется внешними (межуровневыми связями) [Взаимодействие яз. кат 2002:5-6].

Взаимосвязь языковых элементов имеет бесконечно многообразные проявления, что предполагает дальнейшую субклассификацию видов взаимодействия. А.В. Бондарко, рассматривает взаимодействие таких категорий, как «локативность», «бытийность», «посессивность», «качественность», «количественность» и др. [Бондарко А.В., 1996]. Зарубежные исследователи также отмечали интересные факты взаимодействия категорий на материале различных языков, например, взаимодействие категорий «определенность» и «падеж» в турецком языке или категорий «уникальность» и «определенность» в полинезийских языках [Anderson S.R., 1985:178-179]. В болгарском языке, например, имеются глубокие семантические связи между «аспектом/перфективностью» глагола и «определенностью/детерминацией» имени существительного [Мельчук И.А., 1998:112]. Сходные связи между аспектом глагола и квантификацией прямых дополнений описаны А. Вежбицкой [Wierzbicka A., 1967:2237]. Приводятся разнообразные способы пересечения категорий глагола, наклонения и времени. Так, предложения с *will* и *shall* не обязательно относятся к будущему. Данные глаголы имеют и модальное употребление [Лайонз Дж., 1978:328]. Наблюдаются также случаи, когда в предложениях временное противопоставление непрошедшего/прошедшего членит модальность таким образом, что «прошедшее», соединяясь с наклонением, привносит смысловые признаки «пробный», «отдаленный» или «вежливый». Так, существуют предложения с *would* или *should*, которые не относятся к прошедшему времени [Лайонз Дж., 1978:330].

А.В. Бондарко полагает, что наиболее «сильные» связи соединяют категории вида и времени, вида и залога, «слабые» - категории вида и категории наклонения, лица, числа и рода [Бондарко А.В., 1976:13-14].

Следует отметить, что возможны и другие построения отношений между категориями «сопряженность» и «синтезирование» [Ярцева В.Н., 1975:3-5], «интерференция» и «синкретизм» [Варшавская А.И., 1988:109-122].

Под слабым взаимодействием подразумевается синкретизм языковых единиц. Под синкретизмом в данном случае понимается совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности [Бабайцева В.В., 1990:446].

Указывая на тесную связь категории вида и категории времени, В.Д. Аракин объясняет это тем, что видовые морфологические показатели одновременно служат и временными показателями, а в семантическом отношении видовые значения часто наслаиваются на временные значения, хотя обладают неодинаковым развитием и самым разнообразным морфологическим составом в различных языках [Аракин В.Д., 1979:129].

Т.И. Дешериева определяет категории вида и времени по признаку причастности к разным системам – аспектуальности и темпоральности. При этом категория глагольного вида, соотносящая предикацию с одним или более «характерами действия» через посредство соответствующих «способов действия», входит в аспектуальность [Дешериева Т.И., 1976:72].

Ю.С. Маслов дополняет грамматические категории глагола вида и времени категорий таксиса и характеризует их как категории, имеющие дело с идеей времени, преломляющейся в каждой из них по-разному [Маслов Ю.С., 1983:41-42].

В.С. Храковский утверждает, что если в языке «есть категории вида, то обычно в этом языке есть категория наклонения» [Храковский В.С., 1996:30]. При этом отмечается доминантность категории наклонения и рецессивность категории вида. Вместе с тем, допускается и воздействие категории вида на категорию наклонения [Храковский В.С., 1996:33].

Таким образом, каждая грамматическая категория, входящая в язык, являясь самостоятельной, характеризуется определенными отношениями с другими грамматическими категориями, что может служить основанием для их классификации. Такие отношения в грамматике называются межкатегориальные связи или межкатегориальные отношения.

В изучении проблематики межкатегориальных связей наметились, по крайней мере, две тенденции:

1) Первая тенденция делает акцент на анализе взаимодействия категорий одной части речи [Бондарко А.В., Храковский В.С., Ярцева В.Н.]. Важно, что при рассмотрении первой тенденции внимание уделяется, прежде всего, «внутрисистемным» отношениям, связям категорий как элементов одного уровня, которые обусловлены и заданы соответствующей частью речи.

2) Вторая тенденция основывается на анализе взаимодействия категорий со всем содержанием высказывания в целом [Апресян Ю.Д., Бондарко А.В., Булыгина Т.В.]. Вторая тенденция отличается своей широтой подхода и стремлением рассмотреть системные аспекты с различных сторон.

Функционирование грамматических единиц как элементов языковой системы осуществляется во взаимодействии с другими единицами и категориями, с лексикой, контекстом и речевой ситуацией, т.е. с окружающей средой. Говоря о среде, мы понимаем некоторое множество языковых и внеязыковых элементов, которые играют роль окружения, во взаимодействии с которым данная единица выполняет свою функцию [Бондарко А.В., 1996:45]. Функциональные и системные описания языковых явлений позволяет объединить полевый подход. Если в основе грамматической категории лежат оппозиционные отношения ряда форм, то в основе функционально-семантической категории – совокупность содержательных значений. Посредством применения метода ФСП выявляется системность взаимодействия разных языковых участков и разных языковых единиц. Принцип поля А.В. Бондарко использует по отношению к семантической сущности. Преимущество такого подхода обосновывает Г.С. Щур как

отражение функционального принципа группировки элементов» [Щур Г.С., 1974:206]. Анализируя понятия «поле», «система» и «структура», автор приходит к выводу о том, что поле – это «парадигматическое объединение», определяемое как способ существования элементов с общим инвариантом. Семантические классы слов одной части речи (или их грамматических, морфологических форм) Л.М. Васильев называет лексическими полями парадигматического типа, представляющими собой «более или менее сложные группировки, члены которых связаны общим смысловым содержанием (инвариантным значением — идентификатором)» [Васильев Л.М., 1997:45]. Инвариантом таких полей являются «общие для всех единиц поля парадигматические семы (или семантические множители)» [Васильев Л.М., 1997:46].

В современных исследованиях грамматические категории помещаются в центр существующих функционально-семантических категорий или функционально-семантических полей, которые включают в себя еще и разноуровневые средства данного языка, объединенные на основе общности, взаимодействия и семантических функций [Бондарко А.В., 1994:24].

Понятие ФСП относится к системе языка, в которой выделяются группировки разнородных языковых средств, объединенных функциональной общностью, в которой взаимодействуют явления, относящиеся к разным сторонам языка. Именно это свойство ФСП отличает их от других разновидностей языковых систем, в частности гомогенных, состоящих из однородных элементов, например морфологических или лексических. Взаимодействие компонентов поля может быть парадигматическим и проявляться во влиянии определенных лексико-грамматических разрядов на парадигму «соседней» морфологической категории, например, влияние разрядов вещественных, собирательных, отвлеченных и конкретных существительных на парадигму числа. К синтагматическому взаимодействию относятся, например проявления сочетаемости/несочетаемости элементов поля. Взаимодействовать могут языковые средства, относящиеся к разным сторонам языка

(морфологической, синтаксической, лексической словообразовательной), но к одному уровню, например уровню слова. Возможно взаимодействие элементов разных уровней, например уровня слова и уровня предложения [Бондарко А.В., 1978: 206-210]. С.А. Шубик указывает на то, что если среди средств выражения ФСП есть грамматическая категория, то именно она выступает в качестве его центра [Шубик С.А., 1989:75]. Грамматическая категория характеризуется в макрополе как единая система, «в микрополя включаются лишь ее отдельные компоненты (граммемы)» [Шубик С.А., 1989:75]. М.М. Гухман в качестве грамматического поля рассматривает залоговое поле, представленное в языке как грамматическими, так и другими средствами. Такое поле обладает центром и периферией и интерпретируется как структура и единица грамматического моделирования [Гухман М.М., 1968:116].

Список функционально семантических полей достаточно широк. Применительно к глаголу такими функционально-семантическими полями и категориями (ФСК) являются: темпоральность, аспектуальность, залоговость, временная локализованность, таксис, модальность, множественность, каузативность, локативность, посессивность, бытийность [Бондарко А.В., 2005].

Функционально-семантическими полями и категориями, применительно к существительному, являются: предметность, множественность, номинативность, посессивность, бытийность [Бондарко А.В., 2005].

Поэтому при рассмотрении межкатегориальных связей синтаксический уровень хотя и является доминирующим, но включает в себя проблематику как «внешнесистемного», так и «внутрисистемного» взаимодействия. И напротив, внутрисистемные связи грамматической категории предиката нельзя отнести исключительно к морфологическому уровню (особенно в области парадигматических связей между категориями). Дело в том, что система глагольных категорий предиката выступает в процессе

функционирования не изолированно, а во взаимодействии со своим окружением – средой [Бондарко А.В., 1996:145].

Чтобы понять предложение, мы должны знать, помимо расчленения этого предложения на каждом из лингвистических уровней, также референцию (отношение) и значение морфем или слов, из которых предложение построено. При описании значения слова часто бывает необходимым обращаться к синтаксическим аспектам, то есть сочетаемости с другими частями речи.

Г.А. Золотова утверждает, что коммуникативная функция речи осуществляется не иначе, как посредством синтаксических конструкций – носителей выражаемого содержания [Золотова Г.А., 1982:4]. Поэтому следует различать а) парадигматическую среду – окружение данной единицы или категории в парадигматической системе языка, например категория вида у глагола и б) синтагматическую среду – окружение данной единицы в речи; имеются в виду контекст и речевая ситуация [Золотова Г.А., 1982:4].

При рассмотрении связей грамматических категорий исследователи выделяют два аспекта анализа: 1) системно-парадигматические взаимосвязи, 2) функционально-семантические синтагматические взаимосвязи. Системно-парадигматические взаимосвязи предполагают включенность грамматических категорий в относительно замкнутую систему категорий определенной части речи. Системно-парадигматические связи имеют семантическую основу, опираются на общий семантический компонент [Козинцева Н.А., 1991:5].

Так, синтагматическое взаимодействие приводит к образованию семантических комплексов, компоненты которых могут быть независимы друг от друга, суммироваться в значении высказывания, связываться друг с другом и образовывать при соединении нечто большее, чем простая сумма значений [Козинцева Н.А., 1991:8].

Т.В. Булыгина подчеркивает недостаточность внутрипарадигматического подхода для понимания того вклада, который вносит значение

сочетающихся грамматических категорий в общий смысл предложения и полагает, что этот недостаток может быть восполнен описанием синтагматического взаимодействия между значениями различных категорий [Булыгина Т.В., 1980:350].

Функционирование языковых категорий во многих случаях определяется их взаимодействием с лексическим значением и другими грамматическими категориями данной знаменательной части речи, а также с лексическими значениями и грамматическими категориями частей речи, входящих в состав предложения, поскольку внутренняя (грамматическая) семантика предложения «представляет собой структуру взаимосвязей в системе предложения» [Левицкий Ю.А., 2003:75]. Каждый элемент предложения несет свои характерные морфологические, семантические и синтаксические признаки, которые отличаются свойством сочетаемости с другими частями речи в предложении. Решение вопроса об отнесении слова к определенной части речи не может не учитывать положений, изложенных Л.С. Бархударовым, указывающим на то, что на первое место при отнесении слова к части речи выходит не семантический, а формально-грамматический критерий, в частности, морфологические признаки, а также еще более важные синтаксические признаки части речи. Под этими признаками понимается «способность слов данной части речи вступать в строе предложений в синтаксическую взаимосвязь с определенными другими группами слов, то есть сочетаемость слов данной части речи с другими словами в предложении» [Бархударов Л.С., 1975:54].

Основные пути исследования универсальных типов взаимодействия категорий затрагивает внешний и внутренний план взаимодействия категорий. При внешнем взаимодействии рассматриваются взаимосвязи различных лексико-грамматических категорий (существительное, глагол и прилагательное), а при внутреннем взаимодействии исследуются интегративные свойства скрытых категорий (залоговость, темпоральность,

собирательность, абстрактность и др.) в пределах одной части речи, в данном случае – глагола и имени существительного.

При исследовании межкатегориальных связей в грамматике отглагольного существительного необходимо учитывать два аспекта – парадигматический и синтагматический. Взаимодействие таких грамматических категорий, как имя существительное и глагол, обладает высокой устойчивостью и протекает в границах широких функционально-семантических и лексико-грамматических полей, как следствие сближения разноплановых языковых элементов в общих для них семантических зонах.

Выводы по первой главе

Итак, как явствует из вышеизложенного, частеречная классификация есть длительный результат накопления и обобщения эмпирических сведений о группировке лексических единиц языка, характеризуемых теми или иными признаками. Разнородность терминов, относящихся к классификации частей речи в современных теориях, объясняется непохожими задачами, непоследовательностью и противоречиями классификации, отсутствием единого классификационного принципа. Динамичность языка определяет поиск новых подходов к обсуждению данной проблемы – исследование конкретных формальных признаков частей речи в языках с непохожими типологическими структурами, определение релевантности каждого из них для существования той или иной части речи, наличие системы частей речи в каждом отдельно взятом языке, установление определенной системы отношений частей речи.

Отглагольное существительное, возникшее как следствие активной тенденции пополнения словарного состава языка и сложных транспозиционных процессов глагола в существительное, представляет собой производное слово, которое наследует содержание глагола – процесса, действия, а словообразовательный маркер существительного позволяет выделить из структуры глагола участников этого действия. Наличие

глагольных характеристик отглагольных существительных позволяет трактовать их как единицы смешанной категориальной семантики, где лексическое значение слова указывает на наименование субъекта или объекта, а категориальное значение – свойства имени. С семантической точки зрения все типы субстантивных производных образованы с ориентацией на глагол, образующий глагольный узел. Когда транспозиция глагола в существительное заходит очень далеко и глагольные характеристики ядра полностью уступают место субстантивным, мы имеем дело с существительным, которое отличается от обычного существительного сохраняющимися морфологическими связями с глаголом и тем, что говорящие осознают его глагольное происхождение.

Категория отглагольного существительного обладает своей номинативной функцией и номинативным значением, что часто относят к общекатегориальному значению предметности, и интерпретируется как единица вторичной номинации, состоящая из ономасиологического базиса, который выражает первичное значение лексической единицы и ономасиологического признака принимаемой категории. Ономасиологический подход отражает собственно когнитивные, познавательные моменты в номинативной деятельности. В рамках когнитивной парадигмы современного лингвистического знания части речи невозможно представить в виде системы непересекающихся классов слов. В соответствии с этим, отглагольное существительное характеризуется неоднородностью семантического пространства. Специфика семантики отглагольных существительных является профилированием концепта предметности на базе их двучастной, гибридной категориальной структуры. Отглагольные существительные-концепты несут закрепленность тех значений, которые присущи частям речи.

Категория отглагольного существительного характеризуется отсутствием жестких границ и обладает способностью к взаимодействию, что является отражением внутреннего динамизма, присущего языку. Экспансия грамматических и семантических категорий глагола в область категории

отглагольного существительного подтверждает факт существования взаимосвязей между морфологическими и семантическими категориальными значениями. Анализ процессов, которые ставят имена и глаголы в плоскость динамического взаимодействия, вскрывает различные аспекты взаимосвязи указанных категорий (на уровне одной категории или нескольких категорий).

Отглагольное существительное целесообразно рассматривать как результат взаимодействия категорий имени существительного и глагола, которое обладает высокой устойчивостью и протекает в границах широких функционально-семантических и лексико-грамматических полей, возникающих вследствие сближения разноплановых языковых элементов в общих для них семантических зонах.

ГЛАВА 2. МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ОТГЛАГОЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

2.1. Словообразовательная лексико-семантическая типология отглагольного существительного

Интерпретация лексического значения как структуры является достижением лингвистики второй половины XXв. Высказанная в теоретическом плане Л. Ельмслевым, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Ю.Д. Апресяном, Л.М. Васильевым и др., эта идея привела к созданию компонентного анализа, который позволил через понятие компонента анализа описать семантику многочисленных разрядов слов [Попова З.Д., Стернин И.А., 1984:37-38]. В семасиологии возникает особый уровень анализа слова – семный – на уровне сем, отдельных компонентов значения. Описание значения слова в коммуникативном акте требует применения к значению понятия «семантический компонент», так как только через компоненты лексической единицы можно описать отличие системного значения от окказионального, а также различия между употреблением одного и того же значения.

Рассмотрим и проанализируем компоненты отглагольного существительного, применив семный анализ как основополагающий в рамках морфологического описания лексической единицы языка. Семный анализ позволяет адекватно описать лексическое значение в совокупности со всеми его компонентами, ядерного и периферийного. В связи с этим, наиболее эффективным методом описания лексической единицы является полевый подход.

И.А. Стернин выделяет следующие основные признаки категории лексического значения производного слова, отмечается, что значение представляет собой систему компонентов — сем, образующих структуру — семему; все компоненты значения в своей совокупности образуют единую

функциональную языковую единицу – семему; в структуре значения выделяются макрокомпоненты – денотативный и коннотативный; в значении выделяются ядерные и периферийные семантические компоненты; ядро значения образуют постоянные, существенные, яркие, частотные семантические компоненты; ядерные семы противопоставляют значение другим значениям в системе языка, составляя основу системных внутриструктурных противопоставлений, парадигм; периферийные семы дополняют ядро и в значительной степени обусловливают семантическое развитие слова и его коммуникативное варьирование; граница между ядерными и периферийными семами размыта; семы в составе одного значения повторяются и в других значениях, ядерные семы в одном значении могут быть периферийными в другом [И.А. Стернин, 1985:39].

Значение производного слова (отглагольного существительного) представляет собой новообразование, синтез смысловых элементов отсылочной и формантной частей, образующих новое качество. При этом значение производных слов, прослеживаемое через их прозрачную структуру, хотя и не представляет простую сумму значений производящей основы и словообразовательного суффикса, но, тем не менее, обусловлено соотношением значений составляющих частей и опирается на те смысловые компоненты, которые содержат производящая основа – фундамент для лексического значения производного слова – и словообразовательные суффиксы как носители семантической модификации слова.

Производное слово как новая единица языка всегда нуждается в классификации и отнесении ее к определенному классу, так как ничего не существует в языке самостоятельно. Применительно к отглагольному существительному результаты исследования фактического материала показали, что отглагольные существительные целесообразно рассматривать относительно групп, которые характеризуются разными словообразовательными формантами.

Суффиксы *er/ -or, -ee,-ant/-ent, -ion/-ation, -ment, -age, -ance/-ence, -al, -ure, -ing, -ty/-cy, -(e)ry*, которые образуют английские отглагольные существительные, полисемантичны (П.М. Каращук, О.Д. Мешков, П.В.Царев, Г. Марчанд, И.П. Иванова, Э.Ф. Скороходько, И.С. Улуханов, И.М. Берман, Л.М. Медведева, М.Н. Рахмилевич, Д. Эйтчисон, R. Langacker, R. Stockwell, D. Minkova, I. Plag и др.).

Как следует из анализа фактического материала, все отглагольные существительные в английском языке образуются по своим словообразовательным моделям:

1. $V + \text{-er/-or} \rightarrow N_v$
2. $V + \text{-ee} \rightarrow N_v$
3. $V + \text{-ant/ent} \rightarrow N_v$
4. $V + \text{-tion/ation} \rightarrow N_v$
5. $V + \text{-ment} \rightarrow N_v$
6. $V + \text{-a(e)nce} \rightarrow N_v$
7. $V + \text{-age} \rightarrow N_v$
8. $V + \text{-a1} \rightarrow N_v$
9. $V + \text{-ure} \rightarrow N_v$
10. $V + \text{-ing} \rightarrow N_v$
11. $V + \text{-ty/-cy} \rightarrow N_v$
12. $V + \text{-(e)ry} \rightarrow N_v$

Аналогичные словообразовательные модели выделяются в анализируемых языках, образуемые словообразовательными суффиксами, присущими тому или иному языку, в частности, в русском языке: *Г + -ние, Г + -ьство, Г + -ец, Г + -ок, Г + -тель, Г + -щик, Г + -ация*; в удмуртском языке: *Г + -он, Г + -ён, Г + -н, Г + -лык,Г + -эт (-ет),Г + -ос, Г + -чи*; во французском языке: *V + -age/-ment, V + -eur/-euse, V + -ance, V + -ation*; в немецком языке: V + *-ung, V + -heit,V + -ling,V + -er, V + -e,V + -t.*

2.1.1. Агентивные отглагольные существительные

На пересечении классов существительных и глаголов выделяется группа слов, так называемых имен-деятеля или агентивных существительных, которые сохраняют в своей семантической структуре некоторые глагольные характеристики. В существительных, обозначающих имя-деятеля, сема «агенс» не является элементом синтаксической семантики

и не манифестируется синтаксическим средствами. Данная сема представлена морфемными и словообразовательными средствами и составляет часть лексического значения слова.

Наиболее частотными маркерами деятеля существительных в английском языке являются суффиксы *-er/-or*. Семантика данных существительных настолько широка, что одни существительные обозначают одушевленные предметы и называют лицо *(speaker, runner, probationer)* или регулярно выполняемый род деятельности или занятия *(baby-sitter, sewer),* а также могут служить для наименования неодушевленных предметов: *washer, drier, cooker,* etc. Так, по данным З.А. Харитончик, словообразовательное поле агентивности в современном английском языке включает 41 суффиксальную модель, в состав которых входит 22 суффикса [Харитончик З.А., 1992:129].

Имена-деятеля или агентивные существительные традиционно выделяются в лексическом составе языков как чрезвычайно значимая семантическая категория. Свое название категория получила для обозначения суффиксальных производных с агентивными суффиксами: «Если категоризирующая сема получает формальное словообразовательное выражение, то категория называется словообразовательной, напр. «имена деятеля» (*учи-тель, воз-чик, бег-ун*)» [ЛЭС 1990:216; Степанов Ю.С. 1990:176; 1981:87]. Агентивность предполагает наличие именных и глагольных свойств, совмещенных в отглагольном существительном имеет совмещенный характер именных и глагольных свойств, агентивность по-разному реализуется в именах действия.

Как указывает И.К. Архипов, словообразовательная категория – это категория логико-когнитивно-лексическая [Архипов И.К., 1998: 19]. Такое определение интересно тем, что оно охватывает основные ипостаси словообразовательной категории – способность ее членов обозначать, передавать информацию своими частями и указывать на характер отношений между концептуализируемыми сущностями, обозначенными составляющими

производного слова. Автор представляет предикативный характер отношений в производном слове как пространственный, который «состоит в соположении предметов, предметов и признаков, признака и признака» [там же].

В категорию имени деятеля включены одушевленные и неодушевленные отглагольные существительные, поэтому категория имени деятеля как понятийная категория должна быть организована двумя универсальными семантическими признаками **- *лицо* и *предмет.*** Понятие лица в первую очередь реализуется в личном существительном, являющимся средством обозначения человека или его деятельности. Лицо примарно реализуется в личном существительном, являющемся средством обозначения лица [Клобуков Е.В., 1998:86]. Также в категорию имени деятеля включены названия профессий, поскольку профессиональная сфера человека, прежде всего, рассматривается как его деятельность.

Что касается неодушевленных существительных имен-деятеля, то они включаются в понятийную категорию «предмет», а в ней соотносятся с подкатегорией конкретных предметов. Г. Марчанд выделяет среди производных с суффиксами *-er, -or* группу «агент действия» (не лицо) [Marchand H., 1969:274]. П.М. Каращук определяет существительные с суффиксом *-er*, обозначающие конкретные неодушевленные предметы, как орудийные [Каращук П.М., 1977:42-45]. Б.И. Бартков выделяет общий семантический компонент для существительных с суффиксом *-er* – «деятель», с суффиксом *-or* – «устройство» [Бартков Б.И., 1980:123-125]. Поэтому в пределах понятийной категории «предмет» лишь часть конкретно-предметных существительных могут рассматриваться как агентивные. Среди неодушевленных отглагольных существительных имен-деятеля выделяется наиболее обширный класс – агентивно-орудийный класс. Данный класс отглагольных существительных с одной стороны, включает машины, устройства, механизмы, способные к самостоятельному действию (начало которого, конечно же осуществляется человеком), а с другой стороны –

инструменты/устройства, которые не могут осуществлять действия без непосредственного контакта с человеком как непосредственной причиной (каузатором).

Семантическое отношение между действием и деятелем обычно связывается с каузацией [Cruse D.A., 2004; DeLancy 1984; Givón T., 1979; Talmy L., 1994]. Каузировать, то есть «сделать так, чтобы» (Ш. Балли), является одним из концептов, возникших в результате когнитивной деятельности человека.

По мнению А.Ф. Дрозд [1991; 1998:163-164], каузативные глаголы могут быть рассмотрены в качестве индикатора активного характера имени, предшествующего глаголу. Поэтому всякое производное от каузативного глагола существительное будет относиться к агентивным отглагольным существительным.

Реализуя лексико-семантический подход к категории имени деятеля, мы будем исходить из того, что агентивные и инструментальные отношения являются центром, ядром категории агентивных отглагольных существительных.

С. ДеЛэнси констатирует, что главный семантический компонент, лежащий в основе понятия «агентивность» – это каузация события [DeLancy 1984:182]. Агентивность рассматривается и в русской лингвистической традиции. Так, А.А. Потебня писал: «Понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неотделимо от понятия причины (русск. причина есть причиняющее [nom. agentis], причинение [совершение действия], причинен-ное [совершенное, сделанное]): отражение действия на предмете имеет причиною действие субъекта. Причинность слагается из действия субъекта и одновременности или последовательности этого действия с состоянием объекта» [Потебня А.А., 1958].

Следует отметить, что семантика словообразовательного суффикса *-er/ -or* разнородна. По-видимому, многозначность английского отглагольного

существительного данной модели обусловлена самой производящей основой глаголов *(asker, goer, seer* и т.д.) [см. также: Мешков О.Д., 1976:59].

Полисемия суффикса *-er* носит функциональный характер. Этот формант оформляет слова, являющиеся вторичными наименованиями предмета в системе языковой номинации. Большой процент производных отглагольных существительных, обозначающих лицо или деятеля, обнаруживают категориальные признаки существительного (одушевленность, число, исчисляемость/неисчисляемость) и глагола (признаки темпоральности, залоговости, каузативности). Объединение категориальных характеристик существительного и глагола в данных существительных подтверждает гибридный характер данных образований, что определяет второстепенное положение отглагольного существительного, поскольку производные отглагольные существительные находятся на стыке двух категорий.

Целесообразно рассматривать данную группу, принимая во внимание семантику мотивированного глагола, от которого производится отглагольное существительное. Рассмотрим следующие словообразовательные модели агентивных существительных:

I) Модель $\underline{V + \text{-er/-or} \rightarrow N_v}$ несет информацию о том, что при прибавлении суффикса *-er* к глагольной основе продуцируется иная часть речи – имя существительное.

Отглагольные существительные, образующиеся по указанной модели, подразделяются на следующие семантические группы:

1) *отглагольные существительные со значением «субъект»:* ***teacher, engineer, worker, builder, driller, walker, singer, dancer, etc.*** [И.М. Берман, М.Н. Рахмилевич, Л.М. Медведева, Г.Н. Воронцова, Д. Эйтчисон, R. Langacker, R. Stockwell, D. Minkova, I. Plag]. Данная группа отглагольных существительных отличается тем, что большинство существительных обладают в большей степени грамматическим признаком одушевленности. В свою очередь отглагольные существительные со значением субъект подразделяются на отглагольные существительные со значениями:

a) *с семантическим значением – «профессия/род деятельности»*: ***teacher, creator, educator, trainer, worker, driller, builder, singer, dancer,*** *etc.* В свою очередь, данная группа существительных подвергается дальнейшей рубрикации:

a_1 *– семантический вариант – «создание материального объекта» – (to make smth together by work or effort):* ***worker, builder, creator,*** *etc.:*

~ .. and often they had no money left, not only to pay the ***builders****, but even to buy their simple fare*…(Maugham$_1$).

~ The six ***workers*** *were given a complete blood exchange on Tuesday night* (Morning Star).

a_2 – семантический вариант, который относит данные отглагольные существительные к определенной сфере деятельности человека, к примеру в специальном дискурсе нефтяной и газовой сферы: ***driller, operator, walker,*** *etc.:*

~ Rig ***operators*** *have more control over the well if they know the pressures under various operating conditions* (K.V. Dyke).

~ ***The driller*** *keeps track of how long it took to drill through a particular layer of rock, for example, which helps predict how long drilling in later wells may take*(K.V. Dyke).

Отличие семантического варианта a_1 и a_2, заключается в средствах и ресурсах, при помощи которых создается материальный объект. В первом случае это физические усилия, во втором – использование недр земли.

a_3 *– семантический вариант – «создание духовного объекта» – обучение/подготовка (интеллектуальная, физическая, нравственная и т.д.):* ***teacher, educator, trainer, tutor,*** *etc.:*

~ His ***teachers*** *were always writing letters to my mother, telling her what a pleasure it was having a boy like Allie in their class* (Salinger).

Наряду с субъектной семантикой отглагольных существительных данного типа, в одной словоформе совмещается глагольный категориальный признак каузативность, указывающий на мотивированность существительного

каузативным глаголом. Каузативное значение обусловливает результирующий характер отглагольного существительного.

*~ The younger children read aloud their **tutors** and then play word games with them* (Proficiency).

*~…a certain **schoolteacher** was doing a wonderful work, shaping the destinies of future statesmen* (Montgomery)

В ряде случаев отмечается сочетание отглагольного существительного с препозитивными детерминативами: *(his, their, certain, etc.)* определяющими участников ситуации.

Отмечается группа отглагольных существительных, которая отличается сложной структурой, так указанные лексические единицы состоят как правило из двух слов, в соответствие со следующей моделью: *N +V + -er/-or* с семантикой «профессия, род деятельности»: ***baby-sitter, dress-maker, hair-dresser,*** *etc.:*

*~ We have a good **baby-sitter*** (Redman).

a*$_4$** *– семантический вариант – «создание объекта искусства»:* ***singer, dancer, painter, *etc.:*

*~ As for your Elizabeth's picture, you must not attempt to have it taken for what **painter** could do justice to those beautiful eyes?* (Austen).

*~ That's what the other men, the **painter** and all the others would do* (Mure).

Отглагольное существительное *painter*, отличается от существительных *(singer, dancer)* тем, что создаваемый данным агенсом объект материален.

*~ Placido Domingo is the famous **opera singer*** (DELC).

*~ "She's a **dancer**," I said "Ballet and all. She used to practice about two hours every day,…* (Salinger).

Отглагольные существительные, *singer, dancer*, помимо обладания субстантивными категориальными признаками – предметность, агентивность, одушевленность отличаются каузативным значением – результат/продукт, объект искусства, вызывающий определенные чувства у аудитории.

Известно, что в удмуртском языке хорошо развита падежная система имени существительного, которая традиционно интерпретируется как словоизменительная категория.

~ Мон ***дышетйсьын*** *ужасько, нош эше –* ***сторожын*** (Каракулова).

Отглагольные существительные выражены местным падежом, который отсутствует во всех анализируемых нами языках. Местный падеж в удмуртском языке обозначает место, в пределах которого совершается действие или что-нибудь находится [ГСУЯ, 1962:103], также обозначает профессию, должность, род занятия. Таким образом, грамматическая категория падежа взаимодействует с лексико-грамматической категорией «локативности», при этом сема профессиональной деятельности находится на периферии лексической единицы.

a_5 *– семантический вариант – «субъект власти».* Ядерная сема таких существительных представляет собой понятие управление, контролирование всем, не только одушевленными лицами, но и неодушевленными предметами.

~ If she has sense, she will be her own ***governor***,…(Brontë)

~ It puzzles me to this day how the ***conqueror*** *of Lodi should have condescended to become an emperor*,…(Brontë).

~ Какова должность сего ***диктатора****, как называет его шутливо князь Вяземский?* (Пушкин$_1$).

Кроме рассмотренных отглагольных существительных выделяется группа отглагольных существительных со значением:

2) *«состояние»:* ***admirer, complainer, lover, lounger, moaner, observer, romancer, scrounger, thinker, worshipper, etc.,*** (см. напр. М.Н. Рахмилевич, Д. Эйтчисон). Данные существительные образованы в основном от некаузативных глаголов и оформляют производные слова со значением «носитель состояния», выраженного глагола. Наряду со значением «носитель состояния», данную группу отглагольных существительных необходимо конкретизировать относительно характера состояния:

а) *отглагольные существительные с семантикой – «экспериенциальное состояние» –* (*a condition in which a person/something is; a state of being/existence*): ***lover, lounger****,* ***romancer, scrounger, worshipper,*** *etc.:*

~ She hated having visitors in the house while her health was so indifferent, and ***lovers*** *were of all people the most disagreeable* (Austen).

~ Un vague espoir disait tout bas à chaque cœur que ce ***protecteur*** *inconnu était la femme qu'il aimait* (Dumas).

б) *отглагольные существительные с семантикой – «эмоциональное состояние»,* включающие имена душевного состояния. Ядерным компонентом в дефиниции данных отглагольных субстантивов выступает существительное *"feeling"*. В такого рода существительных отмечается темпоральное значение, значение в котором партиципант может пребывать в данном состоянии определенный отрезок времени: ***admirer, complainer, moaner,*** *etc.:*

~ ...his attentions were over, he was the ***admirer*** *of someone else* (Austen).

~ He liked to complain in any situation. He had a reputation of a ***complainer****.*

~ In the meantime, there I saw him, a helpless ***sufferer****, confined to his room* (Collins).

~ Сущий ***мученик*** *четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев…* (Пушкин$_1$).

~ Тужгес кышкаськиз, куке ми куатьтон кузя сюрс но жӟыны ***боевикъёс*** *пумитэ султоно луимы* (Удмурт дунне).

3) *отглагольные существительные со значением – «восприятие», чувственное, зрительное, умственное:* ***observer, reader, thinker, watcher,*** *etc.* Отглагольные существительные указанной группы, как правило, мотивированны глаголами чувственного восприятия:

~ He is a very educated person, he's a large library. I was surprised. I haven't seen such great ***reader*** *of Oscar Wilde* (LD).

~ She is a great ***reader*** *and has no pleasure in anything else* (Austen).

~ *He was not a quick* ***thinker*** (Maugham$_2$).

~ *Bertrand Russell, one of the great* ***thinkers*** *of our age* (DELC).

~ *The United Nations sent a team of* ***observers*** *to the peace talks* (LD).

В ряде случаев, относительно данной группы отглагольных существительных в одной словоформе могут совмещаться субстантивные категориальные признаки, такие как – агентивность, одушевленность, собирательность и другие. По-видимому, в таких отглагольных существительных категориальные признаки имени существительного являются доминирующими, что обусловлено использованием определенных интенсификаторов: *great, quick, etc.*

4) *отглагольные существительные со значением – «характеристика субъекта»:* ***drinker, smoker, talker,*** *etc.* Данная группа отглагольных существительных обладает окказиональным значением, характеризующим носителя данного признака в какой-то определенный момент речевой деятельности. Так, лексическая единица может нести как отрицательный, так и положительно-экспрессивный оттенок:

~ *He's a heavy* ***smoker****!* (DELC).

~ *What a* ***talker*** *that man is – no one else can get a word in!* (DELC).

~ *Il est fumeur! Il fume 15 cigarettes par jour* (ФС).

~ *Вера вал та пу* ***зулись*** *лек кыл, султы но кошкы вал. Уг луы* (Архипов). *Сказать бы этой болтушке едкое слово, встать бы и уйти (бы). Нельзя.* В удмуртском языке отглагольное существительное, образованное при помощи суффикса *-(и)сь*, является омонимичной формой с причастием.

Дифференциальным признаком анализируемых предложений является реализация восклицания, как способа выражения речевого акта. Как правило, такие предложения адресуются партиципанту.

В русском языке отглагольные существительные обозначают субъекты, для которых выполнение того или иного действия является привычным, типичным, характерным: *болтун, курильщик, приставала, обжора, трепач и т.д.*

5) *отглагольные существительные со значением – «местонахождение»:* ***sleeper*** *(bed or berth in a sleeping-car on a train)****,*** ***diner*** *(a dining-car)* (Langacker1999, Рахмилевич):

~ We have a vehicle with ***the sleeper*** (LD).

~ Diners *are very informal, cheap, and popular with families* (LD).

О том, что суффиксам на самом деле приписываются значения мотивирующих основ, свидетельствуют результаты анализа. Глаголы, мотивированные названиями профессий, И.С. Улуханов относит к группе дериватов, не содержащих в своей семантике компонентов «быть кем», или «работать в качестве кого», а содержащих компоненты «хобби, развлечения». Например: *Покончив с дневными заботами,* ***плотничает*** *он для души; Ребята с увлечением играют в военные игры и* ***слесарничают.*** По мнению автора, суффиксы в подобных глаголах привносят значение «совершать действие, свойственное кому или чему-нибудь».

Исследованные нами отглагольные существительные, содержащие в своей поверхностной структуре разные суффиксы (например, в немецком языке *-er, -ling, -e, -t*; во французском языке *-eur, -euse;* в русском языке *-ник, -щик, -тель, -ыш, -ец, -чик;* в удмуртском языке *-эт, -ет, -эс, -ес, -сь*), обнаруживают следующие типы сочетаемости агенса, предиката и пациенса. Производные слова с выраженными агенсом и предикатом, указывающие на симметричность семантико-синтаксических отношений, большей частью образованы от непереходных глаголов в немецком языке. Однако в качестве производящей основы могут выступать также переходные глаголы. Такие отглагольные существительные обладают значениями лиц по профессии, роду занятий, действиям; значениями лиц, имеющих отрицательные черты, а также лиц по возрастному признаку, по принадлежности к определенному поколению. Ср.: *ankommen* (неперех.) → *Ankömmling "jmd., der ankommt", kriechen* (неперех.) → *Kriecher "jmd., der vor jmd-m kriecht", jagen* (перех.) →*Jäger "jmd., der jmd-n (etw.) jagt"; бездельничать* (неперех.) → *бездельник*

«тот, кто бездельничает», браковать (перех.) → *браковщик «тот, кто работает по браковке, брокеражу предметов производства»* и т.д.

Во французском языке также выделяется агентивный суффикс, который наряду с семантикой деятеля и профессии, показывает принадлежность существительного по родовому признаку, так как имя существительное обладает категорией рода во французском языке.

~ Nous allons dans le quartier Saint-Michel, dit Micron au ***chauffeur*** (Renaud).

~ Al Carbone sort, escorté par les deux ***inspecteurs*** (Renaud).

Русские отглагольные существительные, содержащие агентивную сему, имеют категорию грамматического рода. Таким образом, в русском языке гораздо больше субстантивных пар, различающихся по гендерному признаку (*летчик – летчица, ткач – ткачиха* и мн. др.).

~ …она хохотала низким голосом …, над салатами, огурцами, рыбой и бутылками, и лихо же пила ***чаровница,*** …(Толстая).

~ Что такое станционный ***смотритель***? (Пушкин$_1$).

~ Всю досаду, накопленную во время скучной езды, ***путешественник*** *вымещает на* ***смотрителе*** (Пушкин$_1$).

Однако у большинства недавно возникших отглагольных существительных гендерное различие нейтрализовано: русские имена деятеля имеют грамматическое значение мужского рода (*конструктор, программист, редактор)* независимо от пола обозначаемого лица.

Наряду с исконными суффиксами деятеля *-ник, -щик, -тель, -ыш; сеяльщик, шлифовщик, копировальщик,* в русском языке существуют заимствованные, которые проникли из латинского, а затем из английского языка. Данный суффикс в современном языке сочетается не только с заимствованными, но и с русскими основами.

~ От ***киллеров*** *защиту еще не придумали, вон даже высших должностных лиц вплоть до президентов убивают* (Маринина).

~ ***Продюсер*** *поднес чашку ко рту, сделал судорожный глоток*... (Маринина).

В удмуртском языке наряду с указанными суффиксами существует суффикс *-чи*, обозначающий лицо по роду его деятельности или соучастию в чем-либо. Как правило, такие существительные образуются от существительных. Случаи образования от деформированных глагольных корней единичны, *базарчи, «тот, кто едет или ездил на базар», сюресчи «путник» (сюрес «дорога»).* Несмотря на то, что имя существительное в удмуртском языке обладает категорией грамматического рода, имена-деятеля не имеют маркера, указывающего на гендерную характеристику. Выделяется суффикс *-сь* имени-деятеля. Указанный суффикс отличается омонимичностью, в удмуртском языке отмечаются случаи совпадения омонимичных форм отглагольных существительных имени-деятеля и причастия, так, в примерах (*дышетскись* – ученик, *дышетскись* – учащийся; *шудись* – игрок, *шудись* – играющий и т.д.).

Как явствует из выше изложенного, агентивное и инструментальное значение в отглагольных существительных английского, немецкого, французского и удмуртского языков репрезентируются одним и тем же суффиксом, а в русских отглагольных существительных суффиксы разнородны благодаря наличию богатого фонда соответствующих суффиксов.

Особым образом следует выделить группу отглагольных существительных ***слов-терминов***, образованных по соответствующей словообразовательной модели. До сих пор не существует единого мнения, относительно терминов при отнесении данных отглагольных существительных к агентивной группе. Семантика агентивности в производных отглагольных существительных реализуется как отношение концептов, составляющих структуры знания, стоящие за данными отглагольными существительными. Поскольку концепт «агентивность» имеет кластерную природу, он по-разному реализуется в отглагольных существительных. Отсюда наличие большего или меньшего количества

признаков, характеризующих агентивность, и их сочетание в структурах знания. Поэтому в данном исследовании отглагольные существительные термины рассматриваются нами в рамках понятия «агентивность». Данная группа характеризуется неодушевленными отглагольными существительными.

Под термином понимается компонент динамической модели языка, диалектически сочетающий в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление [Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., 2002:15].

Такого рода отглагольные существительные обозначают *«инструмент»* (Л.М. Медведева, И.М. Берман, М.Н. Рахмилевич, R. Stockwell, D. Minkova, I. Plag). М.Н. Рахмилевич использует понятие «адъект» для данной группы отглагольных существительных [Рахмилевич М.Н., 1983:25]. Данные существительные образованы от основ каузативных глаголов и оформляют производные существительные со значением «субъект воздействия».

Существительные удовлетворяют следующей дефиниции *«инструмент или средство»*, при помощи которого совершается действие: ***aerator, boiler, burner, calculator, computer, cutter, drier, duster, heater, liner, packer, preventer, processor, tester, transmitter, transporter, stopper, vaccinator,*** *etc.*

Существительные данной группы отличаются смешанной семантикой и классифицируются по следующим группам:

a_1 *отглагольные существительные с семантическим значением – «предотвращение действия»:* ***preventer, stopper,*** *etc.* Здесь важно подчеркнуть что, элементарный смысл «каузация» всегда связан с «агенсом» – тем, кто каузирует состояние, и «пациенсом» – тот, кому каузируется состояние. Как отмечает, В.С. Храковский, «каузация», «агенс», «пациенс», «состояние» являются непременными компонентами каузативной ситуации.

~ Blowout ***preventers*** *shut off a well while it is being drilled or serviced and allow the well to be closed in with or without pipe in the hole* (K.V. Dyke).

Помимо основного значения – предотвращения действия, данная группа отглагольных существительных включает факультативную сему – сему способа действия (инструмент).

a_2 *отглагольные существительные с семантическим значением – «вспомогательное средство»:* ***boiler, burner, cutter, drier, duster, heater, liner,*** *etc.* Особенностью является то, что отглагольные существительные образованы от каузативных глаголов: *boil, burn, cut, dry, dust, heat, line, etc.*

> *~ A* ***liner*** *is casing that hangs from the bottom of the intermediate casing instead of reaching all the way to the surface* (K.V. Dyke).

Такого рода отглагольные существительные наряду с основным семантическим признаком включают каузативную семантику как ингерентное свойство данного типа отглагольных существительных.

a_3 *отглагольные существительные с семантическим значением – «обработка и сохранение данных»:* ***calculator, computer, processor,*** *etc.* Данная подгруппа отличается от подгрупп a_1 и a_2, тем, что, отглагольные существительные обозначают множество выполняемых, нераспространяемых во вне операций, которые сосредоточены в самом агентивном отглагольном существительном.

> *~ Web-based mail makes your address book and your messages available from any* ***computer*** *that can reach the Internet* (Newsweek).

Выделяются агентивные отглагольные существительные, образуемые по модели **II)** $\underline{V + \textit{-ee} \rightarrow N_v}$. Данные существительные представляют особый интерес, так как в них в значительной степени проявляются характеристики имени-деятеля. Особенность таких существительных в том, что значение одушевленности существительных на ***-ee*** взаимодействует с пассивной семой. Компонентное значения указывает на то, что лицо, обозначенное существительным, является объектом или адресатом действия, направленного на него извне. Сравнивая агентивные отглагольные существительные, образованные по другим моделям, отглагольные существительные на ***-ee*** в английском языке отличаются залоговым (пассивным) значением. Суффикс **-**

ee выступает регулярным компонентом, что позволяет предположить, что маркером пассивного значения в отглагольных производных существительных на ***-ee*** является суффикс ***-ee***. Таким образом, по своей семантике данная модель, казалось бы, отходит от прототипической семантики агентивности, заложенной в отглагольных существительных именах-деятеля. Однако, рассмотрение данной словообразовательной модели, относящейся к агентивности, обусловлено следующими причинами. Во-первых, ономасиологическая основа отглагольных существительных, созданных по указанной модели, образована от переходных глаголов. Транзитивность получила в когнитивной грамматике обоснование в виде метафоры «бильярдный шар», смысл которой состоит в том, что агенс, каузирующий движение, является источником энергии, которая будучи полученной (шаром) от каузатора, сохраняется в нем в процессе движения, а после воздействия данного шара на другой объект передается этому шару [Langacker R., 1990:213:238]. По-видимому, в этой метафоре лежит и суть обоснования включения модели на *-ee* в агентивные отглагольные существительные. Указанные существительные обозначают объект или адресат действия, направленного на них извне, например, *evacuee – one who is being/has been evacuated, adoptee – one who was adopted.* По модели *V+ee* в словарях строятся дефиниции многих существительных: ***examinee*** *– one who is examined*, ***deportee*** *– a person who has been/who is/ who is about to be deported,* ***debtee*** *– one to whom a debt is due,* ***appointee*** *– who is to be appointed,* ***adoptee*** *– one who is adopted,* ***biographee*** *- someone who is the subject of a biography,* ***standee*** *- someone who is forced to stand; advisee, draftee, employee*, *interviewee, referee, absentee, refugee, devotee, payee, selectee, addressee, etc.* Данную модель образования существительных выделяют Г.Н. Воронцова, Е.С. Кубрякова, Л.М. Медведева, Е.М. Позднякова, I. Plag. Глагол, лежащий в основе производного слова, обозначает процесс, а словообразовательный элемент – направление этого процесса. Как отмечает Р. Лангакер, производное слово наследует концептуальное содержание глагола – процесса,

а словообразовательный маркер существительного, позволяет выделить из концептуальной структуры глагола участников этого действия [Langacker R., 1987:75]. Как известно, процесс не может существовать автономно, независимо от его участников. Поэтому при использовании глагольной основы для образования существительных все внимание с действия смещается на участников этого действия.

Залоговое (пассивное) значение – не единственная особенность, которая сближает существительные с глаголами. Существительные на ***-ee*** характеризуются синкретизмом семантики, помимо категориального значения пассивности в существительных совмещаются некоторые темпоральные и модальные категориальные значения [см. также: Конфронтативная лингвистика, 1990:114].

В данной модели репрезентируется пациенс, когда модель сопоставляется с коррелирующей с ней моделью на *-er/-or (prosecutor – prosecute, examiner – examinee, promoter – promotee)*. Репрезентация пациенса в данной модели подчеркивает тот аспект переходности, который связан с получением энергии от активного деятеля, несущего энергию, и реализацией ее самим пациенсом. Переходность глаголов, используемых для образования лексических единиц по данной модели, предполагает взаимодействие участников ситуации (агенса и пациенса), а не простое воздействие одного участника на другого участника ситуации [Кудрявцева В.А., 1991:25].

Впервые суффикс *-ee* проник в английский язык в составе французских юридических и административных терминов, называющих лиц, которые являются объектом юридического или административного мероприятия [см. также: Каращук П.М., 1977:45-46]. Несмотря на невысокую продуктивность, суффикс *-ee,* дает время от времени новые лексические единицы, например: *telephonee «*тот, кому звонят по телефону»; *quizee* «участвующий в опросе»; *selectee* «призывник»; *separatee* «демобилизованный».

Отглагольные существительные, образованные по указанной модели, подразделяются на следующие семантические группы:

а) *отглагольные существительные с семантическим значением – «временное или постоянное занятие лица и его профессия»:* ***employee, referee, trustee, vendee,*** *etc.*

~ Only 800 ***employees*** *remain, making coke for other steel plants and operating*…(Newsweek).

~ The signal… indicating to the ***employees****… that a search was in progress* (Sheldon).

Такого рода отглагольные существительные объединяют несколько категориальных значений, в частности, в одной словоформе синтезируются именные (одушевленность, число) и глагольные (залоговое – пассивное значение, модальность, темпоральность) категориальные свойства.

б) *отглагольные существительные с семантическим значением – «социальный статус»:* ***adoptee, deportee, evacuee, examinee, internee, interviewee,*** *etc.* В таких отглагольных существительных семы темпоральности и пассивности связаны с семой социального статуса. Существительные на ***-ee*** имеют довольно устойчивый характер, иными словами, они не зависят от контекста.

~ the country has already received $2 million from the U.N. to cope with an expected inflow of 5000 Colombian ***refugees*** (Newsweek).

в) *отглагольные существительные с донативным значением:* ***debtee, payee,*** *etc.* В основном это отглагольные существительные, образованные от мотивированных донативных глаголов. Данная группа отглагольных существительных характеризуется модальным значением (долженствования, необходимости).

В настоящее время суффикс *-ee* становится одним из продуктивных, о чем свидетельствуют данные словарей. Традиционно суффикс *-ee* образовывал существительные, обозначающие лицо, испытывающее на себе действие, выраженное глаголом, от которого отглагольные существительные образованы (например, юридическая терминология: *appointee, abandonee, selectee),* а также — существительные, обозначающие лицо или предмет,

связанные каким-либо образом с действием, признаком или предметом, выраженными производящей основой *(goatee, coatee, conferee)*. Кроме того, отглагольные существительные с суффиксом *-ee* по семантическому признаку ограничены, результативны. Суффикс стал добавляться к возвратным глаголам, чаще всего французского происхождения, в результате чего образованные производные существительные, обозначают совершение действия, обозначенного глагольной основой *(escapee, devotee, retiree, returnee, standee)* [см. Уланова С.Б., 2006:136-137].

Русские эквиваленты подобных отглагольных существительных представлены отадъективными пассивными причастиями или переводятся словосочетаниями с пассивным значением: *adoptee* – «усыновленный», «приемыш»; *expelee* – «высланный», «депортированный»; *appointee* – «получивший назначение».

Следует отметить, что во французском языке существует суффикс ***-ée/-e***, который несет грамматическое значение как имени прилагательного, так и имени существительного, хотя достаточно редко является маркером существительного.

*~Mais si nous le voyons pendant la **traversée**, on peut prévenir la poice* (Renuad).

*~Il ya trop de monde. Attendons l'**arrivée**, dit Cémafoto* (Renuad).

*~La promenade est **ratée*** (Renuad).

*~ Il y a deux mois, j'étais tellement furieuse que je me suis **défoulée** en écrivant 10 pages d'un coup, sans interruption!* (Okapi).

В отличие от английского отглагольного существительного, у которого суффикс репрезентирует пассивное значение, французское отглагольное существительное приобретает категориальное значение одушевленности существительного, но чаще суффикс ***-ée*** является словообразовательным суффиксом прилагательного как в случае ***ratée*** "неудавшийся, неудачный", ***défoulée*** "осознанная", ***accusé*** "обвиняемый".

Агентивные отглагольные существительные на ***-ee*** характеризуются взаимодействием темпоральных, залоговых и модальных категориальных значений, что указывает на глагольную природу данных отглагольных существительных.

Группа отглагольных существительных, образованных по модели:

III) ***V + -ant/ -ent → N_v.*** Существительные данной группы также относятся к отглагольным субстантивам имени-деятеля (R. Stockwell, D. Minkova, I. Plag). Необходимо отметить, что суффикс ***-ant/ -ent*** является непродуктивным, и количество данных существительных невысоко: ***accountant, applicant, attractant, correspondent, defendant, dependant, descendant, determinant, dispersant, divident, informant, inhabitant, respondent,*** *etc.* Данная словообразовательная модель отличается также тем, что образуются как одушевленные, так и неодушевленные отглагольные существительные. В таких существительных наблюдается взаимодействие глагольных (залоговых, модальных) и именных (одушевленность/неодушевленность, единственность/множественность) категориальных значений.

Указанная группа отглагольных существительных включает преимущественно терминологию, поэтому такие отглагольные существительные целесообразно рассматривать относительно следующих семантических групп:

1) *отглагольные существительные с семантикой «экономического понятия»:* ***accountant, determinant, dividend****, etc.:*

~ Is cost or reliability the main ***determinant*** *in choosing a new car?* (DELC)

~ This diet has started paying ***dividend*** (MACMILLAN).

2) *отглагольные существительные, выражающие «юридические понятия»:* ***applicant, defendant, disclaimant****,* ***respondent,*** *etc.:*

~ Sixty-four per cent of ***respondents*** *reported side effects from the drug* (MACMILLAN).

~ We had 250 ***applicants*** *for the job* (DELC).

~ ...my letters sometimes convey no ideas at all to my ***correspondents****.'* (Austen).

3) *отглагольные существительные, обозначающие «субстанцию»:* ***attractant, dispersant, etchant, suppressant,*** *etc.* Отглагольные существительные, обозначающие субстанцию, используются в биологических, химических или физических процессах. При этом по определению И.А. Стернина, сема субстанция является узуальной. Большинство таких терминов имеют латентную сему – инструмент.

4) *отглагольные существительные с семантическим значением «социальный статус»:* ***immigrants, inhabitant, descendant****,* ***servants, students,*** *etc.:*

~ He is a ***descendant*** *of Queen Victoria.*

~ They returned therefore in good spirits to Longbourn, the village where they lived, and of which they were the principal ***inhabitants*** (Austen).

~ ...old ***servants*** *had dropped hints* (Brontë).

~ Jennifer is one of my best ***students*** (MACMILLAN).

~ Only illegal ***immigrants*** *who came to the US before 1972 may apply for permanent status* (Newsweek).

~ Er ist in abhängiger ***Stellung*** (Lingvo).

Данная группа отглагольных существительных, как в основном все существительные, относящиеся к рассматриваемой словообразовательной модели, характеризуются наличием пассивной семы, которая взаимодействует с денотативной семой подчиняться, слушаться кого-то. Сема каузации в таких существительных, является факультативной.

~ Азьло ик сюресэз выльдйсьёс Россия сюлмысь, Москваысь, Сибире келям ***арестантъёс*** *вал* (Митрей).

В случае с удмуртским отглагольным существительным *арестантъёс,* сама лексическая единица является заимствованием из русского языка и содержит суффикс *-ант,* французского происхождения. Залоговое (пассивное) значение отглагольного существительного связано с категориальным субстантивным значением числа имени существительного, выраженного

маркером множественного числа, формантом *-ёс*. Наличие пассивного значения указывает на действие по отношению к объекту.

5) *отглагольные существительные, выражающие «временное состояние»:* ***attractant, applicant, dependant,*** *etc.* Отглагольные существительные данной группы характеризуются темпоральным значением. В случае с существительными *dependant, applicant* сема временного состояния связана с залоговым (пассивным) значением.

~ We had 250 ***applicants*** *for the job* (DELC).

~ Please state your name, age, and the number of ***dependants*** *you have* (DELC).

Кроме того, отглагольные существительные, выражающие временное состояние, – квантитативны, что обусловлено детерминативами: *250, the number of, etc.*

Итак, мы рассмотрели группу агентивных отглагольных существительных с суффиксами: *-er/-oe, -ee, -ant/-ent*. Агентивные отглагольные существительные, имеющие в своей внешней структуре вышеуказанные суффиксы, представляют синкретичные образования, совмещающие именные и глагольные категориальные значения. Субстантивные категориальные свойства (агентивность, одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность, число, качество) указанных отглагольных существительных связаны с глагольными свойствами (каузативность, темпоральность, аспектуальность, залоговость – активность/пассивность). Множественность как субстантивная, так и глагольная, является особенностью агентивных отглагольных существительных. Данный тип отглагольных существительных характеризуется преобладанием субстантивных категориальных значений.

2.1.2. Неагентивные отглагольные существительные

Среди отглагольных существительных английского языка, отмечается достаточное большое количество отглагольных существительных, которые образовались при помощи полисемичных суффиксов *-tion/-ation***,** по модели: **III)** ***V + -tion/ation*** $\rightarrow$ ***N$_v$.***

Ряд исследователей, в частности, В.Д. Аракин, И.В. Арнольд, В.В. Гуревич, Ю.В. Шаламов, из зарубежных исследователей О. Есперсен утверждают, что данные существительные являются абстрактными, но до сих пор этот вопрос остается дискуссионным. Данные существительные со значением акта действия, условия действия, процесса действия, выражены глаголами были образованы от глаголов – ***acceleration, creation, correction, designation, foundation, indication, translation,*** *etc.:*

~ Mrs. Elsing was red with ***indignation*** (Mitchell).

~ She knew by now his extreme sensitiveness, for which his acid irony was a ***protection*** (Maugham).

Данный тип отглагольных существительных классифицируются по следующим рубрикам:

1) *отглагольное существительное со значением «предмет»*: (см., например: И.А. Иванова, Э.Ф.Скороходько, Г. Марчанд, П.В. Царев).

~ There is a kind of balance, a law of ***compensation****, inherent in the nature of things.*

~ The twenty fifth Amendment to the ***Constitution*** *is very famous*.

2) *отглагольные существительные со значением «предмет-действие»:* ***addition, classification, legislation,*** *etc.,* (П.В. Царев, Э.Ф. Скороходько).

~ The cataloguing and ***classification*** *of all the plants on the island took many months* (OALD).

~ The Government rejected any idea of ***legislation*** (Newsweek).

~ There were so many new pupils that it was necessary to build an ***addition*** *to school* (OALD).

3) *отглагольные существительные со значением «действие»:* ***recognition. discussion****, etc.*

~ She just walked past me without so much as a glance of ***recognition****.*

~ There were <u>*many*</u> ***discussions*** *about the new driving laws* (Newsweek).

Так, действие в данного типа отглагольных существительных результативно. Детерминатив *many*, указывает на многократность действия.

4) *отглагольные существительные со значением «состояние»:* ***admiration, affection, agitation, confusion, irritation,*** *etc.,* (см., например: П.М. Каращук). В английских примерах препозиционные прилагательные: *total, great, serious, etc.* являются интесификаторами состояния, которое эксплицируется отглагольным существительным, характеризующимся ядерной семой состояния.

~It demands <u>*total*</u> ***devotion*** *of a brilliant husband and loving family*

~ Friendship is a <u>*serious*</u> ***affection****; the most sublime of all* (Harvey).

~ ...he was much handsomer than Mr Bingley, and he was looked at with <u>*great*</u> ***admiration*** *for about half the evening*,…(Austen).

В удмуртском языке по аналогии с английским языком имя прилагательное: *áàäçûì* также находится в препозиционном положении, прилагательное + отглагольное существительное в данных примерах отличаются примыканием, как и в английском языке, прилагательное примыкает к отглагольному существительному.

~ Самой áàäçûì ***куректонэз*** *со буй-буй ӟ óæàì кышномуртлэн* (Самсонов).

а) *подгруппа отглагольных существительных со значением «временное состояние»:* ***occupation, remission, separation****, etc.* Употребление отглагольных существительных данной подгруппы с нулевым детерминативом указывает на актуализацию семы «состояние». В подобных

случаях референтом выступает собственно состояние, без указания на ограниченную протяженность.

~ *In the meantime Karen hopes for* ***remission*** (WD).

Предлог *for* репрезентирует дуративность «состояния», выраженного отглагольным существительным, которое неограниченно какими-либо временными рамками. Значение состояние связано с аспектуальным, темпоральным значениями. Отглагольное существительное с префиксом *re-*, может выражать повторяемость состояния, что не исключает его возможной футуральной проекции.

~ *Lengthy* ***separation*** *of the boy from his mother could lead to psychological problems* (DELC).

Отглагольное существительное указанного типа может иметь каузативное значение, которое связано с темпоральным значением. Препозитивное количественное имя прилагательное *lengthy* позволяет интенсифицировать длительность отглагольного существительного состояния.

~ *...on the present occasion he had a good deal of curiosity as to the event of an evening which had raised such splendid* ***expectations*** (Austen).

В анализируемых примерах могут быть совмещены категориальные значения множественности, длительности, желательности, интенциальности.

Ранее упоминалось о том, что суффикс *-tion/-ation* в среднеанглийский период был заимствован из французского языка и впоследствии стал наиболее продуктивным в английском языке. Во французском языке и сейчас данный суффикс является важным при образовании отглагольных существительных. Семантика отглагольных существительных, образованных при помощи суффикса *-tion/-ation*, очень близка семантике английских отглагольных существительных.

~ *Il possède une sale de cinéma et de conferences, un espace pour les* ***expositions****,...* (Renaud).

~ *Mais Cemafoto ne fait pas* ***attention*** *à ce que raconte son collègue* (Renaud).

~ *Deux jours après l'****arrestation*** *du célèbre voleur, le juge invite le professeur Micron et Cémafoto* (Renaud).

Другая группа абстрактных неагентивных существительных, включает существительные, которые образуются по модели **IV)**: ***V+ -ment*** $\rightarrow$ $\boldsymbol{N_v}$: ***achievement, appointment, arrangement, assortment, astonishment, attachment, movement, payment, requirement, treatment,*** *etc. :*

~*It is the more widely used* ***treatment*** *for well stimulation with acid* (K.V. Dyke).

~ *Matching* ***movement*** *to his resolution, he walked swiftly across the room to the opposite window* (Hailey).

~ *If Walter was taking her to Mei-tan-fu as a* ***punishment*** *he was making a fool of himself* (Maugham).

Выделяя суффикс ***-ment***, И.М. Берман полагает, что он является признаком абстрактных существительных (*announcement, commencement, embarrassment, enchantment, incitement, etc.).* ~ *The* ***announcement*** *of the trade figures was delayed until after the election* (Newsweek).

Отглагольные существительные с суффиксом ***-ment*** отличаются следующей семантикой:

1) *отглагольные существительные, выражающие «результат»:* ***improvement, punishment,*** *etc.*

~ *There has been a slight* ***improvement*** *in the company's trading position* (DELC).

~ *..., but he might still hope for a County Court judgeship or at the worst an* ***appointment*** *in the Colonies* (Maugham_1).

~ *I made my* ***arrangements****, unwillingly enough, for leaving London early the next day* (Collins).

В случае с *arrangements,* формант множественного числа *-s* выражает множественность операций, действий. Так, отглагольное существительное

характеризуется квантитативностью. Отглагольное существительное приобретает модальное значение (значение необходимости его осуществления), которое осложнено негативным значением словосочетания *unwillingly enough.* Темпоральное значение прошлого, в частности, характеризуется завершенностью.

~ If Walter was taking her to Mei-tan-fu as a ***punishment*** *he was making a fool of himself* (Maugham).

~ There is not another woman in the room, whom it would not be a ***punishment*** *to me to stand up with* (Austen).

2) *отглагольные существительные, обозначающие «состояние» (a state/ condition of):* ***embarrassment, amusement, astonishment, excitement,*** *etc.,* (П.М. Каращук, И.П. Иванова, Г. Марчанд). Образуются отглагольные абстрактные существительные от глаголов умственного или эмоционального состояния.

~ They 1ooked at each other with ***astonishment****.*

~ They came to ***agreement*** *at last.*

~ Man sah mir meine ***Verlegenheit*** *an* (DW).

Рассмотрим отглагольные существительные данной подгруппы. Следует напомнить, что «состояние», обозначаемое отглагольными существительными, в отличие от «состояния», обозначаемого отадъективными или адвербиальными именами, имеет непосредственное отношение к процессу. Существительные в своем значении сохраняют некую динамику изменения внутри процесса, так как категория имени взаимодействует с аспектуальным категориальным значением глагола. Отглагольное существительное сохраняет в семантике категориальные значения исходного глагола.

Состояние допускает дальнейшую детализацию:

а) «психическое состояние»: ***embarrassment, excitement****, etc.*

~ …it could only cause ***embarrassment*** *and misunderstanding* (Christie).

~ Owing to my current financial ***embarrassment****, I cannot pay the bill.*

~ Annie's face displayed a struggle between alarm and a pleasurable ***excitement*** (Christie).

б) «эмоциональное состояние»: ***astonishment,*** *etc.*

~ Neither my mother's evident ***astonishment*** *at my behaviour, nor Pesca's fervid enumeration of the advantages offered to me by the new employment,…*(Collins).

~ First of all it had been ***an excitement*** *for her to have a fellow…*(Joyce).

~ La physionomie de ce capitaine appartenant à la deuxième légion respirait un ***contentement*** *de lui-même qui faisait resplendir son teint rougeaud et sa figure passablement joufflue* (Balzac).

в) «социальное состояние»: ***establishment,*** *etc.*

~ 'But consider your daughters. Only think what an ***establishment*** *it would be for one of them* (Austen).

3) *отглагольные существительные с семантическим значением «движение»:* ***escapement, movement****, etc.* Все анализируемые отглагольные существительные мотивированны абстрактными глаголами движения. Отглагольные существительные указанной семантики содержат сему квантитативности, которая указывает на многократность действия. Так, абстрактность таких существительных связана с неограниченностью во времени.

~ ... only a slight <u>regular</u> ***movement*** *of the tiny chest testifying to its (the baby's) breathing* (Hailey).

~ Затем она появилась в дверях, <u>привычным</u> ***движением*** *поправляя высокие волосы* (А.Н. Толстой).

~ Selon les ***mouvements*** *de tête qu'elle faisait, le bas de son visage s'enfonçait dans le linge ou en sortait avec douceur* (Flaubert).

~ Man sah ihr ihre ***Bewegung*** *deutlich an* (DW).

4) *отглагольные существительные с семантическим значением «материальные предметы:* ***payment, repayment, supplement,*** *etc.* (И.П. Иванова, Г. Марчанд, Э.Ф. Скороходько, О.Д. Мешков).

~ Also, after all there were still mortgage ***payments*** *to be made, cars to be paid off…* (Shaw).

~ I get a bank ***statement*** *at the start of every month.*

~ The ***repayments*** *of the loan are spread over 25 years* (DELC).

Такого рода отглагольные существительные в аспектуальном отношении в зависимости от видового характера мотивированного глагола могут быть единичными или множественными – регулярно повторяющимися: *every month, monthly, etc.* В случае с примером *repayments*, отглагольное существительное маркировано префиксом *re-*, – префиксом повторяемости действий и операций.

5) *отглагольные существительные с семантическим значением «группа людей»:* ***establishment, government, management,*** *etc.* Такие отглагольные существительные характеризуются наличием признака собирательности, который находится на периферии значения отглагольного существительного, взаимодействуя с такой категорией имени существительного как одушевленность. Подобно именам собирательным, они представляют собой открытую систему, в которой число составляющих может варьироваться [Лиман Е.Н., 2003:100]. Отглагольные существительные, образованные по данной модели, часто отмечаются в политическом и экономическом дискурсах.

~ I acted as an official spokesperson in the discussions with the ***management*** (Newsweek).

~The Prime Minister has formed a ***Government*** (Newsweek).

~ The ***government*** *will resign next week* (Newsweek).

~ It taught me more about the British ***Establishment*** (Newsweek).

В русском языке отглагольное существительное с семантическим значением «группа людей» образуется при помощи непродуктивного суффикса *-ство*.

Словообразующий суффикс четко выражен при образовании новых лексических единиц с семантическим значением «группа людей».

~ ***Руководство*** *компании придерживается стратегии развития молодых специалистов* (Твоя компания ТНК-ВР).

Некоторые исследователи для суффикса *-ment* выделяют следующие значения: «место» (Г. Марчанд, О.Д. Мешков) ~ *He keeps a large* ***establishment***; «опредмеченное действие» (П.В. Царев) ~ *Some people expect rapid economic* ***development*** *in Pakistan* (Newsweek).

Анализируя рассматриваемые в нашей работе суффиксы отглагольных существительных, необходимо отметить, что группа отглагольных существительных на *-ment* характеризуется своей четко выраженной двухкомпонентной грамматической формой, а именно, при изучении данных существительных достаточно явно выделяется глагольная основа и суффикс имени существительного. При формировании семантики указанных существительных основа и суффикс несут свою деривационную нагрузку.

Следующая группа отглагольных существительных образованна по модели **V)**: ***V+ -a(e)nce*** → N_v [см., также Скороходько Э.Ф., 1964:70]:

1) отглагольные существительные со значением «действие». Такие отглагольные существительные, как правило, образуются от основ каузативных глаголов. В аспектуально-темпоральном отношении действие отглагольного существительного либо результативно и однократно, либо неограниченно во времени. Так, в первом примере категория числа отглагольного существительного выражается при помощи интенсификатора *more.* Сема абстрактности и категория числа отглагольного существительного связаны с семой наклонения. Данные существительные обусловлены наличием семы волеизъявления и желания мотивированных глаголов.

~ *Bureaucracy resulted in more official* ***interference*** *in people's lives* (Newsweek).

~ *Her **resistance** had not injured her with the gentleman*,…(Austen).

~ *Elle avait trouvé de la force dans la **résistance** qu'elle opposait à la brutalité du boutiquier* (Balzac).

2) Материальный предмет, являющийся результатом движения, обозначенного основой:

~ *Within two days I had a letter of **acceptance** from one of the assistant editors* (DELC).

~ *The letter had been among the **correspondence** that morning* (DELC).

Наряду с семой результативности отглагольные существительные *acceptance* и *correspondence* содержат факультативный компонент информативности. В аспектуально-темпоральном отношении лексическая единица *acceptance* связана с результативностью и длительностью, которая маркирована словосочетаниями: *within two days, that morning*.

~ *A man may have to pay **maintenance** to his ex-wife after a divorce* (DELC).

3) Свойство, позволяющее некоторому предмету производить действие, обозначенное основой. В рассматриваемых предложениях отглагольное существительное могут употребляться с предлогами – *without, with.* По своей ролевой семантике отглагольное существительное выступает агенсом.

~ *They could not walk without **assistance**.*

~ *Not all that Mrs Bennet, however, with the **assistance** of her five daughters, could ask on the subject was sufficient to draw from her husband*…(Austen).

В случае с *assistance,* денотативное значение глагола выражает помощь, поддержку, ассистирование.

4) Наряду с вышеуказанными значениями представляется возможным выделить состояние-отношение.

~ He listened to her with perfect ***indifference****, while she chose to entertain herself in this manner*,…(Austen).

~ Madame Hulot regarda crevel avec un air ***d'espérance*** (Balzac).

В первом случае отглагольное существительное употребляется в сочетании с предлогом и прилагательным, указывающими на субъект ситуации и адресат. При этом значение отглагольного существительного характеризуется факультативной семой «инструментив». В английском языке очень часто отмечается предлог *with*, во французском – *avec*, который эксплицируется при помощи и/или посредством чего-либо.

~ and their ***indifference*** *towards Jane when not immediately before them*,…(Austen).

В анализируемом примере присутствует эмотивная сема с компонентом негации – префиксом *in* отглагольного существительного. Предлог *towards* указывает на глагольное происхождение отглагольного существительного.

Рядом исследователей выделяется значение «опредмеченное действие» для суффикса *-ance/-ence* [см., например, Марчанд Г., 1972].

Словообразовательная модель **VI)**: ***V*+ *-age*** → N_{v} Известно, что суффикс *-age* был заимствован из французского языка, присоединялся к существительным со значением социального сословия или положения, состояния, ранга, титула, придавая таким существительным абстрактное собирательное значение [Карашук П.М., 1977:93]. На протяжении своего развития в английском языке выделяются следующие значения:

1) отглагольные существительные со значением «действие»: ***marriage,*** *etc.*

~ After her return there were rumours of other ***marriages*** *(=cases of her marrying other men) on the road*…(Pike).

~ ***Marriage*** *(=getting married) had been an alien idea, and suddenly it no longer was* (Sheldon).

а) отглагольные существительные со значением «его результата»: ***leakage, spoilage,*** *etc.*

Наличие неопределенного артикля в примере обозначает метонимический перенос значения с обозначения действия на его результат.

~ ... the courage and intelligence… would be, I felt, reassuring foundations for ***a marriage*** *(=family – a product/ result of marriage)* (Shaw).

~ The ***breakage*** *was appalling.*

б) отглагольное существительное со значением «субъекта действия/ объекта, которому приписывается действие»: ***patronage, postage,*** *etc.*

~ I suppose that's why there are so many disastrous ***marriages*** (Maugham$_3$)

~ About one in three ***marriages*** *(=married couples) end in divorce* (DELC).

~ Il s'agit de ton ***marriage****, dit la cousine Bette à l'oreille de sa petite, cousine Hortense sans paraître offense* (Balzac).

Следующая группа отглагольных существительных, образованна по модели **VII)** ***V+ - a1 →*** N_{v}, и в семантическом отношении такие отглагольные существительные классифицируются следующим образом:

1) *отглагольные существительные с семантическим значением «отношение»:* ***approval, disposal, refusal,*** *etc.* Упоминание о глаголах отношения содержится в работах лингвистов-аспектологов А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина, Н.С. Авиловой, Р.М. Гайсиной и др.

~ He was still a boy and this required his father's ***approval****.*

В данном примере отглагольное существительное содержит сему отношение, которая связана с результирующим значением субстантива.

~ My sister reminded me that this gentleman had expressly placed his services at my ***disposal****, during the present season*…(Collins).

2) *отглагольные существительные с семантическим значением «движение»*: ***arrival, removal, withdrawal,*** *etc.*

~ Two days after their ***arrival*** *the cook, with the unconcern of the Chinese, had sent it in and Kitty, without thinking, took some* (Maugham$_1$).

~ No one could account for the ***removal*** *of the desk from the room* (DELC).

~ *A gradual* ***withdrawal*** *of the troops from the war zone was declared by the Prime Minister* (Newsweek).

~ *She could not imagine what business he could have in town so soon after his* ***arrival*** *in Hertfordshire*…(Austen).

Отглагольное существительное *arrival* мотивированно предикатом поступательного движения. Сема движения данного существительного связана с результативностью.

Существительные указанной семантики совмещают темпоральное и результативное значения.

Отмечается следующая группа отглагольных существительных, образованных по модели: **VIII)** ***V*** + ***-ure*** $\rightarrow N_{v,}$ ***departure, enclosure, seizure****, etc.* Количество отглагольных существительных, образованных по указанной модели, относительно невысоко. Выделяются следующие значения отглагольных существительных:

1) *отглагольные существительные со значением «результат действия или продукт действия»:* ***exposure, expenditure, failure,*** *etc.:*

~ *He was suffering from* ***exposure*** *to nuclear radiation.*

~ *This was done expertly, with a minimum* ***expenditure*** *of energy.*

~ *He has had three successes and one* ***failure*** (OALD).

2) *отглагольные существительные со значением «одушевленное лицо»:* ***creature,*** etc.

~ *And presently, taking in her arms one or other of the tiny* ***creatures****, crying because of…*(Maugham$_1$).

~ *... the unfortunate* ***creature*** *had discovered the share which circumstances* ... (Collins).

По-видимому, указанные существительные в большинстве случаев совмещают абстрактность с результативностью, и такие значения связаны со значением отрицания отглагольных существительных.

Все отглагольные существительные с суффиксами *-tion/ation , -ment, -ance/-ence, -age, -a1, -ure*, близки по своей семантике отглагольным существительным русского языка на *-ство, -ствие, -ние*.

~ Я постаралась восстановить все ***передвижения*** *Андреева и Бондаренко за несколько дней…* (Маринина).

~ Но Каменская, к моему ***удивлению****, не опоздала* (Маринина).

~ «Я тулуп буду в следующий раз надевать… - в злобном ***отчаянии*** *думал я и рвал чемодан за ремни негнущимися руками,…»* (Булгаков$_2$).

~ Мой юный вид отравлял мне ***существование*** *на первых шагах* (Булгаков$_1$).

В русском языке отглагольные существительные также отличаются неоднородной семантикой, что указывает на наличие глагольной основы в отглагольных существительных. По аналогии с английским языком, русские отглагольные существительные могут обозначать – действие, состояние, процесс.

Необходимо отметить, что в английском языке существует достаточно большое количество отглагольных существительных (девербативов), которые образуются по модели **IX)**: ***V+ -ing*** $\rightarrow$ ***N*** $_{v}$, ***making, blending, shopping****, etc.,* и которые близки к существительным со значением процесс, действие. Данная черта свойственна глаголам, от которых были образованы существительные. Суффикс *-ing* является исконным в английском языке. Еще на этапе развития английского языка, этот суффикс был наиболее продуктивным, что доказывалось частотой его использования. Ранее уже отмечалось, что английское отглагольное существительное на *-ing* является омонимичным неличным формам глагола – герундию, причастию I. Все отглагольные существительные на *-ing* можно подразделить на следующие группы в зависимости от их семантики:

1) *отглагольные существительные со значением «действие»:* ***making, doing, beginning, killing,*** *etc.* В семантике данных отглагольных существительных объединяются значения наиболее обобщенного действия. В связи с этим целесообразно выделить следующие семантические подгруппы:

a_1 *– семантический вариант – «обобщенное действие»:* ***making, doing,*** *etc.*. Действие отглагольных существительных, образованных от каузативных глаголов, могут быть множественными – многократными.

~ The job will take a lot of ***doing*** (DELC).

Квантификатор *a lot of* репрезентирует множественность действий отглагольного существительного, что обусловливает связь глагольного значения действия и субстантивного значения числа (множественность).

~ Hard work will be ***the making*** *of him* (MACMILLAN).

Употребление определенного артикля при существительном, конкретизирует действие отглагольного существительного.

~ ..., the table aforesaid, and some framed sheets on the stone-coloured walls, bearing plans for building, for ***gardening****, designs of machinery, &c., completed the futniture of the place* (Brontë).

a_2 *– семантический вариант – «фазовое действие»:* ***beginning, ending, stopping,*** *etc.:*

~ She knows the subject from ***the beginning*** *to the end.*

~ Laughter is not at all a bad ***beginning*** *for a friendship, and it is by far the best* ***ending*** *for one* (Wilde).

Отглагольные существительные мотивированы глаголом начинательного действия. Инхоативное значение отглагольного существительного, обозначает начальный момент длительного действия.

a_3 *– семантический вариант – «результирующее действие»:* ***killing, bringing,*** *etc.,* (Ю.Д. Апресян, Р.М. Гайсина выделяют результат действия).

~ This ***killing*** *brings the number of deaths to twenty-five.*

В структуре предложения лексема *number,* может квантифицировать результирующее значение. При этом в отглагольном существительном объединены аспектуальное и результирующее значения.

2) *отглагольные существительные со значением «процесс»:* ***ironing, dressing, gambling****, etc.*

~...ours was a house of music ...and soft ***drumming*** *of rain on the roof.* (Hailey)

~ Another rap, a whisper, and a long ***waiting*** (Redbook).

~ He hates doing the ***ironing*** (DELC).

~ Returning home and hearing his laborious ***breathing****, ...* (Mure).

Прилагательное *long* интенсифицирует длительность действия отглагольного существительного.

~ „Verdammt schlechte ***Schießerei****“, knurrte Müller. „Könnt ihr nicht zielen?“* (Remarque).

~ Тани со коньысир сяськаяськись картошка, ӧокыр-ӧокыр жутскем шундыберганъёс, инмын уллань-выллань жуткаськыса ***чирдись*** *тюрагай куаралы луыса, кин-о корос лэсьтон сярысь мальпаськоз* (Самсонов).

3) *отглагольные существительные со значением «состояние».* Данное значение целесообразно детализировать относительно следующих семантических рубрик:

а) *семантический вариант – «экзистенциальное состояние»:* ***being, living, standing,*** *etc.:*

~ We are social ***beings*** *as well as individuals* (MACMILLAN).

~ a few helpful hints for healthy ***living*** (MACMILLAN).

~ The scandal has damaged the company's ***standing*** *in the eyes of the public* (DELC).

~ Симеонов, чувствуя себя особенно носатым…, на границе ***существования****, ставил чайник, стирал рукавом пыль со стола…*(Толстая).

б) *семантический вариант – «психическое состояние»:* психическое состояние – обширная категория, объединяющая большое число разнородных положений дел. Психическое состояние как статическая характеристика индивида в первую очередь связывается с чувствами и эмоциями (хотя и не ограничивается ими), которые являются особыми формами отражения реального мира (они отражают объективную реальность в переживаниях), занимающими важное место в жизни человека и его языке [см. Акмалова Ф.Ш., 2005].

б$_1$ *отглагольные существительные, выражающие «эмоциональное состояние» –* ***feeling, smiling, crying****, etc.:*

~ She didn't want to hurt his ***feelings****…* (Maugham$_1$).

~ If you have no love or pity for me you must have just ordinary human ***feeling*** (SM$_1$).

~ Ich bin nicht in ***Stimmung*** (Lingvo).

~ Mücke geriet in ***Aufregung*** (Remarque).

~ Пока ехали от вокзала через весь город, я составил себе о Москве первое ***впечатление*** (Акунин$_2$).

б$_2$ *отглагольные существительные со значением «ментальное состояние»:* ***thinking, understanding, misunderstanding****, etc.*

~ I've been doing some ***thinking*** *and I've decided to change my job* (DELC).

~ You shall not, for the sake of one individual, change the ***meaning*** *of principle…* (Austen).

~ …, сохранил об этом путешествии самые неприятные ***воспоминания*** *и частенько поминает французского министра Кольбера, который на кораблях не плавал вовсе, однако же сделал свою страну великой морской державой* (Акунин$_2$).

~ Левин был в совершенном ***недоумении*** (Л.Н. Толстой).

4) *отглагольные существительные, обозначающие «результат/продукт»:* ***washing, painting, boiling, furnishing, whitening****, etc.:*

~ He did not go to Pere Cotelle, did not finish ***the painting*** *he had promised Sarah, forgot about Zidler's poster* (Mure).

~ Короссэ ***лэсьтӥськон*** *ӟус вылысьтыз муз вылэ васькытӥз,…* (Самсонов).

~ I've done a few magazine ***drawings,*** *a few song-covers* (Mure).

5) *отглагольные существительные со значением «движения»:* ***coming, flying, going, landing, passing, travelling,*** *etc.* Как правило, отглагольные существительные в английском языке мотивированны глаголами движения. В русском языке – это существительные, образованные от глаголов движения, перемещения – *ходить, ездить, путешествовать, плавать, прыгать, бегать* и т.д.

Некоторые отглагольные существительные содержат сему «вращательное движение», которая связана с длительностью и локативностью.

~ Черный куль, разгоняясь, покатился по крутому склону и прекратил свое тошнотворное ***верчение*** *лишь у самого ручья,…* (Акунин$_1$).

~ -Нет, не тебя! так пылко! Я люблю! – подскакивая, потрескивая и шипя, быстро вертелась под иглой Вера Васильевна; шипение, треск и ***кружение*** *завивались черной воронкой*…(Толстая).

6) *отглагольные существительные со значением «посессивности»:* ***belongings, winnings, earnings, takings, savings****, etc.* Рассмотрим отглагольные существительные, принадлежащие группе Pluralia Tantum, оформленные показателем множественного числа -*s*. М. Уинкенс считает, что сама природа рассматриваемого форманта -*s* в подобных словах является весьма спорным вопросом относительно его рассмотрения как показателя значения множественности или как лексикализовавшейся части основы слова. Однако, по мнению исследователя, наличие форманта -*s* в данных отглагольных существительных всегда имеет семантическое обоснование [Winkens, 1992]. На наш взгляд, с точки зрения диахронии такие слова, безусловно, обладают формантом множественного числа. Однако с точки зрения синхронии

грамматическая форма множественного числа в таких отглагольных существительных подверглась процессу лексикализации.

~ *She lost all her* ***belongings*** *in the fire* (DELC).

~ *What are your take-home* ***earnings*** *after tax and deduction?* (DELC).

~ *After we've closed, we count the day's* ***takings*** (DELC).

Несмотря на свое отглагольное происхождение, данная подгруппа отглагольных существительных взаимодействует с рядом категорий имени существительного. В пределах одной словоформы отглагольного существительного связаны значения: предметности, числа, собирательности. Лексическое значение исходного слова может быть частично или полностью изменено. В таких примерах лексикализация значения плюральности приводит к образованию новых лексических единиц. Формант -*s* выражает наличие субстантивной категории «исчисляемость/неисчисляемость» данных лексических единиц.

7) *отглагольные существительные со значением «событие»:* ***happening, meeting,*** *etc.* Сема событийности является семантическим признаком каждого отглагольного существительного, в котором семным конкретизатором является периодичность и повторяемость данного события в реальной действительности.

~ *His* ***meeting*** *with Miss Halcombe was delightfully hearty and unaffected,…* (Collins).

В качестве маркера повторяемости выступает формант -*s*, указывающий на неоднократное, повторяемое действие:

~ *He stopped attending* ***the meetings*** *of the Comité Exécutif* (Mure).

Наличие фазового глагола *stop* с герундием *attending* репрезентирует прекращение действия, которое было привычным для партиципанта. Определенный артикль *the (the meeting)* указывает на собирательность данного действия и квантификативность события.

~ *I'll have* ***a training*** *after dinner* (Maltz).

Неопределенный артикль маркирует единичность действия. Значение событийности взаимодействует с посессивным значением.

~ We have dance at the Country Club every Saturday, and ***swimming*** *and tennis and ...* (Baker).

Согласно определению словообразовательного суффикса *-ing***,** И.П. Иванова, И.М. Берман выделяют следующие значения отглагольного существительного:

1) предмет или вещество, возникшее в результате действия (так как такие действия предельны) или деятельности: *building, pointing, borrowing*, *etc.*

2) действие или результат действия: *blessing, breathing, parting, understanding, etc.*;

3) явление или событие, сопровождающееся определенными действиями: *sitting, meeting, etc.*;

4) название предметов, изготовленных из того же материала (так как мотивированы названиями материалов), или обладающих одинаковыми признаками: *colouring, feathering*, *etc.*

Наряду с указанными рубриками классификации отглагольных существительных на *-ing*, в английском языке существует весьма многочисленная группа отглагольных существительных-терминов, отмечаемая, в частности, в нефтяном дискурсе. Как известно, английские научно-технические тексты отличаются большой насыщенностью специальной терминологией и широким использованием неличных форм глагола, и, прежде всего, форм на *-ing* (отглагольное существительное, герундий и причастие I), позволяющих конденсировать информацию и в связи с этим представляющих наибольший интерес в плане разграничения данных грамматических форм на морфологическом уровне. В структуре анализируемого текста выделяются слова широкой семантики, а именно отглагольные существительные, которые обозначают предметность, процесс, действие, состояние и т.д. Семантика отглагольного существительного формируется при слиянии двух или трех категориальных значений с разным

уровнем их определенности, что вызывает трудности при работе с научно-техническим текстом в плане разграничения омонимичных форм на *-ing*, таких как: герундий, причастие I или отглагольное прилагательное.

В связи с этим, как показывает опыт, все английские отглагольные существительные-термины на *-ing*, целесообразно подразделить на подклассы в зависимости от их семантики:

1) отглагольные существительные со значением «процесс»: ***bailing, drilling, watering,*** *etc.*

~ ***Drilling*** *is the process of making a hole into the earth surface.*

2) отглагольные существительные со значением «результат/продукт»: ***cutting, opening,*** *etc.*

~ *Then mud returns up the hole to the surface, carrying* ***cuttings*** *with it.*

~ *The cleaned mud is pumped back down the drill pipe;* ***the cuttings*** *go into a pit that will be covered up after drilling is finished.*

~ *Crew members use a perforating gun, or perforator, to make* ***openings*** *through the casing and into the formation so that fluids can enter the wellbore.*

3) отглагольные существительные с локативной семантикой: ***casing, tubing****, etc.*

В английском языке отглагольные существительные, входящие в группу со значением «место» (локатив) употребляются с *into, inside, between*:

~ *When casing is run to the bottom of the hole, hydrocarbons cannot get out of the reservoir and* <u>*into*</u> ***the casing*** *because the cement and casing walls seal it off.*

~ *The choice depends basically on the diameter and length of the perforation needed and whether the gun will be lowered* <u>*inside*</u> ***the casing*** *and* ***the tubing****.*

~ *The completion crew sets a seal called a packer* <u>*between*</u> ***the tubing*** *and* ***the casing****.*

4) отглагольные существительные, обозначающие «средство или инструмент»:

~ *Completion begins with installing* ***tubing*** *inside the casing to provide a flow path for oil and gas.*

Семантика отглагольных существительных немецкого языка с суффиксом *-ung*, обладающих статальным значением, может восходить к возвратным глаголам. Признак возвратности может быть имплицитно заложен в субстантивах, которые происходят от глаголов, не относящихся к типу возвратных. Так, существительное “Verwunderung”на смысловом уровне ближе возвратному глаголу “sich verwundern”, хотя формально образовано не от него, а от глагола “verwundern”. Такое отглагольное существительное часто имеет значение результативного статива. Аналогичные примеры параллельного образования отглагольных существительных и возвратных глаголов отмечаются в немецком языке: *aufregen → Aufregung* «волнение, беспокойство» и *sich aufregen*, *erregen → Erregung* «волнение, возбуждение» и *sich ereegen, erschöpfen →Ersch öpfung* «изнеможение, истощение» и др.

Данное исследование свойства возвратности отглагольных существительных, по-нашему мнению, в определенной степени соответствует утверждению И.А. Мельчука о том, что в русском языке возвратные глаголы, образованные по форме от невозвратных, по смыслу являются исходными, «или первообразными, а их невозвратные партнеры - производными (конкретно-каузативами)» [Мельчук И.А., 1995: 460]. Ср., глаголы катать и кататься; катать Y-а значит каузировать Y-а кататься [там же]. Отметим, что в русском языке известны случаи, когда возвратный глагол диахронически первичен по отношению к соответствующему невозвратному глаголу [Янко-Триницкая Н.А., 1962].

Отглагольные существительные, образованные по модели

XI) V + -ty/-cy → N„ выражают следующие значения:

1) *отглагольные существительные с семантикой «состояние»:* ***identity, deformity,*** etc.

~ They refused to reveal the ***identity*** *of the person who won the lottery* (MACMILLAN).

~ Lack of essential minerals can cause ***deformity*** *in unborn children* (DELC).

2) *отглагольные существительные с семантикой «временное состояние»:* ***deputy,*** etc.

~ John will be my ***deputy*** *while I am away* (DELC).

В данном примере залоговое значение связано с темпоральным значением: значение глагольной основы «назначать кого-либо» на должность.

~ The club is now facing a financial ***emergency*** (MACMILLAN).

3) *отглагольные существительные с семантическим значением «эмоциональное состояние»:* ***expectancy,*** etc.

~ We waited for the announcement in a state of happy ***expectancy*** (DELC).

В анализируемом примере отглагольное существительное со значением пребывания в определенном состоянии *expectancy* сочетается с предлогом for, маркирующим состояние длительности.

~ И господа, и слуги были в видимом и необыкновенно веселом ***одушевлении*** (Достоевский).

Наряду с вышеуказанными моделями отмечается словообразовательная модель – ***XII)V + -(e)ry → N_v***. Данная словообразовательная модель признается исследователями как непродуктивная. Тем не менее, представляется возможным классифицировать соответствующие отглагольные существительные следующим образом:

1) *отглагольные существительные со значением «торговля»:* ***delivery,*** etc.

~ They haven't made regular ***deliveries*** *for a week* (MACMILLAN).

Отглагольное существительное реализует квантификативное значение регулярно повторяющего действия.

2) *отглагольные существительные со значением «место работы»:* ***fishery, cannery, bakery, brewery, pottery, cakery, bindery, creamery, refinery,*** etc.

3) *отглагольные существительные со значением «место»:* ***eatery, chancellery, scullery,*** etc.

4) *отглагольные существительные со значением «объект искусства»:* ***cookery, embroidery,*** etc.

Все выделенные значения соответствуют тому, что количество частных словообразовательных значений внутри типов принципиально не ограничено; зачастую это определяется разнообразием лексических значений мотивирующих основ.

Результаты анализа отглагольных производных существительных свидетельствуют о том, что на самом деле лексические значения производных мотивирующих основ привносят значения производящих глаголов, следовательно, все выделяемые значения форманта не имеют отношения к варьированию того содержания производного слова, которое ему приписывается. Например, предмет или вещество, возникшее в результате действия (так как такие действия предельны): *building, pointing, borrowing, etc.*

При этом следует иметь ввиду, что соединяясь с мотивирующей основой определенной семантики, суффикс реализует частное значение.

Согласно определению, данному И.П. Ивановой, суффикс – это послекорневая морфема, не функционирующая в языке как самостоятельная лексическая единица. Суффикс обладает лексическим и грамматическим значением. Лексическое значение суффикса определяется через значение оформляемых им основ [Иванова И.П., 1963:104]. Никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в ту или иную модификацию [Винокур Г.О., 1959:425].

Противоположную точку зрения на механизм формирования значения производного отглагольного существительного высказывает Н.А. Янко-Триницкая, отмечая, чем многочисленней и разнообразней значения какой-либо формы в языке, тем больше оснований полагать, что у нее нет ни одного

из этих значений, а есть только некое весьма общее значение, которое не противоречит всем приводимым частным [Янко-Триницкая Н.А., 1963:91].

«... Лексическая функция суффикса является... производной от его общей грамматической функции и должна поэтому при описании суффикса отмечаться до перечисления тех разрядов слов, в которые он входит». В качестве иллюстрации этого положения Н.Д. Арутюнова приводит выделяемые у испанских имен с суф. *-dor* значения «агент, профессия, должность, звание, животное, инструмент, прилагательное» и указывает, что такое описание смешивает значение части речи с семантическими категориями внутри части речи с общей функцией отношения, лежащей в основе всех частных значений [Арутюнова Н.Д.,1961:103-108].

Итак, суммируем результаты анализа отглагольных существительных в следующей схеме словообразовательных моделей:

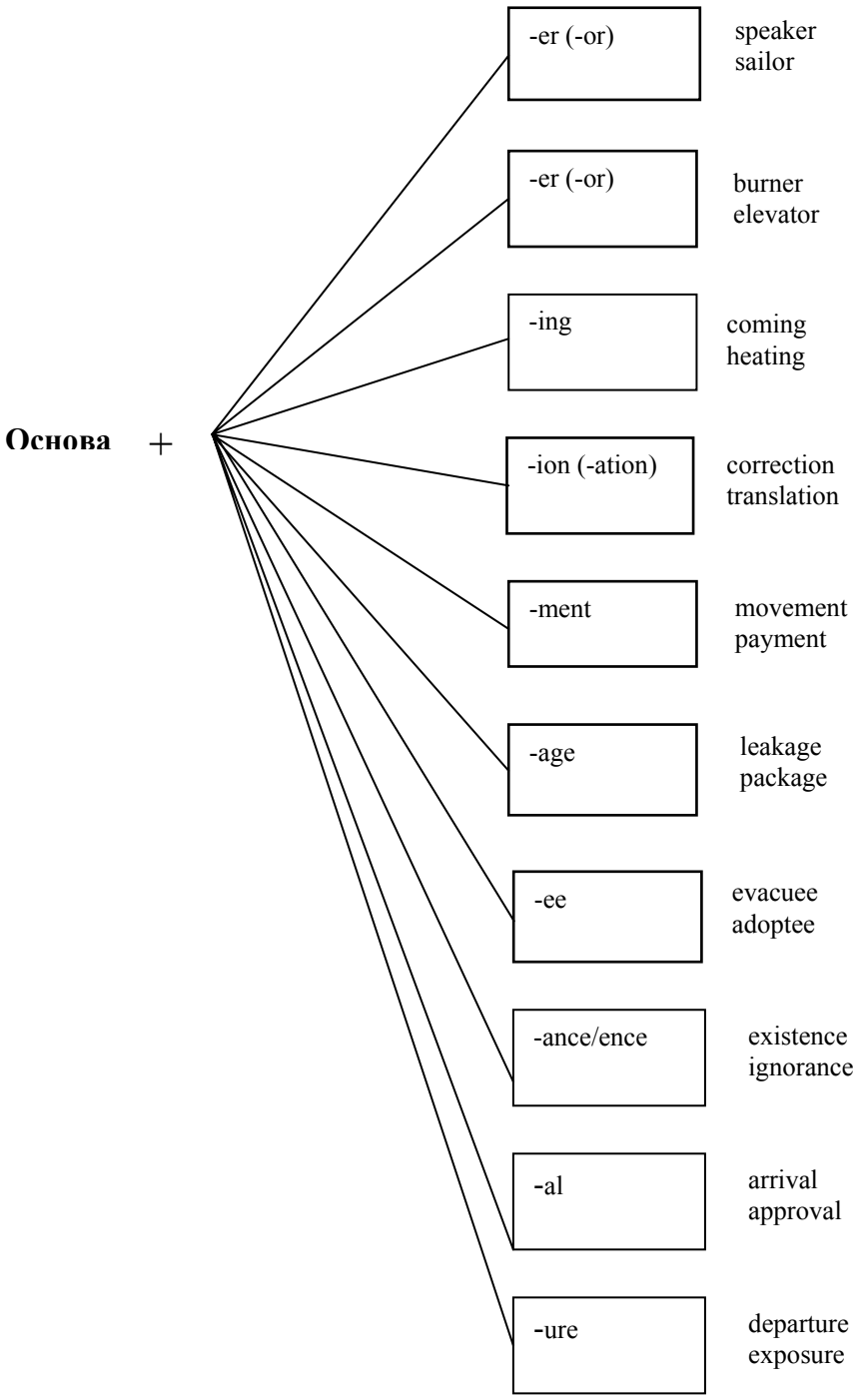


Схема № 1 «Основные словообразовательные модели производных существительных»

В результате исследования английского отглагольного существительного, были выделены существительные со значением: *действие, состояние, процесс, деятель, инструмент, результат действия, объект, восприятие, местоположение, материальные предметы, группа людей*. Словами-идентификаторами в дефинициях, которых являются соответственно *"the act/practice", "the state/condition", "the act/the process", "agent/person who*

does sth" , "an object used to help in work", "the result of action", "perception", "place", "material things", "group of people". Схематически это может быть представлено следующим образом:

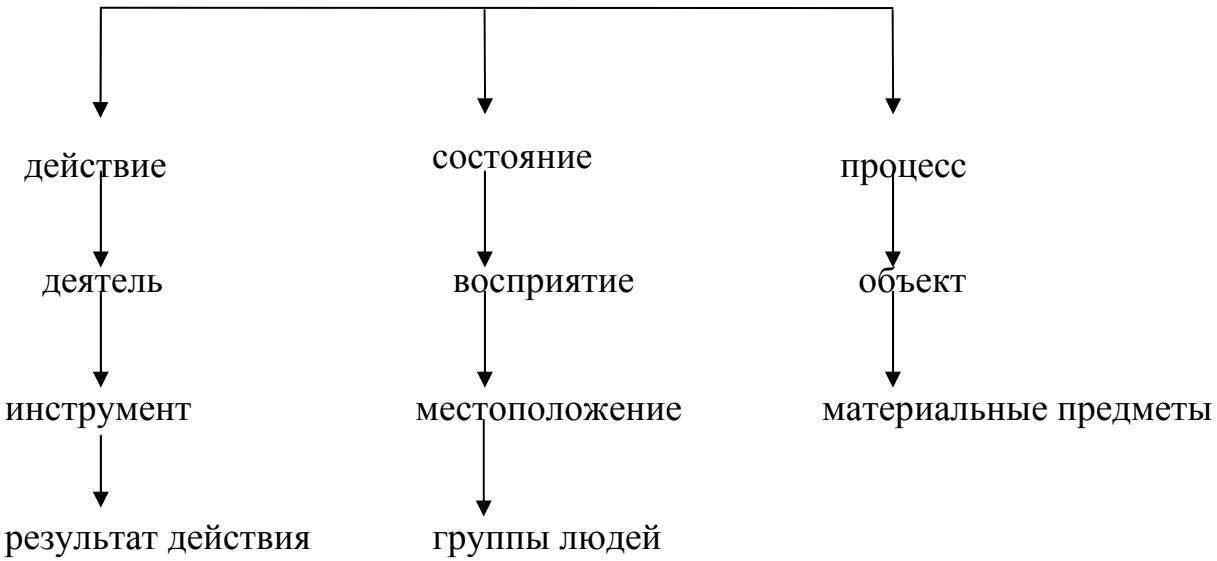
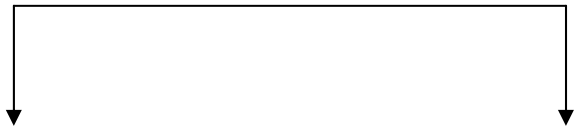


Схема № 2 «Отглагольные существительные, классифицируемые по семантическому признаку»



одушевленные отглагольные существительные
(*-er/-or)*
(-ee)
(-ant/-ent)

неодушевленные отглагольные существительные
(-ing)
(-tion/-ation)
(-ment)
(-age)
(-er/-or)
(-ee)
(-al)
(-ance/-ence)
(-ure)
(-ant/-ent)
(-ery)

Схема № 3 «Отглагольные существительные, классифицируемые по способу выражения грамматического значения»

Е.А Земская утверждает, что специфика производных слов в семантическом отношении состоит в том, что в них наиболее ярко, более

отчетливо, чем в словах непроизводных, обнаруживается системный характер лексики. Эта особенность производных слов объясняется своеобразием их структуры по сравнению со словами непроизводными, тем, что расчлененности их значения способствует расчлененность их формы [Земская Е.А., 1977:111].

Имена существительные как класс слов имеют свою структуру и отличаются неоднородностью семантического пространства, что мы и наблюдаем в отглагольном существительном английского, французского, немецкого, русского и удмуртского языков. Изучение семантики производных слов позволило установить три основных типа значения, которые участвуют в формировании семантики отглагольных существительных – значение мотивирующих основ, значение словообразовательных формантов и словообразовательное значение. Наличие в составе модели глагольной единицы означает, что ее семантика связана с действием или процессом, а наличие в ее составе существительного указывает на отношение к предмету или объекту. Класс отглагольного существительного отличается кластерным объединением тех или других признаков частей речи, связанных с их семантикой или, скорее, с тем, что они именуют. Отглагольные существительные объединяют в своем значении, значение глагола и имени, образуя тем самым комплексное значение. Периферийное положение в системе частей речи, категориальный синкретизм семантической структуры отглагольного существительного не оставляет сомнений относительно того, что семантика обладает своей особенностью, отличающей отглагольные существительные как от глаголов, от которых они наследуют свое лексическое значение, так и от прототипических имен существительных, под категориальное значение которых они подводятся в акте словообразования. Большое количество отглагольных существительных, выражающих абстрактное значение, характеризуются тем, что степень их глагольных значений ниже. Такие отглагольные существительные отличаются совмещением субстантивных

категориальных значений: предметность, абстрактность, исчисляемость/неисчисляемость, собирательность с глаголь-ными категориальными значениями: результативность, квантитативность, темпоральность, аспектуальность. По-видимому, данный тип больше «притягивается» к категории имени существительного, тем не менее не входит в данную категорию, а является особым классом существительных.

Высокий удельный вес глагольных категориальных значений выделяется в отглагольных существительных, образованных по модели V + *-ing* $\rightarrow N_{v1}$. Указанные отглагольные существительные более насыщены глагольными категориальными значениями, такими как: темпоральность, аспектуальность (длительность, результативность), квантитативность, каузативность, инхоативность, посессивность и некоторыми другими.

2.2. Типология конструкций с отглагольным существительным

Обладая лексическим значением и морфологической формой, свойственными имени существительному как части речи, все отглагольные существительные в функциональном плане отвечают и синтаксическому критерию, как одному из основных принципов выделения классов слов [см., например, Тарамжина Л.В., 1997:16].

Для описания отглагольных существительных, как отмечает А. Филл, необходимо использовать понятия из области синтаксиса. По мнению автора, структуру слова следует интерпретировать посредством синтаксических отношений, выделяемых на уровне предложения [Fill A., 1980].

Необходимо отметить, что особенностью отглагольного существительного как результата словообразовательного процесса является совмещение в данной категории номинативного и предикативного планов. Номинация в производном имени осуществляется через предикацию: предмет мыслится и именуется посредством установления связи с другим предметом. «Для того, чтобы сообщить что-то, надо установить отношение

между знаками» [Степанов Ю.С., 1973:341]. Предикация выступает фиксатором словообразовательного значения. Предикативная основа отглагольного существительного предопределяет словообразовательную семантику.

Тот факт, что отглагольное существительное онтологически представляет собой единство материального плана и плана содержания, уже указывает на возможную полифункциональность данной единицы. В рамках такого прочного объединения различных признаков отглагольного существительного выявляются многомерные связи, охватывающие практически все фундаментальные системы языка (фонология, морфология, синтаксис и др.). Отглагольные существительные сообщают, например, о таком положении, при котором словообразование выступает в качестве фокусирующего центра семантико-синтаксических отношений.

Отглагольное существительное по смыслу равно исходному глаголу – имеет одинаковое с ним означаемое. Однако отглагольное существительное отличается от глагола по своим синтаксическим и морфологическим возможностям, по своей «вспомогательной» информации, которая относится к «смысловой» стороне языковых знаков. Принято считать, что глагол является базовым, первичным способом обозначения предикатов (в семантическом смысле) – действий, состояний, отношений, процессов; существительные же в этой роли вторичны: они представляют собой «сжатие» – номинализацию – целых предложений [см., также Мельчук И.А., 1995: 464-465].

Таким образом, лексическая единица отглагольное существительное является компонентом структуры предложения. Уместно, при этом выделить точку зрения Ю.А. Левицкого, предлагающего различать лексическую семантику и грамматическую семантику, поскольку элементы, входящие в предложение имеют и лексическое значение, и форму. Грамматическая семантика (внутренняя) «связана с синтаксическими позициями, которые слова занимают в предложении, и определяется через систему внутренних

связей предложения». Лексическая семантика (внешняя) связывает предложение «с миром предметов и явлений, внешних по отношению к предложению» [Левицкий Ю.А., 2001:66].

Прежде всего, необходимо отметить наиболее частые распространители отглагольного существительного и следующие типы сочетаемости:

– детерминативами: each, every, some, any, (n) either, enough, much, more, most:

– с артиклями: неопределенным и определенным;

– с препозитивным адъюнктом, выраженным числительными, количественными прилагательными, местоимениями (this – that), количественными субстантивными словосочетаниями – «квантификаторами»;

– с постпозитивным адъюнктом, выраженным беспредложным существительным, субстантивным словосочетанием, местоимением в форме объектного падежа;

– с постпозитивным адъюнктом-существительным с предлогом of .

Многосторонность синтаксических свойств и функций отглагольного существительного разработана в ряде работ О. Есперсена, А.С. Хорнби и отечественными лингвистами И.П. Ивановой, И.П. Крыловой, Г.Н. Воронцовой, В.В. Бурлаковой, Л.Л. Иофик, А.Ф. Шутовым и др. Отглагольное существительное в синтаксических структурах предложения в английском, в русском, в удмуртском, во французском, в немецком языках может выступать в функциях: подлежащего, дополнения, предикатива, сложного дополнения, сложного подлежащего, определения.

Отглагольное существительное (актант) характеризуется определенным отношением с глаголом или предикатом в структуре предложения. Многие лингвисты признают, что именно это отношение конституирует предложение (У. Чейф, Л. Теньер, В.В. Богданов, Ю.А. Левицкий). Предложение образуется специфическим синтаксическим отношением между отглагольным существительным, имеющим общеграмматическое

значение предметности, которое может обозначать и предмет, и явление, и отвлеченное понятие и т.д. и сказуемым, которое представлено личной формой глагола, обозначает либо действие, либо состояние, либо процесс и т.д.

Исследование особенностей функционирования отглагольных существительных позволяет выделить типы синтаксических конструкций, в которых употребление отглагольного существительного наиболее активно:

1) экзистенциальные конструкции **:**

There is/ are – N_v: *There is a sort of poetical obscenity, a slimy* ***enchantment*** *about her* (Mure).

N – be_{link} – $N_{v\text{-}er/or}$: *He is a* ***swimmer*** (DELC)

N_1 – be_{link} – prep N_v: *He was in a state of* ***admiration*** (Hornby)

2) посессивные конструкции:

X has/ have (got) – N_v: *I had some* ***reflections*** *in this affair upon the dishonorable forsaking me faithful citizen* (Defoe).

X – V – N_v: *She gave us a distinct* ***impression*** (MACMILLAN).

3) конструкции с модальными глаголами**:**

N – ModV – N_v: *I couldn't help it. I can resist everything except* ***temptation*** (O. Wilde). *Caesar's wife must be above* ***suspicion*** (Caesar).

4) конструкции с придаточными условия:

If Clause – N_v: *If we thought alike of Miss Bingley, your* ***representation*** *of all this, might make me quite easy* (Austen).

5) императивные конструкции:

ImperV – N_v: *Leave me to do the* ***talking*** (Maugham$_1$).

6) конструкции со значением состояние:

N_1 –V – prep N_2 – prep N_v: *...he looked at her without* ***admiration*** (Austen).

2.2.1. Типы межкатегориальных связей в конструкциях с отглагольным существительным

I. **Экзистенциальные конструкции:**

1) There PY (Loc): ***I suppose that's why there are so many disastrous marriages*** **(Maugham$_4$).**

Доминантным значением анализируемой конструкции является значение существования (или не существования) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками [Арутюнова Н.Д.:1976].

План выражения функционально-семантической категории экзистенциальности в английском языке представлен прототипической конструкцией **There PY (Loc)**, имеющей трехчленную семантическую структуру, где **Y(N$_V$)** - бытующий предмет, **P** – показатель бытия, **Loc** – область бытия [см. также Арутюнова Н.Д., 1976, Селиверстова О.Н., 1990, Сюткина М.Ю., 2004]. Каждый из указанных элементов может быть представлен определенным набором языковых средств.

Рассмотрим синтаксические конструкции, в которых **Y(N$_V$)** – это неодушевленные отглагольные существительные.

В качестве препозитивных распространителей отглагольного существительного могут быть:

1. препозитивный адъюнкт-прилагательное:

   ~ *There was a <u>slight</u>* ***movement*** *in the body, or the shadow of a* ***movement*** (Maugham$_1$)

   ~ *There was no room for doubts, or <u>fearful</u>* ***anticipations****, or regrets* (Huxley).

2. препозитивный детерминатив:

   ~ *...there was a <u>certain</u>* ***admiration*** *in it and a faint* ***amusement*** (Maugham$_1$).

3. препозитивное наречие:

~ *... and there was* <u>*even*</u> ***amusement*** *in her eyes* (Maugham$_1$).

В экзистенциальных конструкциях препозитивные квантификаторы (*slight, certain, faint, even,* etc.) определяют аспектуальный характер отглагольного существительного, которое может быть либо длительным, либо результативным.

Так, в экзистенциальных конструкциях отмечаются, как правило, неагентивные отглагольные существительные с суффиксами: *-ing, -ment, -tion/-ation,* etc., выражающие состояние, движение, предмет, процесс и другие семантические значения.

Наряду с отглагольными существительными, образованными суффиксальным способом, отмечается употребление отглагольных существительных конверсивов во множественном числе. ~ *There was no room for* ***doubts****, or* <u>*fearful*</u> ***anticipations****, or* ***regrets*** (Huxley). В анализируемом примере отглагольные существительные выражают нарастающую интенсивность негативного значения, обозначающие эмотивное состояние.

Экзистенциальный (бытийный) глагол и отглагольное существительное сопряжены предикатными отношениями. При этом ядерное значение конструкции реализуется бытийным глаголом и отглагольным существительным, формирующим семантический центр ситуации.

~ Again, there was a ***softening****, and I watched her mouth relax*…(Pike).

~ There were <u>*many*</u> ***discussions*** *about the new driving laws.*

~There is <u>*less*</u> ***movement*** *between the classes, less social mobility.*

В указанных примерах квантификаторы: *many, less,* неопределенный артикль – *a*, выражают квантитативность отглагольного существительного. Аспектуально-квантитавные отношения отглагольного существительного и личного глагола связаны с исчисляемостью и определенностью отглагольного существительного. К примеру, сочетание квантификатора и отглагольного существительного во множественном числе – *many discussions* указывает на многократность действия.

В аналогичной экзистенциальной русской конструкции: ~ *У окошка сидела за пяльцами барышня, ее* ***воспитанница*** (Пушкин$_2$). ~ семантика экзистенциальности тесно связана с семантикой локативности. Значение локативности может передаваться эксплицитно при помощи вербально выраженного локализатора (у окошка) и имплицитно в случае его отсутствия. Значение «бытия» синтаксической конструкции связано с каузативной семантикой и залоговым (пассивным) значением отглагольного существительного.

Отмечаются аналогичные конструкции во французском *(Il y a)* и в немецком *(Es gab)* языках:

~*Il y a un rite, par exemple, chez mes* ***chasseurs****. Ils dansent le Jeudi avec les filles du village* (Renaud).

~ Ein solchfanatisches Kleinkind steckte indiesem jungem Mann, der mit glühenden Augen am Tisch stand und seine ganze ***Umgebung*** *vergessen hatte, offenbar gar nicht mehr wußte, daß es noch etwas andrres gab in der werkstatt außer ihm und diesen Flaschen,* (Süskind).

В удмуртском языке экзистенциальной конструкции соответствует:

~ *Солэн йыраз* ***осконтэмез*** *вал.* Бытийный глагол *вал* – монотемпорален и локализован в сфере прошедшего времени. Бытийное и посессивное значения синтезированы в одной словоформе – *солэн*. Сочетание глагола-связки и отглагольного существительного ментальной деятельности обусловливает длительность действия. Таким образом, удмуртское отглагольное существительное наряду с семантикой ментальной деятельности обладает факультативным значением состояния.

~ *There is a sort of poetical obscenity, a slimy* ***enchantment*** *about her* (Mure);

~ There was a frozen pause in the ***conversation*** (Lawrence);

~ There will be a lot of ***meetings*** *next month* (Newsweek).

В такого рода конструкциях значение состояния отглагольного существительного связано с экзистенциальным, темпоральным (настоящим)

значением глагола; значение предмета (локализатора) отглагольного существительного – с экзистенциальным, темпоральным (прошедшим) значением глагола; значение событийности отглагольного существительного с экзистенциальным, темпоральным (будущим) значением глагола.

2) Экзистенциальная конструкция – There PY с определительным придаточным предложением: ***There was a solidity in his reflections which often struck her,*** **…(Austen).**

Конструкции такого типа представляют собой сложноподчиненные предложения – полипредикативные комплексы. Особенностью данного типа конструкций является то, что в одной структуре соотносятся два события (две ситуации). Любое действие или событие окружающей действительности локализуется во времени и рассматривается относительно другого действия. В общем виде семантика определительного придаточного предложения, как и любого придаточного предложения, выражает присоединение [Левицкий Ю.А., 2003:328]. Придаточное предложение выступает в роли присоединения уточняющей информации не только бытующего объекта, но и содержания главного предложения в целом.

В экзистенциальных конструкциях с определительным придаточным предложением отмечаются отглагольные существительные с суффиксами: *-tion/-ation, -ance/-ence, -er/-or* и т.д., выражающие состояние, создание духовного объекта, предмета, действия и некоторые другие, при этом отглагольные существительные реализуются как в значении бытующего предмета, так и в области бытия.

В анализируемых примерах отмечаются взаимодействия категорий темпоральности, аспектуальности, таксиса:

~ According to some historians, there <u>was</u> a young man in Rome who <u>won</u> the ***admiration*** *of the whole city by his ability as* ***a swimmer*** (Wodehouse). В ряде случаев наблюдается употребление как неагентивных, так и агентивных отглагольных существительных. Темпоральное (прошедшее), аспектуальное значения бытийного глагола связаны с определенностью, агентивностью,

одушевленностью отглагольного существительного. В случае с – *admiration* абстрактное, собирательное, неагентивное, неодушевленное значения связаны с посессивным глаголом приобретением – *win (won).*

Экзистенциальный глагол – *to be (was)* локализован в прошедшем времени, форма *win* (*won)* соотносит действие придаточного предложения с действием главного предложения, как одновременные. Таксисная пара *was – won* монотемпоральна, моносубъектна и мономодальна, так как в предложении передается реальное значение объективной действительности. В данном примере функционально-семантическое поле экзистенциальности взаимодействует с функционально-семантическим полем посессивности, выраженным результирующим глаголом *win* (*won),* агенс приобретает общественную оценку, выраженную отглагольным существительным *admiration.*

В соответствующей русской конструкции с отглагольным существительным на *-ние: Был у Шустикова портфель, который ему подарили в честь* ***повышения****, и в котором бумаги всегда лежали в некотором беспорядке* (Маканин), семантика отглагольного существительного связана с причинно-следственной семантикой глагола. Таксисная пара *был – подарили* выражает отношение предшествования действия одного предиката действию другого предиката. Соотношение глагольных форм *был – лежали* выражает значение одновременности. Аналогично английскому предложению функционально-семантическое поле экзистенциальности, выраженное локативом (*лежали*), взаимодействует с функционально-семантическим полем посессивности, выраженным глаголом бытийной семантики – *был*.

Наряду с бытийным предикатом в русском языке выделяются предикаты конкретного местонахождения: *помещаться где-л., вмещаться во что-л., содержать, вмещать* и др.

~ Письмо содержало в себе ***признание*** *в любви: оно было нежно, почтительно и слово в слово взято из немецкого романа* (Пушкин$_2$).

~ Il y a deux mois, j'étais tellement furieuse que je me suis défoulée en écrivant 10 pages d'un coup, sans ***interruption****!* (Okapi). В анализируемом французском примере ФСП бытия, выраженное глаголом *avoir*, в данном случае глагольной формой – *a*, взаимодействует с ФСП посессивности, выраженным глаголом *être*. Предикатные отношения являются монотемпоральными, так как форма «существует» и глагол «быть» локализованы в настоящем времени.

Как правило, указанные конструкции монотемпоральны, отглагольные существительные, выражающие состояние, действие, результат и другой семантики зависимы от глагола, что обусловливает связь глагольных и именных значений. Зависимость отглагольного существительного от глагола усиливает глагольные свойства отглагольного существительного.

3) Экзистенциальная конструкция – There PY, где Y(N_v) – отглагольное существительное. В экзистенциальных конструкциях данного типа отмечаются в основном неагентивные отглагольные существительные, выражающие событийную семантику, состояние (эмоциональное, психическое, физическое). Такие отглагольные существительные маркированы суффиксами: *-ance/-ence, -ment, -tion/-ation, -ing, -al,*etc.

~ There will be hold English ***training*** *again* (Washington Post). Экзистенциальное залоговое (пассивное), футуральное значения предиката конструкции связаны с аспектуальным (длительным), квантитативным значениями отглагольного существительного.

В некоторых случаях экзистенциальные конструкции включают несколько отглагольных существительных: *~ There were a lot of* ***rehearsals*** *before ballet* ***performance*** (DELC). Указанные отглагольные существительные есть существительные с событийной семантикой, отличающиеся по своим аспектуальным характеристикам. Отглагольное существительное *rehearsal* – квантитативно, однако множественный характер отглагольного существительного уточняется квантификационным маркером (*a lot of*),

аспектуальное значение отглагольного существительного *performance* — результативно.

~ There would be jealouses, ***preferences*** *(cases/instances of jealousy, preference)* (Fowles). Отглагольное существительное – *preference*, ограниченное во времени? выражает эмоциональное состояние, и тем самым реализует темпоральное значение. Сочетание бытийного глагола и *will (would)* выражает нереальное значение по отношению к отглагольному существительному, тем самым множественное число отглагольного существительного связано с бытийным глаголом и наклонением.

~ ... and there was even ***amusement*** *in her eyes* ($Maugham_1$).

~ ...there was a certain ***admiration*** *in it and a faint* ***amusement*** ($Maugham_1$).

Отглагольные существительные *amusement, admiration* – выражают психическое состояние говорящего в момент реализации действия. В анализируемых примерах бытийный глагол, локализованный в прошедшем времени, сопряжен с определенностью и числом отглагольного существительного.

~ В операционной секунд десять было полное ***молчание****, но за закрытыми дверями слышно было, как глухо выкрикивал кто-то и бухал, все бухал головой* (Булгаков).

В русском примере молчание также выражает эмоциональное состояние, которое характеризуется временной ограниченностью, но уже в пределах ограниченной временной рамки «десять минут». Категория «существования» является монотемпоральной, действия локализованы в прошедшем времени. Действие предиката процессуально. Форма *было – бухал* выражает одновременное действие в процессе, которое связано с аспектуальным значением. Предикатная пара *бухал* и *бухал* в семантическом плане выражает итеративное действие.

Аналогичная экзистенциальная конструкция отмечается в немецком языке, где значение «бытия» выражает – *es gab:* *~ Es gab im Hause der*

Madame Gaiilard keinen Gegenstand, in der nördlichen Rue de Charonne keinen Ort, keinen Menschen, keinen Stein , Baum, Strauch oder Lattenzaun, keinen noch so kleinen Flecken, den er nicht geruchlich kannte, wiedererkannte und in der jeweligen Einmaligkeit fest im ***Gedächtnis*** *verwahrte* (Süskind).

В указанном типе экзистенциальных конструкций отглагольные существительные связаны с глаголом бытийной семантики, что обусловливает наличие отглагольных существительных указанной семантики, поскольку такие существительные взаимосвязаны с понятием бытия.

4) Экзистенциальная конструкция – N + V_{cop} + $N_{V\text{-}er/or}$ – с отглагольным существительным: ***She's a dancer. I said "Ballet and all. She used to practice about two hours every day,…*** **(Salinger).**

Данный тип конструкции рассматривается в рамках экзистенциальных конструкций. Отмечаются агентивные отглагольные существительные с суффиксами *-er/-or*, выражающие субъект, род/профессию, характеристику субъекта, субъект власти. В такого рода конструкциях отглагольное существительное выступает в функции части составного сказуемого: в английском языке с глаголом – *to be*, в русском языке – *быть* или синонимичным глаголом – являться, в удмуртском языке – *луыны,* во французском языке – *être,* в немецком языке – *sein*. Особенностью данной конструкции является взаимодействие отглагольного существительного имени-деятеля с ФСП «бытийности».

Как правило, в английском языке форма $N_{v\text{-}er/or}$, представлена агентивным отглагольным существительным, где суффикс *-er/-or* является словообразовательным маркером категории имени деятеля, выражающим: профессию/род деятельности, создание духовного объекта, объекта власти, состояние (экспериенциальное, эмоциональное). Агентивное отглагольное существительное подчиняется глаголу *to be* – в англ., *sein* – в нем., *être* – во франц. В анализируемых конструкциях английский глагол *to be* связан с такими субстантивными категориальными значениями отглагольного

существительного, как агентивность, одушевленность, определенность, число.

~ *I was the goddam* ***manager*** *of the fencing team* (Salinger).

Как правило, в русском языке глагол «быть, есть» не используется в настоящем времени, в прошедшем и будущем времени форма глагола является облигаторной частью предложения, что обусловлено выражением темпорального значения.

~ - *Лихорадка? Ага! Вы из Дульцева?*

- *Так точно. Я –* ***мельник*** (Булгаков$_3$).

~ *Я не тюремный* ***надзиратель*** (Булгаков$_3$).

В русском языке отмечается конструкция, в которой бытийный глагол имплицитен:

~ *Вы кто?* ***Поклонник-любитель****?* (Толстая). *Поклонник-любитель*, представлен в виде сложного отглагольного существительного, репрезентируемого в первом случае суффиксом *-ик*, во втором – *-тель*.

~ *Er der* ***Prüfer*** (Lingvo).

~ *Er der* ***Lehrer*** (Lingvo).

~ *Je suis le* ***conducteur*** (ФС).

Таким образом, бытийный глагол, локализованный во всех временных сферах связан с числом, одушевленностью, агентивностью отглагольного существительного определенной семантики, обусловленной типом анализируемой конструкции.

5) Экзистенциальная конструкция $N_1 – V_{cop}$ – prep VN: ***After passing the exams I was in a state of satisfaction*** **(OALD).**

В состав рассматриваемой модели включены два именных компонента, первый из которых выступает в роли экспериенсива, второй является отглагольным существительным эмотивного состояния. В английском языке наиболее часто употребляются отглагольные существительные с абстрактным суффиксом *-tion* или его варианты *-sion, -ation, -cy*. Отглагольные существительные. употребляемые в данной конструкции,

реализуют бытующее состояние, вызывающее негативное или позитивное чувство у субъекта:

~ *He was in a state of black* ***depression*** (Laurence)

~ *We were in a state of happy* ***expectancy*** (DELC).

Это свидетельствует о том, что отглагольные существительные были образованы преимущественно от основ каузативных глаголов. Субъект является экспериенсивом. Глагол в обоих случаях монотемпорален, при взаимодействии с отглагольным существительным, мотивированным эмотивным глаголом реализуется аспектуальное (длительное) значение, неограниченное временными рамками.

Аналогичная конструкция отмечается в немецком языке, где отглагольные существительные маркированы суффиксами *-ung*, *-е*, выражающими эмоциональное, психическое состояние.

~ *Ich bin im* ***Bilde*** (Süskind)

~ *Ich bin nicht in* ***Stimmung*** (Lingvo)

В русском языке английским экзистенциальным конструкциям соответствуют конструкция типа: *Он <u>был</u> <u>в</u>* ***отчаянии*** (Пушкин$_2$). Отглагольное существительное, образованное при помощи продуктивного суффикса *-ние.* Английские, немецкие, русские отглагольные существительные анализируемого типа синтаксической конструкции образованы от эмотивных глаголов и глаголов умственного восприятия.

~ *Насчет же заседания вы в полном* ***заблуждении*** (Булгаков$_5$).

~ *Но несмотря на это, мать всю эту зиму <u>находилась в</u> страшном беспокойстве и* ***волнении*** (Л.Н. Толстой).

~ *И я сел в траву,…, что <u>был</u> как во сне, <u>в</u>* ***наваждении*** *(А.Н. Толстой).*

Отглагольное существительное сочетается с предлогом, эксплицируя, состояние экспериенсива, в англ. и нем. – *in,* в русском языке – предлог – *в* с препозитивными адъективными интенсификаторами *полном* и *страшном*, уточняющими отглагольное существительное.

Аналогичная конструкция выделяется в удмуртском языке:

~ Со вал возьдаськись.

Итак, экзистенциальные конструкции объединяют несколько категориальных значений: темпоральные, реализуемые глаголом *to be,* который локализуется преимущественно в настоящем и прошедшем, при этом отглагольное существительное реализует аспектуальные (результативность, длительность), квантитативные значения, обусловленные его семантикой.

II. Посессивные конструкции:

1) X has Y(N_v): … ***the word love has a hundred meanings, and you never knowwhich one you are talking about*** (P. La Mure). Такие конструкции интерпретируются как посессивные (О.Н. Селиверстова, К.Г. Чинчлей, И.Б. Долинина, М.А. Журинская, Н.И. Пушина, М.Ю. Сюткина).

В такого рода конструкциях наиболее активно употребляются отглагольные существительные с продуктивным суффиксом в англ. *-ing*, соответственно в нем. *-ung*. Данная конструкция образуется при помощи специального глагола обладания *have/has* и является специализированным способом выражения посессивных отношений. В структуре ФСП посессивности глагол занимает ядерную структуру. Основанием для выделения ФСП посессивности является то, что оно отражает реально существующие связи между предметами внешнего мира, выявляемые нашим сознанием. Конструкция представлена тремя обязательными конституентами – субъект обладания *X*, *Y(N_V)* – отглагольное существительное – объект обладания, *has/have* – посессивный предикат.

Самым распространенным отглагольным существительным в роли объекта обладания выступает существительное, мотивированное глаголом чувственного восприятия: в англ. языке – *feel.* Английские отглагольные существительные на *-ing*, как правило, отличаются аспектуальным (длительным) значением.

~ I <u>had</u> ***a feeling*** *old Ackey'<u>d</u> probably <u>heard</u> all the cracket and was awake* (Salinger). Посессивный предикат *had* и *had heard* выражают таксис

предшествования, наречие *probably* – указывает на вероятность действия. Таким образом, эмотивное значение отглагольного существительного тесно связано с темпоральным значением посессивного предиката.

~ *I just had* ***a feeling*** *something had gone funny* (Salinger). Таксисная пара предикатов *had – had gone* передает значение таксиса предшествования.

Однако следует отметить, что по аналогии с другими отглагольными существительными, существительное *feeling* может быть конкретизировано определенным/неопределенным артиклями. Как известно, данное явление связано с неким сдвигом в значении слова. Согласно определению Д.И. Руденко, конкретизация – это приобретение неисчисляемым существительным способности обозначать отдельные и, следовательно, исчисляемые объекты [Руденко Д.И., 1988]. Отглагольные существительные могут сочетаться с неопределенным артиклем, указывающим на конкретизацию значения абстрактности.

В следующих примерах детерминативами выступают указательное местоимение *that* и сочетание *enough human.*

~ *She had that* ***feeling*** *which you describe…* (Maugham$_1$)

~ *...he must have enough human* ***feeling*** *in him to pity her* (Maugham$_1$)

Аспектуальное значение отглагольного существительного *feeling* – результативно. Действие отглагольного существительного может быть либо длительно, либо результативно.

Отмечаются отглагольные существительные, которые образованы при помощи абстрактного суффикса *-tion/-ation*, в русском языке – *-ние:*

~ *These Chinese have no* ***resistance*** (Maugham).

~ *We have our means of* ***information*** (Mure).

~ *Он имел сильные страсти и огненное* ***воображение*** (Пушкин$_1$).

Посессивный предикат, локализованный в прошедшем и настоящем времени, связан с отглагольными существительными собирательного характера: ~ *... that she had any* ***recollections*** *or* ***speculations*** *about her parents, he could not fancy* (Brontë).

~ *He has little* ***flirtations****, but* …(Maugham$_1$).

Отглагольные существительные во множественном числе употребляются в сочетании с препозитивным детерминативом, указывающим на квантитативную характеристику отглагольного существительного. Отглагольные существительные характеризуются результативностью.

Как отмечалось ранее, абстрактные суффиксы *-tion, -ment*, отглагольного существительного заимствуются из французского языка, поэтому именно лексические единицы с указанными суффиксами отмечаются во французском языке. По аналогии с другими отглагольными существительными данной группы, французские отглагольные существительные также выражают эмотивность:

~ *Oh! M'a-t-il plu, ce drôle-la! Non, il avait des* ***inventions****…enfin laissons la ces souvenirs*…(Balzac).

~ *J'avais un* ***pressentiment****, qu'il viendra*.

~*J'avais un* ***sentiment***.

В удмуртском языке посессивные отношения выделяются особым образом, наряду со смысловым глаголом обладания: *вань,* значение посессивности выражают облигаторные лично-притяжательные суффиксы, указывая на родственные отношения субъекта и объекта, выражая душевные переживания.

~ *Кышномуртлэн* ***малпанэз*** *вань* (Каракулова).

2) Конструкция X has Y(N_V), выражающая субкатегориальное значение социальный статус обладания социальными, функциональными отношениями.

При заполнении *Y* именем лица, учитывая, что *X* тоже одушевленное лицо, конструкция *X has Y(N_V)* выражает значение, указывающее на наличие постоянных, устойчивых отношений между субъектом и объектом обладания [Сюткина М.Ю., 2004:135].

Как правило, объектом обладания чаще всего выступают отглагольные существительные с агентивным суффиксом *-er/-or*. Отглагольные существительные выражают функциональные и социальные отношения:

~ Kirchner has no ***supporters****; he can call his very own* (Newsweek).

Данный тип посессивных конструкций может реализовать отсутствие обладания чем-то, выраженное отрицательной частицей *no* при отглагольном существительном.

~ We have a good ***baby-sitter*** (Redman).

~ I have a great ***director*** (Economist).

Мультипликативное значение отглагольного существительного в примере: *~ He had reputation of a* ***complainer*** сопряжено с посессивным значением прототипического глагола, в связи с чем отглагольное существительное может быть результативным.

Отмечаются случаи, когда отглагольные существительные образованы при помощи других агентивных суффиксов *-ant, -ee*, которые употребляются не столь часто. В таких конструкциях посессивный предикат взаимодействует с залоговым (пассивным) значением отглагольного существительного. Действие отглагольного существительного в данных конструкциях результативно, что обусловлено квантификацией объекта. Удельный вес агентивных отглагольных существительных в таких конструкциях невысок:

~ We had 250 ***applicants*** *for the job* (DELC).

~ We'll have some ***interviewees*** *tomorrow's morning* (Newsweek).

Соответствующие русские конструкции также характеризуются посессивным отношением между субъектом и объектом – отглагольным существительным.

~ У ней было четверо сыновей: все четыре отчаянные ***игроки*** (Пушкин$_1$)

Отглагольное существительное со словообразующим суффиксом *-ок* является агентивным и одушевленным.

3) Конструкция X has Y(N_V) – с отглагольным именем существительным событийной семантики.

~ We have dance at the Country Club every Saturday, and ***swimming*** *and tennis and …* (Baker). Предложения данного типа информируют о наличии каких-то событий в жизни человека.

~ I'll have ***a training*** *after dinner* (Maltz). Сообщение о событии предполагает двух участников, актуализирует признак активности/пассивности X. X – может быть активным, тот, кто учит, X – может быть пассивным, тот, кого учат.

~ I had a business ***meeting*** *last week* (DELC).

~ I've had several ***conversations*** *(acts of speech) with him* (OALD).

Семантика обладания событием отглагольных существительных связана со значением экзистенциальности и значением активности/пассивности участников ситуации. Отглагольные существительные квантитативны.

Наряду с глаголом *have* в позиции посессивного предиката достаточно активно используются другие глаголы:

- посессивные глаголы – *to possess, to own, to belong, etc.* Указанные предикаты образуют статические конструкции, описывающие посессивные ситуации как состояния, показывая только на отношения между субъектом обладания и объектом обладания.

~ He owns his gas ***production*** *in the Caribbean* (Oil and Gas Eurasia).

~ These ***workers*** *belong in a different category* (MACMILLAN).

- донативные глаголы – *to give, to sell, to present, to pass, to lose, to advance, etc.* Глаголы динамического обладания, указывающие на способ утраты/приобретения объекта обладания и не имеющие посессивной семантики, представляют периферийную зону ФСП посессивности. И.П. Сусов и Р.Г. Гайнуллина рассматривают данные глаголы как трехактантные предикаты действия, связующие имена лиц, взаимодействующих друг с другом в процессе перехода объекта обладания от прежнего обладателя

($Poss_1$) к новому ($Poss_2$) [Сусов И.П., Гайнуллина Р.Г., 2002:15]. Один из именуемых конституентов обязательно берет на себя семантическую роль агенса. В данных примерах отглагольное существительное реализует значение «материальный объект», образованное от мотивированного глагола – посессивного глагола – *принадлежать,* каузативного глагола.

Отглагольные существительные употребляются с препозитивными притяжательными местоимениями: *her*, *your*, которые указывают на посессора и усиливают значение обладания.

~ *She lost all her* ***belongings*** *in the fire* (DELC).

Глагол-предикат анализируемой конструкции в ряде случаев предполагает смену ситуации «иметь» на ситуацию «не иметь». Действие глагола-предиката обладает каузирующей силой извне. Результатом смены является состояние, выражающее значение утраты [см. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г., 1969:5-17]. Отглагольное существительное, выраженное формантом *-s* с семой собирательности, реализует антонимичное значение предиката конструкции.

~ *I will advance you the money out of your* ***allowance*** (Lawrence).

- глаголы приобретения – *to get, to take, to win, to earn, to obtain, etc.:*

~ *We got a secret* ***communication*** *from the Foreign Minister* (Newsweek).

~ *I get a bank* ***statement*** *at the start of every month.*

~ *The Conservatives won the seat from Labour at the last* ***election***

(Newsweek).

~ *They earn their own* ***living*** *in stores, restaurants, factories, and offices* (McCarty). Во всех примерах преобладает значение приобретения, наличие чего-то ценного, материального. Аспектуальное (результативность, длительность) значение отглагольного существительного сопряжено с глаголами посессивной семантики.

В посессивных конструкциях непрототипического характера отмечается смена ситуации «иметь» на «не иметь», при этом отглагольные существительные являются объектом обладания, реже агенсом.

Таким образом, в посессивных конструкциях обнаруживаются связи посессивности и экзистенциальности. В такого рода конструкциях посессор выражен преимущественно местоимением (*I, he, she,* etc.). Посессивные отношения связывают посессора с отглагольным существительным определенной семантики, обусловленной типом анализируемой конструкции. Темпоральное значение посессивного глагола (*to have*) или непрототипического глагола локализуется в настоящем или прошедшем.

III. Модальные конструкции: *I can resist everything except temptation* (Wilde).

С модальным значением ассоциируется, прежде всего, модальная рамка, в которую вставлена пропозиция (В.Б. Касевич, В.С. Храковский 1983). В модальных конструкциях отмечаются отглагольные существительные с суффиксами: *-ing, -ment, -tion/-ation, ance/-ence, -er,* выражающие состояние (психическое, экспериенциальное), предмет, результат, профессию/род деятельности. Модальные значения реализуются средствами, относящимся к разным уровням языковой системы – модальные глаголы, наклонение (желательное, условное, повелительное), модальные наречия, прилагательные (в английском языке, *likely, possible*; в русском языке *хорошо, легко, еле, с трудом*; во французском языке *bien, à peine, facilement*) и т.д.

~ The voice in uttering this name had the slightest possible cadence of ***disappointment*** (Brontë).

~ It is probable to explain her manners, ***amusements*** (Collins)

Данные предложения имеют в своей структуре прилагательные possible/ probable, которые вносят значение возможности.

1) X must Y(N_V). В модальных конструкциях с глаголом must выражается субъективная/объективная необходимость [см., например, Козинцева Н.А., 1991]. В содержательном плане значения, реализуемые данным глаголом, также выражают долженствование и вероятность совершения действий [см. Долгополова З.К., 1961].

Данный тип конструкций выражает значение долженствования или вероятности отношения к реальной действительности. В указанном типе конструкций отглагольные существительные сопряжены с посессивными, каузативными глаголами, глаголами ментальной деятельности, движения, отношения и другими. В связи с чем, по-видимому, можно отметить, что глагол определенной семантики требует соответствующего отглагольного существительного, в частности, сочетание модального и посессивного глагола указывает на употребление отглагольного существительного со значением состояния, либо результирующего состояния.

~ *...he must have enough human* ***feeling*** *in him to pity her* (Maugham$_1$).

~ *' you must require* ***refreshment*** *after your wet walk: I forget hospitality'*(Brontë). При этом модальность, темпоральность (футуральность) связаны с числом, абстрактностью отглагольного существительного.

2) X can (could) Y(N_V): *You can't stop a teacher* (Salinger).

Субъективная способность к совершению действия, обусловленная внутренним импульсом, потребностью субъекта, передается модальным глаголом *can.* В анализируемой конструкции отмечаются агентивные и неагентивные отглагольные существительные с суффиксами *-er/-or, -tion/-ation, -ment, -a(e)nce, -ing*, обозначающие профессию/род деятельности, состояние (психическое, эмоциональное, экспериенциальное). Аспектуальные особенности отглагольного существительного обусловлены семантикой отглагольного существительного, образованного от глаголов ментального действия, глаголов отношения, состояния, каузативных глаголов. Отглагольные существительные – длительны.

~ *She could think only of her* ***lover*** (Maugham).

~ *If the machinery of the Law could be depended on to fathom every case of a* ***suspicion****, and to conduct every process of inquiry, with moderate* ***assistance****...*

~ ... firmly persuaded that he could adopt our national ***amusement*** *of the field by an effort…*

Сочетание модального глагола и инфинитива, имея форму настоящего времени, фактически проецируется в будущее: *~ You can't stop a* ***teacher*** (Salinger); *~ This machine can perform two million* ***calculations*** *per second* (DL). Временные параметры комплекса «модальный глагол + инфинитив» обладают футуральной проекцией и соответствующей результативной аспектуальностью, связываемыми с агентивностью/неагентивностью, числом отглагольного существительного.

Ранее отмечалось, что состояние может быть вызвано внешними, экстралингвистическими факторами. *~ It could only cause* ***embarrassment*** *and* ***misunderstanding*** (Christie). В данном примере актуализация каузативности отглагольного существительного выражена самим существительным и каузативным глаголом. При этом значение отглагольного существительного результативно в силу причинно-следственных отношений. Отглагольные существительные анализируемой группы выражают состояние и ментальную деятельность:

~ ... unless he could furnish the most unexceptionable ***references*** *to character and abilities.*

Модальный глагол *can/could* реализует значение умственной/физической способности.

В целом, модальные конструкции обозначают действие отглагольного существительного как возможное или необходимое. В сочетании с модальными глаголами (комплексом «модальный глагол + инфинитив») отглагольное существительное может быть длительным, неограниченным во времени.

IV. Сложные (сложноподчиненные) конструкции с придаточными условия: ***If we thought alike of Miss Bingley, your representation of all this, might make me quite easy*** **(Austen).**

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что данный тип конструкций отличается наиболее активным взаимодействием различных категориальных значений. В таких конструкциях употребляются отглагольные существительные, которые образованы при помощи разных словообразовательных формантов *(-er,-ment, -tion, -ing, -ence,* в нем *-ung*, в рус. *-ние* и т.д.). Отмечаются как агентивные, так и неагентивные отглагольные существительные.

*~ If you ask it for a **pain-killer** it will not give you a bonbon* (Henry).

*~ If I tell her to reflect on the circumstances of her **engagement**, I at once appeal to two of the strongest **feelings** in her nature* (Collins).

Выделяется подтип пассивных конструкций с причастием I в функции определения *~ If you see a girl being bushed on the head by a young man you'd be likely to think of **murder** straight away* (Christie). Вся условная конструкция должна соответствовать первой прототипической конструкции, в которой выражается реальная возможность. Однако в соответствии с маркировкой следствия главной части условной конструкции отмечается нереальная, то есть невыполнимая возможность. Кроме того, наличие модального оборота *to be likely* и наречия *straight away* нейтрализует значение ирреальности. Отглагольное существительное характеризуется наличием агентивности, одушевленности, обусловленное семантикой результата действия.

*~ Wenn ich die **Einladung** bekäme, würde ich zur Konferenz fahren (Если бы я получил приглашение, я бы поехал на конференцию).*

*~ ..., что если у Маши и было какое-нибудь **увлечение**, то чувство нравственного долга, во всяком случае, перевесит у нее преступные и легкомысленные настроения* (Л.Н. Толстой). Конструкция, усложненная наличием двух предикатов, актуализирует и интенсифицирует межкатегориальные контакты внутри ее семантической структуры. Предикаты главного и придаточного предложений вступают в различные типы связей по отношению к времени, модальности. Отрезки времени каждого из предикатов совпадают: так, пара *было – перевесит* является

монотемпоральной, поскольку глагольные формы локализованы в прошедшем времени. Вводные слова и союзы: *если*, *какое-нибудь* и *во всяком случае,* реализуют полуреальное или нереальное модальные значения по отношению к реальной действительности.

~ Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят об нем с ***неуважением*** (Пушкин$_2$).

~ If you have no love or pity for me you must have just ordinary human ***feeling*** (Maugham$_1$).

Ниже рассмотрим те случаи, когда, например, взаимодействие категорий настолько разнообразно в плане средств выражения, что обусловлено в первую очередь сложной структурой предложения и содержанием грамматических форм: *~ If I were not afraid of judging harshly, I should be almost tempted to say, that there is a strong* ***appearance*** *of duplicity in all this* (Austen). Категория модальности реализуется условным наклонением, которое связано с залоговым (пассивным - *to be tempted*) значением. Результативное значение отглагольного существительного сопряжено с функционально-семантическим значением экзистенциальности.

~ If that event led to ***the appointment*** *of any given for Sir Percival's union with Miss Fairlie, I was to take the necessary* ***instructions*** *back with me to London* (Collins).

Таким образом, сложные конструкции с придаточными условия усложнены наличием двух предикатов. При этом отглагольное существительное может быть конституентом как главного, так и придаточного предложений, что обусловливает связь отглагольного существительного с одним из предикатов конструкции. Предикаты главного и придаточного предложений связаны темпоральными и модальными отношениями. В свою очередь, отглагольные существительные, мотивированные эмотивными глаголами, глаголами чувственного восприятия, связаны с кондициональным, модальным, залоговым значениями, реализуемыми конструкциями анализируемого типа.

V. Императивные конструкции с отглагольным существительным (N_V).

Императивные предложения выражают побудительную ситуацию, включающую двух партиципантов – говорящего и слушающего, причем в отличие от повествовательных, рассматриваемые предложения передают прямое волеизъявление говорящего относительно выполнения/ невыполнения действия [Храковский В.С., Володин А.П. 1986:13] или осущест-вляют побуждение [Касевич В.Б., 1988:206].

Во многих языках императивное наклонение представлено синтаксической конструкцией без подлежащего (безличным предложением), в том числе в английском, русском, французском, немецком, удмуртском и в других языках. В английском языке императивное наклонение выражают глаголы с каузативной семантикой, которые побуждают или повелевают к действию каузанта. В английском языке это глаголы: *let, demand, order, allow, ask, leave, avoid, etc.;* в русском языке – *позвольте, дайте, оставьте, избегайте* и др.*;* в удмуртском языке – *лэзьынэ, ваелэ, ойдо, вералэ* и т.д.*;* во французском языке – *permettez, donnez, laissez, évitez* и т.д.

Участником ситуации может быть одушевленное и неодушевленное отглагольное существительное, выражающее: характеристику субъекта, предмет, процесс, действие и т.д.

~ *Let the* ***buyer*** *beware.*

~ *Neither a* ***borrower*** *nor a* ***lender*** *be* (Shakespeare)

В рассматриваемых конструкциях, отглагольные существительные – одушевленные – представлены в роли адресатов тех, кому адресуется волеизъявление. По мнению В.С. Храковского, в подавляющем большинстве языков у императива нет временных форм и императиву присуща презентно-футуральная рамка [Храковский В.С., 1990]. Как правило, предикатные отношения являются монотемпоральными, локализованными в настоящем времени и при этом проецируются в будущее. Присущая императиву презентно-футуральная рамка объясняет его многообразную связь с соответствующими глагольными формами индикатива. Например, в русском

языке форма императива 2л. ед. ч. образуется от основы настоящего времени индикатива. Л.С. Бархударов отмечает, что форма повелительного наклонения в английском языке относится к непрошедшему времени, но при этом не исключает совпадения форм двух наклонений [Бархударов Л.С., 1975:133]. В удмуртском языке выступает одна форма – чистая основа инфинитива без показателя лица в ед. ч., а во множественном числе в структуре глаголов I спряжения – суффикс *-е (-э)* и факультативно – суффикс с модальным значением, придающим просьбе вежливость *-лэ (мынэ(лэ)*; а в структуре глаголов II спряжения употребление аффикса *-лэ* обязательно: *вералэ* [Каракулова М.К., Каракулов Б.И., 2001:173]. Известно, что императив выражает действия в будущем, поскольку связывают действия следующие друг за другом.

*~ Give **assistance** to anyone in difficulties and distress.*

*~ Avoid a **questioner**, for he is also a tattler.*

Английские отглагольные существительные как и в других языках выполняют синтаксическую функцию дополнения, реализуя тем самым направленность действия на объект.

*~ Examinons cette **question*** (ФЯ).

*~Au'elle soit, là-haut, rassurée: J'avais, quant à ses biens qui venaient de m'échoir, les **intentions** les plus pures* (Rochefort).

*~ Ayez rédigé votre **l'instruction** avant huit jours (Составьте ваше указание до конца недели).*

*~ Eerláuben Sie mir eine **Bemérkung**.*

В некоторых случаях императивные конструкции включают двух каузаторов, один из которых латентен и не выражен в структуре предложения, другой каузатор совпадает с адресатом каузации: *Leave me to do **the talking*** ($Maugham_1$). В таких случаях субстантивные значения отглагольного существительного (предметность, неодушевленность, определенность) и глагольные значения (темпоральность, аспектуальность –

длительность) сопряжены с темпоральным (футуральным) значением каузативного глагола и неличной формы глагола (инфинитива).

Итак, в императивных конструкциях отмечаются, как одушевленные, так и неодушевленные отглагольные существительные, выражающие адресата каузации (волеизъявления). Предикатные отношения, локализуемые в настоящем и проецируемые в будущее, связаны с отглагольными существительными указанной семантики, реализуемые в данном типе конструкций.

VI. Конструкции со значением состояния – N_1 –V – prep N_2 – prep N_V: ***He listened to her <u>with</u> perfect indifference, while she chose to entertain herself in this manner*****,…(Austen).**

В данном типе конструкций отмечаются отглагольные существительные, репрезентирующие сему психического состояния, которые образуются в основном по моделям мотивирующего глагола со словообразующими суффиксами: *-ment, -tion, -ence.* В английских и русских конструкциях содержатся три именных компонента. Первый из них – $\mathbf{N_1}$ является подлежащим, компонент $\mathbf{N_2}$ – дополнением. Третий именной компонент конструкции, выраженный отглагольным существительным, является определением или обстоятельством. В английском языке предлоги *with, without* находятся в препозитивном положении, а в русском языке существительное употребляется в творительном падеже, которому предшествуют предлоги *с, без.* Во всех анализируемых случаях отглагольное существительное зависит от глаголов чувственного восприятия: в английском языке – *look, listen,* во французском языке – *regarder, écouter*, в немецком – *sehen, hören,* в удмуртском – *учкыны, кылзыны.* Отглагольные существительные содержат семы эмотивного и психического состояния.

~ Mr. Hurst looked at her <u>with</u> ***astonishment*** (Austen).

~…he had looked at her <u>without</u> ***admiration*** (Austen).

~ Waddington looked at her <u>with</u> an ***embarrassmen****t that was unusual to him*…(Maugham$_1$).

~ *Elle le regardait sans* ***admiration*** (ФС).

~ *Er hat sie mit der* ***Verachtung*** *angeschaut* (НС).

~ *Марья Гавриловна взглянула на него с* ***удивлением*** (Пушкин$_3$).

~ *Мы посмотрели на него с* ***удивлением*** (Булгаков$_4$).

Предлоги в индоевропейских (английском, русском, французском) языках соответствуют послелогам в удмуртском языке.

~ *“Нош Шмелёв, солэсь* ***паймемзэ*** *чаклатэк, ас малпанзэ маде…”* (М. Петров).

~ *Мон со шоры учки* ***паймыса*** (М. Петров).

Факт активного использования отглагольных существительных, выражающих состояние в предложных конструкциях, обусловлен тем, что ситуация состояния, передаваемая отглагольным существительным, не может быть выражена без предлогов. Значение состояния отглагольных существительных связано с темпоральностью и аспектуальностью личного глагола, образующего данный тип анализируемых конструкций. Все отглагольные существительные характеризуются однократностью или многократностью действия, направленного на экспериенсив.

Выводы по второй главе

Таким образом, мы рассмотрели категорию отглагольного имени существительного в рамках двух аспектов: – морфологического (словообразовательного); – синтаксического.

Специфика значения отглагольного существительного (производного слова) представляет собой новообразование, синтез смысловых элементов отсылочной и формантной частей, образующих новое качество. При этом значение производных слов, обусловлено соотношением значений составляющих частей и опирается на те смысловые компоненты, которые содержат производящая основа – фундамент для лексического значения

производного слова – и словообразовательные суффиксы как носители семантической модификации слова.

Лексико-семантический анализ отглагольного существительного в соответствии с морфемным, словообразовательным аспектом позволил выделить 12 наиболее употребительных словообразовательных моделей, которые отличаются производностью и непроизводностью словообразовательных суффиксов. Отглагольные существительные подразделяются на агентивные и неагентивные существительные.

Агентивные отглагольные существительные – это лексико-семантическая категория, организованная двумя универсальными семантическим признаками – лицо и предмет. Указанный тип отглагольных существительных характеризуется разнородной семантикой: профессия/род деятельности (создание материального объекта, создание духовного объекта, создание объекта искусства), состояние (экспериенциальное, эмоциональное, временное, социальное), восприятие, характеристика субъекта, социальный статус, донативные существительные, экономические/юридические понятия, субстанция. Субстантивные категориальные свойства (агентивность, одушевленность/неодушевленность, определенность /неопределенность, число, качество) агентивных отглагольных существительных связаны с глагольными свойствами (каузативность, темпоральность, аспектуальность, залоговость – активность/пассивность). Данный тип отглагольных существительных характеризуется преобладанием субстантивых категориальных значений.

Неагентивные отглагольные существительные отличаются достаточно широкой семантической репрезентацией: предмет, состояние (временное состояние, психическое состояние, эмоциональное состояние, социальное состояние), действие (фазовое действие, результирующее действие), движение, группа людей, инструмент, посессивность, событийность и т.д. Некоторые неагентивные отглагольные существительные могут образовываться при помощи, как исконных, так и заимствованных

суффиксов. Отличительной чертой неагентивных отглагольных существительных, образованных при помощи заимствованных суффиксов, является абстрактное значение. В неагентивных отглагольных существительных отмечается совмещение субстантивных категориальных значений (предметность, абстрактность, неодушевленность, число) с глагольными категориальными значениями (действие, состояние, множественность, темпоральность, аспектуальность, залоговость). Большинство отглагольных существительных, выражающих абстрактное значение, характеризуются меньшим удельным весом глагольных категориальных значений. По-видимому, данный тип отглагольных существительных в большей степени «притягивается» к категории собственно имени существительного, оставаясь, при этом на периферии класса существительных.

Особым образом выделяются отглагольные существительные на ***-ing***, которые в полной мере сохраняют глагольные признаки, что обусловлено зависимостью отглагольного существительного от значения глагольной основы. Данные отглагольные существительные более насыщены глагольными категориальными значениями, такими как: темпоральность, аспектуальность (длительность, результативность), квантитативность, каузативность, инхоативность, посессивность и некоторыми другими.

На синтаксическом уровне выделяются следующие типы конструкций с отглагольным существительным: экзистенциальные, посессивные, модальные, сложные (сложноподчиненные) конструкции с придаточными условия, императивные, конструкции со значением состояния.

Экзистенциальные конструкции объединяют несколько категориальных значений: темпоральные, реализуемые глаголом *to be*, который локализуется преимущественно в настоящем и прошедшем, аспектуальные (результативность, длительность), квантитативные значения, обусловленные семантикой отглагольных существительных.

В посессивных конструкциях обнаруживаются связи посессивности и экзистенциальности. В такого рода конструкциях посессор выражен

преимущественно местоимением (*I, he, she,* etc.). Посессивные отношения связывают посессора с отглагольным существительным определенной семантики (психическое/эмоциональное состояние, событийность, субъект, посессивность), обусловленной типом анализируемой конструкции. Темпоральное значение посессивного глагола (*to have*) или непрототипического глагола локализуется в настоящем или прошедшем.

В модальных конструкциях значение модальности связано со значением темпоральности, эксплицируемым формами прошедшего, настоящего и будущего времени. В сочетании с модальными глаголами (комплексом «модальный глагол + инфинитив») отглагольное существительное может быть неограниченно длительно.

В сложных (сложноподчиненных) конструкциях с придаточными условия реализуется широким спектром категориальных значений, что объясняется формированием полипредикативного комплекса. Отглагольное существительное может быть конституентом как главного, так и придаточного предложений, что обусловливает связь отглагольного существительного с одним из предикатов конструкции. Предикаты главного и придаточного предложений связаны темпоральными и модальными отношениями. В свою очередь, отглагольные существительные связаны с кондициональным, модальным, залоговым значениями, реализуемыми конструкциями анализируемого типа.

В императивных конструкциях отглагольные существительные являются адресатами каузации (волеизъявления). В таких случаях субстантивные значения отглагольного существительного (предметность, одушевленность/неодушевленность, определенность) сопряжены с глагольными значениями (темпоральность, аспектуальность – длительность).

В конструкциях со значением состояния активно используются отглагольные существительные с предлогами, выражающие состояние. Данный факт обусловлен тем, что ситуация состояния, передаваемая отглагольным существительным, не может быть выражена без предлогов.

Значение состояния отглагольных существительных связано с темпоральностью и аспектуальностью личного глагола, образующего данный тип анализируемых конструкций. Все отглагольные существительные характеризуются однократностью или многократностью действия, направленного на экспериенсив.

Таким образом, тип конструкции обусловливает определенную семантику отглагольного существительного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы проанализировали межкатегориальные связи отглагольного существительного, остановившись предварительно на теоретических посылках исследования. Полученные результаты представляется возможным сформулировать следующим образом.

Межкатегориальные связи в грамматике отглагольного существительного реализуются:

1) как межкатегориальные связи в пределах одной словоформы – синтез нескольких категориальных значений (глагола и имени существительного);
2) как межуровневые связи в пределах одной категории;

Отглагольное существительное является гибридной формой, что обусловлено происхождением категории отглагольного существительного, являющейся результатом сочетания глагольных и субстантивных признаков. Реализация категории предметности способна выходить за рамки имени существительного и вступать во взаимодействие с глагольными категориями темпоральности, аспектуальности, залоговости и другими, вследствие чего выделяется периферийный подкласс имени существительного – отглагольное существительное. Такое взаимодействие обусловлено процессом словообразования, в результате которого глагольный признак перемещается в словообразующей основе в другую часть речи (имя существительное), а субстантивный признак – в другую часть речи (глагол).

Сосуществование в семантической структуре отглагольного существительного семантических категорий предметности и признаковости проявляется в двойственности синтагматической сочетаемости. С одной стороны, проявляется в их способности образовывать синтагмы с морфологическими маркерами существительных и функционировать в свойственных для класса существительных позициях подлежащего и дополнения. С другой стороны, отглагольные существительные близки к глаголам, от которых в ходе деривации они наследуют лексическое значение.

Специфика семантики отглагольного существительного проецируется на их грамматическую сочетаемость: как и собственно существительные, отглагольные существительные регулярно сочетаются с артиклями, предлогами, прилагательными, местоимениями.

В пределах одной словоформы отглагольного существительного могут синтезироваться именные (предметность, одушевленность/неодушевленность, собирательность, число) и глагольные (темпоральность, аспектуальность – результативность, длительность, модальность, залоговость, квантитативность, каузативность, посессивность) категориальные признаки. Образование отглагольного существительного привело к разнородности данной категории в семантическом плане, что обусловлено зависимостью отглагольных существительных от глаголов различной семантики. С одной стороны, исходные глагольные признаки: «процесс», «действие», «отношение», «состояние» накладывают свои ограничения на семантику производных отглагольных существительных, на их морфологическое и синтаксическое функционирование, с другой стороны, общекатегориальные признаки имени существительного либо усиливают, либо ослабляют признак предметности. В результате отглагольные существительные подразделяются на агентивные и неагентивные отглагольные существительные.

Агентивные отглагольные существительные, совмещают субстантивные категориальные свойства (агентивность, одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность, число, качество), которые связаны с глагольными свойствами (каузативность, темпоральность, аспектуальность, залоговость – активность/пассивность). Данный тип отглагольных существительных характеризуется преобладанием субстантивных категориальных значений.

В неагентивных отглагольных существительных отмечается совмещение субстантивных категориальных значений: предметность, абстрактность, неодушевленность, число с глагольными категориальными

значениями: действия, состояния, множественности, темпоральности, аспектуальности, залоговости. Большинство отглагольных существительных, выражающих абстрактное значение, характеризуется меньшим удельным весом глагольных категориальных значений. По-видимому, данный тип отглагольных существительных в большей степени «притягивается» к категории собственно имени существительного, оставаясь, при этом на периферии класса существительных.

Особым образом выделяются отглагольные существительные на ***-ing***, которые в полной мере сохраняют глагольные признаки, что обусловлено зависимостью отглагольного существительного от значения глагольной основы. Данные отглагольные существительные более насыщены глагольными категориальными значениями, такими как: темпоральность, аспектуальность (длительность, результативность), квантитативность, каузативность, инхоативность, посессивность и некоторыми другими.

Наряду со связями в одной словоформе реализуются межкатегориальные отношения на уровне предложения, которые определяются наличием в синтаксических парадигмах следующих связей и пересечений с функционально-семантическими категориями и функционально-семантическими полями категории глагола:

– в экзистенциальных конструкциях взаимосвязаны значения локатива, экзистенциальности и посессивности. Отглагольное существительное и личный глагол связаны с темпоральностью, залоговостью, аспектуальностью (результативность, длительность), квантитативными значениями, обусловленными семантикой отглагольных существительных.

– в посессивных конструкциях значение посессивности является преобладающим значением.

Значение обладания эмоциональными свойствами взаимосвязано со значениями экзистенциальности, темпоральности, активности/пассивности обладателя, каузативности.

Семантика обладания событием связана со значением экзистенциальности и значением активности/пассивности участников ситуации. Отглагольные существительные квантитативны.

В посессивных конструкциях непрототипического характера отмечается смена ситуации «иметь» на «не иметь», при этом отглагольные существительные являются объектом обладания, реже агенсом.

Посессивные отношения связывают посессора с отглагольным существительным определенной семантики, обусловленной типом анализируемой конструкции.

– в модальных конструкциях, отмечается актуализация тесного взаимодействия способности, возможности. В целом данные конструкции обозначают действие отглагольного существительного как возможное или необходимое. В сочетании с модальными глаголами (комплексом «модальный глагол + инфинитив») отглагольное существительное может быть длительным или неограниченным во времени. В связи с этим реализуемое значение отглагольного существительного длительно. Значение модальности связано со значением темпоральности, эксплицируемым формами прошедшего, настоящего и будущего времени.

– сложноподчиненные конструкции с придаточными условия усложнены двумя предикатами, образуя полипредикативные комплексы. Отглагольное существительное может быть частью как главного, так и придаточного предложений и связано с одним из предикатов конструкции. Отглагольные существительные, мотивированные эмотивными глаголами, глаголами чувственного восприятия, связаны с кондициональным, модальным, залоговым значениями, реализуемыми конструкциями анализируемого типа. Предикаты главного и придаточного предложений связаны темпоральными и модальными отношениями.

– в императивных конструкциях отглагольные существительные выступают в роли адресатов каузации (волеизъявления). Значения отглагольного существительного (предметность, одушевленность/неодушевленность,

определенность) связаны с темпоральным, аспектуальным, каузативным значениями глагола.

– конструкции со значением состояния репрезентируют значение «быть в состоянии», что обусловлено зависимостью отглагольного существительного от глаголов, выражающих значение состояния, бытия, эмотивных глаголов. Наряду с бытийным и эмотивным значениями, отглагольное существительное связано с темпоральным, аспектуальным и другими глагольными категориальными значениями. Все отглагольные существительные характеризуются однократностью или многократностью действия, направленного на экспериенсив.

В результате проведенного исследования установлено, что в указанных конструкциях с отглагольными существительными взаимосвязаны категориальные субстантивные и глагольные значения отглагольного существительного и категориальные значения, реализуемые глаголом, образующим соответствующий тип конструкции. Тип и характер межкатегориальных связей, обусловлены типом конструкции и типом отглагольного существительного.

Исследование межкатегориальных связей в грамматике отглагольного существительного имеет перспективы их дальнейшей детализации в специализированном дискурсе, в расширении классификации отглагольных существительных, в изучении терминологических групп – отглагольных существительных, учитывая активное пополнение словарного состава языка отглагольными существительными-терминами, в изучении когнитивных аспектов взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. – М.: Владос, 1999. – 288 с.
2. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
3. Адамец П.О. О семантических функциях девербативных и деадъективных существительных / П. Адамец. // НДВШ Филологические науки. – 1973. - №4. – С. 40-46.
4. Адмони В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. – Л.: Учпедгиз, 1960. – 264 с.
5. Акмалова Ф.Ш. Семантическая и формально-структурная репрезентации категории «состояние»: Дис. … канд. филол. наук. – Ижевск. 2005. – 235 с.
6. Алатырев В.И. Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, Удм. книжное изд-во, 1959. – 214 с.
7. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. – 257 с.
8. Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля/ Ю.Д. Апресян// Лексикографический сборник. – Вып.5. – М., 1962. – С. 113-119.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. – М.: РАН, 1995. – 472 с.
10. Аракин В.Д. История английского языка. – М.: Просвещение,1985. – 254 с.
11. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989. – 125 с.
12. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
13. Аристотель. Категории. Соч.: в 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С. 51-90.

14. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1973. – 303 с.
15. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
17. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – 520 с.
18. Архипов И.К. Семантика производного слова английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 128 с.
19. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистичекий энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 446-448.
20. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.
21. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
22. Бартков Б.И. Квантитативные методы исследования словообразовательной подсистемы современного английского языка // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. – С. 117-142.
23. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975. – 156 с
24. Бархударов Л.С. Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
25. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975. – 156 с.
26. Белошапкова В.А. Современный русский язык – синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
27. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
28. Берман И.М. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1993. – 257 с.

29. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 1986. – 383 с.
30. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
31. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.
32. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 208 с.
33. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Изд-во СПб университета, 1996. – 80 с.
34. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука. 1994. – 352 с.
35. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
36. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л.: Наука, 1979. – 232 с.
37. Бортэ Л.В. Проявление связей между частями речи в современном русском языке. – Кишинев: Штиинца, 1979. – 250 с.
38. Бруннер К. История английского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. Т.2. 322 с.
39. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. – СПб.: Изд-во наука, 1904, ч. 1. – 173 с.
40. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 320-355.
41. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.
42. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Наука, 1959. – 297 с.

43. Варшавская А.И. Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Наука, 1988. – С. 109-122.
44. Васильев Л.М. Значение в его отношении к системе языка. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1985. – 64 с.
45. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикаты движения. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 2002. – 88 с.
46. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Прогресс, 1985. – 500 с.
47. Взаимодействие единиц и категорий языковых подсистем. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2002. – 192 с.
48. Виноградов В.В. История русского литературного языка. – М.: Наука. 1978. – 487 с.
49. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
50. Винокур Г.О. Собрание трудов: Введение в изучение филологических наук. – М.: Просвещение, 1959. – 189 с.
51. Володина М.Н. Информационная природа термина // Фил. науки № 1, 1996. – С. 90-94.
52. Вопросы грамматики английского, немецкого и французского языков. Ученые записки. Том XXVIII. – Иваново, 1996. – 120 с.
53. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. – 399 с.
54. Гайнуллина Р.Г. Посессивные предложения в свете теории диатез // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сб. научн. трудов / Под ред. А.Х. Мерзляковой. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2002. – С. 50-59.
55. Гайнуллина Р.Г., Сусов И.П. Моделирование семантической структуры посессивных предложений // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сб. научн. трудов / Под

ред. А.Х. Мерзляковой. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский ун-т», 2002. – С. 59-70.

56. Гайсина Р.М. Глаголы соответствия в русском языке // Классы слов и их взаимодействие. – Свердловск, 1979. – С. 13-20.
57. Гайсина Р.М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения). – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1980. – 80 с.
58. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. – 196 с.
59. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1988. – 263 с.
60. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск, 1962. – 376 с.
61. Грушко Н.Е. Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Часть I. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. – 212 с.
62. Гуревич В.В. Сопоставительный анализ словообразовательных моделей отвлеченных существительных с суффиксами общегерманского происхождения: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1970. – 19 с.
63. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: МПГУ, 2001. – 105 с.
64. Гуткин М.А. Отглагольное существительное и развитие герундия в английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1967. – 14 с.
65. Гутнер Г.Б. Философия языка. Часть I. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 80 с.
66. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант / Отв. Ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – 246 с.
67. Дешериева Т.и. К проблеме соотношения глагольных категорий вида и времени // ВЯ, 1976. – № 4. – С. 72-76.
68. Доза А. История французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 471 с.

69. Долгополова З.К. Модальные глаголы в английском языке. – М.: МГПИ, 1961. – 86 с.
70. Долинина И.Б. Системный анализ предложения. – М.: Высшая школа, 1977. – 176 с.
71. Дрожащих Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос ун-та, 2006. – 256 с.
60. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. – М., 1999. – С. 131-256.
72. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.
73. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 350 с.
74. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. – С. 60-82.
75. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1948. – 300 с.
76. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Наука, 1999. – 198 с.
77. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. – 528 с.
78. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. – 308 с.
79. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект). – Л.: ЛГУ, 1986. – 126 с.
80. Зернов Б.Е. Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: ЛГУ, 1988. – 208 с.
81. Зельберг Ю.Б. Имена действия в парадигме предложения в современном английском языке: Дис. …канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 157 с.

82. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая морфология немецкого языка. – Л.: Просвещение, 1968. – 263 с.
83. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1977. – 250 с.
84. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
85. Золотова Г.А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных // Синтаксис и стилистика. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – С. 84-89.
86. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 368 с.
87. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
88. Иванова И.П. Чахоян Л.П. История английского языка. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.
89. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного / Э.В. Ильенков // История марксистской диалектики от возникновения марксизма до ленинского этапа. – М.: Мысль, 1971. – С. 237-264.
90. Ильиш Б.А. История английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 378 с.
91. Ильиш Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 347 с.
92. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1971. – 336 с.
93. Иофик Л.Л. Структурный синтаксис английского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – 176 с.
94. История лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л.: Наука, 1980. – 450 с.

95. Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск: Изд. Дом «Удмуртский университет», 2001. – 226 с.
96. Каращук П.М. Словообразование английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с.
97. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
98. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 223 с.
99. Кельмаков В.К., Вахитов О.В., Чуч Ш. Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка // Периодизация истории удмуртского языка. – Ижевск, 1992. – С. 48-62.
100. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. – 118 с.
101. Клобуков Е.В. Рецензия: Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. – СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1996. – 231 с.
102. Кобрина Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. Ч.2. – Тамбов: ТГУ, 2000. – С. 170-175.
103. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. – Л.: Наука, 1991. – 139 с.
104. Козинцева Н.А. Оглоблин А.К. Типология. Грамматика. Семантика. – Спб.: Наука, 1998. – 352 с.
105. Козлова Л.А. Проблемы взаимодействия единиц различных языковых уровней // О взаимодействии лексического и грамматического уровней языка в отдельных подклассах имен существительных в современном английском языке. – Барнаул, 1984. – С. 39-54.

106. Колесов В.В. История русского языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 672 с.
107. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
108. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – Л.: Наука, 1988. – 165 с.
109. Кочергина В. А. Введение в языковедение. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 526 с.
110. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996. – 319 с.
111. Крылова Е.В. Вопросы грамматики английского языка. – М.: Наука, 1997. – 156 с.
112. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания, 1974. – № 5. – С. 64-76.
113. Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. – М.: Наука, 1977. – 115 с.
114. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 201 с.
115. Кубрякова Е.С. Взаимодействие грамматических категорий в языке и речи // Тезисы докладов конференции. – Вологда: Русь, 1996. – 80 с.
116. Кубрякова Е.С. Язык и Знание на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
117. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностранная литература, 1962 – 462 с.
118. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
119. Лангаккер Р.У. Когнитивная лингвистика. – М.: Просвещение, 1985. – 80 с.

120. Левицкий А. Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. – Киев, 1998. – 278 с.
121. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие по спецкурсу. – Пермь: Перм. пед. у-т, 2003. – 419 с.
122. Левицкий Ю.А. Общее языкознание. – Пермь: Перм. пед. у-т, 2004 – 296 с.
123. Левицкий Ю.А., Боронникова Н.В. История лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 2005. – 302 с.
124. Лиман Е.Н. Части речи и языковая «вещественность»: аспекты категориального взаимодействия: Дис. … канд. филол. наук. – СПб. 2003. – 172 с.
125. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 758 с.
126. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. – 381с.
127. Лосев А.Ф. Языковая структура. – М.: Наука, 1983. – 373 с.
128. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
129. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Изд-во «Флинта», 2006. – 296 с.
130. Медведева Л.М. Части речи и залог. – Киев: Вища школа, 1983. – 140 с.
131. Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – 232 с.
132. Мельчук И.А., Перцов Н.В. Поверхностно-синтаксические отношения в английском языке. – М.: Наука, 1973. – 80 с.
133. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей. Смысл ↔ Текст. Семантика. Синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1995. – 495 с.
134. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.2. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 543 с.

135. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. – М.: Наука, 1976. – 246 с.
136. Мещанинов И.И. Общее языкознание. – Л.: Учпедгиз, 1940. – 260 с.
137. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
138. Мещанинов И.И. Глагол. – Л.: Наука, 1982. – 272 с.
139. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 238 с.
140. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 206 с.
141. Москалева И.П. Соотношение эксплицитных и имплицитных средств выражения языковых значений в современном немецком языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1986. – 24 с.
142. Москальская О.И. История немецкого языка. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 390 с.
143. Мухин А.М. Морфологические и синтаксические категории // Исследования по языкознанию. – СПб.: Изд-во СПб университета, 2001. – 376 с.
144. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л.: Наука, 1969. – С. 5-19.
145. Немченко В.Н. Современный русский язык: Словообразование. – М.: Высшая школа, 1984. – 255 с.
146. Никитович В.М. Основы номинативной деривации. – Минск: Высшая школа, 1985. – 157 с.
147. Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 355 с.
148. Перевощиков П.Н. Грамматика современного удмуртского языка (фонетика и морфология). – Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962. – 375 с.

149. Перцов Н.В. О грамматических категориях английского глагола. Предварительные публикации. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1976. Вып. 90. – 62 с.
150. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Наука, 1956. – 511 с.
151. Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 126 с.
152. Плоткин В.Я. Строй английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 239 с.
153. Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале англ. яз.): Дис. …докт. филол. наук. – М. 1999. – 304 с.
154. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 30 с.
155. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 191 с.
156. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. – 527 с.
157. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. – 379 с.
158. Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм английского глагола. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. – 170 с.
159. Пушина Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм (на материале современного английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков): Автореф. дис. …д-ра филол. наук. – Ижевск, 2001. – 40 с.
160. Пыбова И.А. Проблемы словообразовательного значения и словообразовательные парадигмы (на примере отглагольных суффиксальных образований во французском языке). //Вопросы

лексической и грамматической семантики: Сборник научных трудов. – М. 1983. – 184 с.

161. Расторгуева Т.А. Жданова И.Ф. Курс лекций по истории английского языка. Выпуск III и IV. Развитие языка в среднеанглийский и новоанглийский периоды. – М.: Высшая школа, 1972. – 176 с.
162. Рахмилевич М.Н. Морфемика и словообразование // О роли компонентов словообразовательной модели в формировании семантики отглагольных существительных с суффиксом -er в английском языке. – Л.: ЛГУ, 1983. – 120 с.
163. Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. – 280 с.
164. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Наука, 1967. – 323 с.
165. Руденко Д.И. Конкретизация абстрактных и вещественных существительных // Русский язык в национальной школе. – 1988. – №7 . – С. 6-11.
166. Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. – М.: Наука, 1979. – 214 с.
167. Селиверстова О.Н. Контрастивная семантика: Опыт описания. – М.: Наука, 1990. – 150 с.
168. Серебренников Б.А. Вопросы грамматического строя. – М.: Изд-во МГУ, 1955. – С. 54-73.
169. Скороходько Э.Ф. Вопросы теории английского словообразования и ее применение к машинному переводу. – Киев: Изд-во Киевского ун-та. – 116 с.
170. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М.: Наука, 1986. – 215 с.
171. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 206 с.

172. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957. – 286 с.
173. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
174. Смирницкий А.И. История английского языка (средний и новый период). Курс лекций. – М.: МГУ, 1965. – 138 с.
175. Соболева П.А. О структуре словообразовательного форманта // Единицы разных уровней грамматического строя языка и взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 84-297.
176. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1973. – 360 с.
177. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 148 с.
178. Степанов, Ю.С. Имя // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. Большая Российская Энциклопедия, М., 2000. С. 175 – 176.
179. Стернин И.А., Попова З.Д. Лексическая система языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 145 с.
180. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 171 с.
181. Сусов И.П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики // Материалы 1 междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч.1. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С. 16-20.
182. Сюткина М.Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций: Дис. … канд. филол. наук. – Ижевск, 2004. – 184 с.
183. Тараканов И.В. Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // СФУ. – Ижевск: Удмуртия, 1962. №3 (I). – С. 229-230.

184. Тарамжина Л.В. Семантико-синтаксический потенциал однокоренных глагольных субстантивов в современном английском языке: На материале производных номинативного типа, образованных от глаголов действия, сопровождающегося звуковым эффектом: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1997. – 25 с.
185. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
186. Тронский И.М. Учение о частях речи у Аристотеля // Ученые записки ЛГУ. – Л.: ЛГУ, 1941. – 379 с.
187. Тронский, И.М. Основы стоической грамматики // Романо-германская филология: Сб. статей в честь акад. В.Ф. Шишмарева. Л., 1957. – С. 79 – 85.
188. Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. – Л.: Наука, 1973. – 205 с.
189. Уланова С.Б. Грамматическая семантика как объект грамматической стилистики (формо и словообразование в современном английском языке): Дис. … канд. филол. наук. – М., 2006. – 204 с.
190. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
191. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С.44-60.
192. Уфимцева А.А. Понятие языкового знака. – В кн.: Общее языкознание. М.: Наука, 1970. – 208 с.
193. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 204 с.
194. Филичева Н.И. История немецкого языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1959. – 280 с.
195. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Том 1,2 – М.: Наука, 1956. – 498 с.
196. Харитончик З.А. Лексикология английского языка. – Минск: Вышейш. школа, 1992. – 124 с.

197. Хлебникова И.Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка. – М.: ЧеРО, 2001. – 179 [1] с.
198. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 304 с.
199. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 259 с.
200. Хомский Н. Синтаксические структуры. – Благовещенск, 1998. – 138 с.
201. Хорнби А.С. Конструкции и обороты английского языка. – М.: АО «Буклет», 1994. – 336 с.
202. Храковский В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. – М.: Наука, 1973. – 289 с.
203. Храковский В.С. Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 489-507.
204. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания, 2003. – № 2. – С. 32-53.
205. Царев П.В. Производные слова в английском языке. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. – 131 с.
206. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
207. Шаламов Ю.В. О месте конструкции типа to take a look в системе современного английского языка: Автореф дис. … канд. филол. наук. – М., 1968. – 24 с.
208. Шаламов Ю.В. Очерки по типологии грамматических категорий имени существительного и глагола русского и английского языков. – Ижевск: Удм. гос. ун-т, 1987. – 126 с.
209. Шатуновский И.Б. Семантическая структура предложения. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 399 с.
210. Шахматов А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). – М.: Учпедгиз, 1952. – 272 с.

211. Шведова Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис) // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – С. 105-121.
212. Шигуров В.В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции словоформ в системе частей речи. - Саранск: Красн. Окт., 2001. – 189 с.
213. Широглазова Н.С. Система глубинных падежей и средств их выражения: Дис. … канд. фил. наук. – Пермь, 2004. – 169 с.
214. Шишмарев В.Ф. Историческая морфология французского языка. – М-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – 268 с.
215. Шнайдман М.Н. Грамматико-лексическое микрополе прошедшего времени в современном английском языке. – М.: Наука, 1982. – 205 с.
216. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. – М.: МГИМО, 1996. – 254 с.
217. Шубик С.А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке / Отв. ред. В. М. Павлов; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л.: Наука, 1989. – 257 с.
218. Шутов А.Ф. Гипотаксис в удмуртском языке. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. – 101 с.
219. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 118 с.
220. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Изд-во Наука, 1974. – 427 с.
221. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
222. Эйтчисон Д. Грамматика, орфография, пунктуация, синтаксис. – М.: Наука, 1996. – 299 с.
223. Языковая номинация / Отв. Ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 356 с.
224. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – М.: Наука, 1962. – 274 с.

225. Ярцева В.Н. Проблемы функциональной грамматики. – М.: Изд-во Наука, 1985. – 199 с.
226. Anderson S.R. Inflectional Morphology // Language Typology and Syntactic Description. Vol. III. Grammatical Categories and the Lexicon. – Cambridge, 1985. – P. 174-189.
227. Baugh A.C. A History of the English Language. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, Inc. 1963. – 506 p.
228. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. – M.: Высшая школа, 1983. – 383 p.
229. Burridge K. Blooming English. Observations on the Roots, Cultivation and Hybrids of the English language. – Cambridge, 2004. – 242 p.
230. Cruse D. Alan and Croft W. Cognitive Lingvistics. – Cambridge, 2004. – 435 p.
231. Croft W. Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information. – Chicago, 1991. – 349 p.
232. DeLancy. Formulaicity, Frame Semantics, and Pragmatics in German Binomial Expression. – Cambridge, 1984. – 560 p.
233. Dokulil M. Tvorenie slov v češtině. Praha, 1962.
234. Givón T. Prototypes: between Plato and Wittgenstein // Noun Classes and Categorization: proceedings of symposium on Categorization and Noun Classification, Eugene, Oregon, October 1983 / edited by Colette Craig. – Amsterdam, 1986. – P. 77-102.
235. Givón T. English Grammar. A Function-Based Instruction. – Vol. 1 – Amsterdam. Philadelphia: Benjamins, 1993. – 318 p.
236. Gordon E.M. Krylova I.p. A Grammar of Present Day English. Practical Course. – M.: Высшая школа, 1986. – 430 p.
237. Gunter S. Systems of Nominal Classification. – Cambridge, 2000. – 350 p.
238. Halliday M.A. An Introduction to Functional English grammar. – London: Edward Arnold, 1994. – 392 p.

239. Hewings M. Advanced Grammar in Use. – Cambridge University Press, 1999. – 340 p.
240. Hudson R.A. English Word Grammar. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 137 p.
241. Jackendoff R. Foundations of Language. Brain, Meaning, Grammar, Evolution. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 477 p.
242. Jespersen O. Essentials of English Grammar. – N.Y., 1933. – 387 p.
243. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. V: Syntax. Fourth Volume. – London. Copenhagen, 1954. – 514 p.
244. Lakoff G. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980. – 242 p.
245. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Stanford, 1987. – 539 p.
246. Lyons J. Semantics V.2. – Cambridge – London – N.Y. – Melbourne, 1977. – 519 p.
247. Marchand H. Studies in Syntax and Word – Formation. Selected Articles by H. Marchand on the Occasion of his 65 birthday on October 1972. – Munchen, Fink 1974. – 439 p.
248. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Word – Formation. A Synchronic – Diachronic Approach. – Wiesbaden, 1960. – 379 p.
249. Medvedeva L.M. English Grammar in proverbs, sayings, idioms and quotations. – Kiev: State University Press, 1990. – 240 p.
250. Plag I. Word-Formation in English. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 240 p.
251. Stockwell R. Minkova D. English Words History and Structure. – Cambridge, 2001. – 208 p.
252. Sweet H. A New English Grammar: Logical and Historical. P. I. – Oxford, 1940. – 499 p.
253. Van Valid R.D.Jr. Advances in Role and Reference Grammar. – Amsterdam, 1993. – 267 p.

254. Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. – The Hague; Paris, 1967. – P. 2232-2249.
255. Winkens M.A. Grammatical Numbers in English Nouns: an Empirical and Theoretical Account. – Amsterdam, Philadelphia, 1992. – 415 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Exupéry – Antoine de Saint-Exupéry. Le Petit Prince. – Moscou : Editions du Progress, 1998. – 349 – 403 p. (Exupéry)
2. Austin – Austin J. Pride and Prejudice. – Chatham: Wordsworth Editions Limited, 1992. – 264 p. (Austin)
3. Baker – Baker L. The Boy Next Door // Selected Stories. – M.: Просвещение, 1987. – P. 99 – 103. (Baker)
4. Balzac – Honoré de Balzac. La cousine Bette. – Paris : Bookling International, 1993. – 570 p. (Balzac)
5. Brontë – Brontë Sh. Shirley. – London: Penguin Books, 1994. – 666 p. (Brontë)
6. Collins – Collins W. The Woman in White. – London: Penguin Books, 1994. – 648 p. (Collins)
7. Christie – Christie A. Best Detective Stories. – Longman, 1997. – 152 p. (Christie)
8. Defoe – Defoe D. Moll Flanders. – London: Penguin Books, 1994. – 376 p. (Defoe)
9. Dumas – Dumas A. La Reigne Margot. – Paris: Bookling International, 1993. – 539 p. (Dumas)
10. Dyke – Kate Van Dyke. A Primer of Oilwell Service, Workover, and Completion. – Dallas, Texas, 1997. – 160 p. (K.V. Dyke)
11. Economist – The Economist. May 1st – 7th 2004; July 3rd – 9th 2004; August 21st – 27th 2005. (Economist)
12. Flaubert – Flaubert G. Madame Bovary. – M.: Éditions du Progrès, 1974. – 500 p. (Flaubert)
13. Fowles – Fowles J. The Ebony Tower. – M.: Менеджер, 1999. – 256 p. (Fowles)

14. Hailey – Hailey A. The Final Diagnosis. – Л.: Просвещение, 1978. – 171 p. (Hailey)
15. Hailey – Hailey A. Hotel. – London: Corgi Books, 1998. – 507 p. ($Hailey_2$)
16. Harvey – Harvey G. Friendship is Forever. Quotations. – N.Y. Avenel, New Jersey: Gramercy Books, 1992. – 60 p. (Harvey)
17. Henry – Henry O. 25 Best Stories. – Moscow: Jupiter-Inter, 2004. – 192 p. (Henry)
18. Huxley – Huxley A. Point Counter Point. – London: Corgi Books, 1955. – 245 p. (Huxley)
19. Joyce – Joyce J.E. A Painful Case // English Story. – M.: Менеджер, 1999. – P. 101-120. (Joyce)
20. Lawrence – Lawrence D.H. Selected Prose. – M.: Менеджер, 2000. – 208 p. (Lawrence)
21. Maltz – Maltz A. The Happiest Man on Earth // Selected Stories. – M.: Просвещение, 1987. – P. 21-25. (Maltz)
22. Mann – Mann T. Tonio Kröger. – M.: Айрис Пресс, 2002. – 256 S. (Mann)
23. Maugham – Maugham W.S. The painted Veil. – M.: Международные отношения, 1981. – 248 p. ($Maugham_1$)
24. Maugham – Maugham W.S. Theatre. – M.: Vyssaja Scola, 1985. – 223 p. ($Maugham_2$)
25. Maugham – Maugham W.S. The Razor's Edge. – M.: Менеджер, 1999. – 320 p. ($Maugham_3$)
26. McCarty – McCarty M. English Vocabulary in Use. – Cambridge University Press, 1994. – 296 p. (McCarty)
27. Montgomery – Montgomery L.M. Anne of Avonlea. – N.Y. Toronto. London: Bantam Books, 1998. – 276 p. (Montgomery)
28. Mure – Pierre La Mure. Moulin Rouge. – M.: «Менеджер», 2002. – 368 p. (Mure)

29. Newsweek – Newsweek. December 1, 2004; January 12, 2204; March 1, 2005; June 28, 2005. (Newsweek)
30. Oil and Gas Eurasia – Oil and Gas Eurasia, 2004. № 4, № 9. (Oil and Gas Eurasia)
31. OKAPI – OKAPI. Du 27 Juillet au 30 Août, 1996. (OKAPI)
32. Pike – Pike C. Weekend. – N.Y.: Scholastic Inc., 1986. – 230 p. (Pike)
33. Washington Post – The Washington Post. August 16th – 27th 2006; September 1st – 4th 2006. (Washington Post)
34. Proficiency – Proficiency. Nelson English Language Teaching. – London. N.Y. Tokyo, 1995. – 224 p. (Proficiency)
35. Rabelais – Rabelais F. "Pantagruel" Paris: Editions du Seuil, 1996. – 237 p. (Rabelais)
36. Redbook – Redbook. For America's Mothers and Shakers. // Hearts Magazines. – January 2000.Vol. 194. – № 01A. – 148 p. (Rebook)
37. Remarque – Remarque E. M. Zeit zu leben und zeit zu sterben. – Moskau: Jupiter-Inter, 1999. – 355 S. (Remarque)
38. Salinger – Salinger J.D. The Catcher in the Rye. – СПб.: Антология, 2004. – 256 p. (Salinger)
39. Shakespeare – Shakespeare W. Hamlet Prince of Denmark // The Tragedies. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – P. 107-235. (Shakespeare)
40. Shaw – Shaw I.W. Delicate Gay. – Л.: Просвещение, 1976. – P. 82-110. (Shaw)
41. Sheldon – Sheldon S. If Tomorrow Comes. – N.Y.: Warner Books, Inc., 1986. – 408 p. (Sheldon)
42. Süskind – Süskind P. Das Parfum. – Die Geschichte eines Mörders Diogenes. – 331 S. (Süskind)
43. Wilde – Wilde O. The Picture of Dorian Gray. – London: Penguin Books, 1994. – 256 p. (Wilde)
44. Wodehouse – Wodehouse P.G. Deep Waters // Selected Stories. – M.: Просвещение, 1987. – P. 51-55. (Wodehouse)

45. Woman's Day 8/3/99. – N.Y.: Philip Morris Inc., 1999. – 170 p. (WD)
46. Акунин – Акунин Б. Пелагея и красный петух. Роман в 2 т. – М.: ООО Изд-во АСТ, 2003. – Т. II. – 266 с. (Акунин$_1$)
47. Акунин – Акунин Б. Эраст Фандорин VIII коронация, или последний из романов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. bestlibrary.ru (Акунин$_2$)
48. Архипов – Архипов Т.А. *Ёóäçè Шур дурын*. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 118 с. (Архипов)
49. Блинов – Блинов П. Улэм потэ. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1967. – 234 с. (Блинов)
50. Булгаков – Булгаков М. Полотенце с петухом // Рассказы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – С. 432-442. (Булгаков$_1$)
51. Булгаков – Булгаков М. Вьюга // Рассказы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – С. 442-452. (Булгаков$_2$)
52. Булгаков – Булгаков М. Тьма Египетская // Рассказы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – С. 452-460. (Булгаков$_3$)
53. Булгаков – Булгаков М. Я убил // Рассказы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – С. 489-498. (Булгаков$_4$)
54. Булгаков – Булгаков М. Морфий // Рассказы. – Алма-Ата: Жалын, 1989. – С. 460-485. (Булгаков$_5$)
55. Достоевский – Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 728 с. (Достоевский)
56. Кенеш – «Кенеш» – Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей УР. – Ижевск, 1996, № 5. (Кенеш)
57. Маканин – Маканин В.С. – Отставший // Проза и рассказы – М.: Худ. литература, 1988. – 431 с. (Маканин)
58. Маринина – Маринина А. Я умер вчера: Роман в 2-х т. Т.1. – М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1998. – 400 с. (Маринина)

59. Митрей – Митрей К. Секыт зӥбыт // Роман но верасъёс. – Ижевск, 1973. – 187 с.
60. Петров – Петров М. Вуж Мултан. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 250 с.
61. Пушкин – Пушкин А.С. Станционный смотритель // Проза. – М.: Правда, 1983. – С. 89-100. (Пушкин$_1$)
62. Пушкин – Пушкин А.С. Пиковая дама // Проза. – М.: Правда, 1983. – С. 220-247. (Пушкин$_2$)
63. Пушкин – Пушкин А.С. Метель // Проза. – М.: Правда, 1983. – С. 70-82. (Пушкин$_3$)
64. Самсонов – Самсонов Н. Адӟон . – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 76 с. (Самсонов)
65. Твоя компания ТНК-ВР – Твоя компания ТНК-ВР – № 1, № 11, 2003; № 4, № 5, 2004. (Твоя компания ТНК-ВР)
66. Толстой – Толстой А.Н. Любовь // Рассказы. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – С. 23-50. (А.Н. Толстой$_1$)
67. Толстой – Толстой А.Н. Наваждение // Рассказы. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – С. 83-94. (А.Н. Толстой$_2$)
68. Толстой – Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 1-4. – Л.: Художественная литература, 1982. – 448 с. (Л.Н. Толстой)
69. Толстая – Толстая Т. Река Оккервиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/okkervil.html (Толстая)
70. Удмурт дунне – Удмурт дунне. – №7, 1987. (Удмурт дунне)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: «Большая Российская Энциклопедия», 2000. – 685 с. (БЭС-Языкознание)
3. Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. – 384 с.
4. Булатов А.И., Пальчиков В.В. Англо - Русский Словарь по Нефти и Газу. – М.: Руссо, 2002. – 400 с.
5. Бутолин А. Русско-удмуртский словарь. – Ижевск: УДГИЗ, 1942. – 453 с.
6. Ким О.М. Словарь грамматических омонимов русского языка. – М.: Астрель, 2004. – 842 с.
7. Кротов З. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 375 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 778 с. (ЛЭС)
9. Мюллер В. Большой Англо-Русский Словарь. – М.: Рипол Классик, 2004. – 832 с.
10. Немецко-русский словарь / Под ред. К. Лейн, Д.Г. Мальцева. – М.: Рус. яз., 1993. – 1040 с.
11. Раевская О.В. Новый французско-русский и русско-французский словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 600 с.
12. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с. (ФС)
13. ABBYY Lingvo 10. Многоязычный электронный словарь (Lingvo) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: ABBYY Software, 2004. –

Электрон. диск (CD-ROM). Систем. требован.: Intel/Pentium/Celeron/ Xeon 200 MHz; 64 Mb/32Mb; MS Windows 2000/XP, Windows 98/ME.

14. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford, 1995. P.I A-L. – 509 p. P.II M-Z. – 528 p. (OALD)
15. Küpper Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – Stuttgart – München – Düsseldorf – Leizig, 1997. – 959 S. (DW)
16. Le Robert Micro Poche Dictionnaire de la langue Française. – Paris, 1997. – 1472 p. (FD)
17. MACMILLAN English Dictionary for advanced learners. – London, 2006. – 1692 p. (MACMILLAN)
18. The Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners. – HarperCollins Publishers. – 2001. – 1824 p. (CCED)
19. The Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Ltd., 1992. – 1528 p. (DELC)
20. The Dictionary Activator. – Longman Group UK Ltd., 1993. – 1857 p. (DA)
21. The New Oxford Thesaurus of English. – New York: Oxford University Press, 2000. – 108 p.